ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

еванский электромашиностроительный завод. Сварка кожухов трансформаторов.

Фото О. Кнорринга.

первой странице обложки: Л. А. Фаттахов. БОЛЕЛЬЩИКИ. Казань.
Выставка произведений художников РСФСР.

На последней странице обложки:
В Аризоне (США). Коневод Гарольд Дохерти.
Фото А. Софронова.

ОГОНЁК № 5 (1494) 29 ЯНВАРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В Большом Кремлевском дворце состоялось совещание комсомольцев и молодежи, отличившихся на освоении целинных и залежных земель. Здесь собрались молодые механизаторы, строители, специалисты сельского хозяйства — всего более тысячи новоселов Казахстана, Сибири, Поволжья, Зауралья и Дальнего Востока.

На совещании выступил сердечно встреченный Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

Участники совещания приняли Обращение к комсомольцам и комсомолкам, ко всем юношам и девушкам, осваивающим целинные и залежные земли.

На снимке: выступление товарища Н. С. Хрущева.

Фото Я. Рюмкина.

Навстречу XX съезду КПСС

ИЖОРЦЫ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Я. Рюмкина.

Ижорская сталь! Днем и ночью льется она огненной рекой. Если вам случалось проезжать по Октябрьской железной дороге из Москвы в Ленинград, вы всегда видели отсветы этой реки, о которой в свое время писал в «Хлебе» Алексей Толстой. Вспомним этот эпизод.

...Шел 1918 год. Советское правительство переезжало из Петрограда в Москву. Кое-кто говорил, что Смольный — символ Советской власти и рабочие не поймут, почему правительство уезжает в Москву. Возражая им, Ленин говорил, что рабочие «лучше и проще нас поймут, почему мы уезжаем... Переедем в Кремль — символом станет Кремль. Что за сентиментальная чепуха — символ!»

Глядя в окно поезда туда, где проступали очертания Ижорского завода, Владимир Ильич постучал ногтем в стекло:

— Вот это — символ, если вы уж хотите... Несмотря на голод, на то, что немцы в Пскове,— льют сталь...

...Ни днем, ни ночью не гаснут мартеновские печи. Когда фашисты, прорываясь к Ленинграду, подошли почти к самым заводским воротам, ижорцы под прикрытием рабочих батальонов ковали оружие под землей.

Ныне ижорскую сталь льют возрожденные, омоложенные мартены для мирных целей. Из нее прокатывают котельные и корабельные листы, насосные и бурильные трубы, паровозные рамы, куют диски турбин...

В мартеновском цехе мы застали Алексея Семеновича Бородина, недавно вернувшегося из Жданова, с металлургического завода.

— Поездка удачная. Места у них красивые, у самого Азовского моря. Слов нет, и работают хорошо. Только и за свой завод краснеть не пришлось.

Многие десятилетия сталь варили в печах со сводами из динасового кирпича. Но вот ижорцы наладили производство кирпича из магнезита и хромистой руды. Этот кирпич не обжигают, ставят его в сыром виде, он более долговечен и огнеустойчив. Варят сталь теперь на повышенных тепловых режимах, ускорился процесс плавления, сократился простой печей на ремонте, увеличился съем стали.

Мы находимся на площадке и любуемся работой Бородина. Плавка вот-вот поспеет, и надо торопиться, чтобы не упустить ни одной секунды. Но Бородин стоит спокойно, движения его как будто медлительны, команду дает он не спеша. И эта спокойная уверенность передается окружающим. Никакой суеты. Все делается строго размеренно.

Учился Бородин искусству сталеварения у Сергея Николаевича Гаврилова, одного из лучших представителей династии ижорских металлургов.

— Не горячись у мартена,— часто напоминал ему Гаврилов,— тут и так жарко.

В Жданове Бородин заключил договор социалистического соревнования со сталеваром И. Костюком. Шесть тысяч тонн стали сверх плана — такое слово дал Алексей Семенович.

Командуя своей бригадой, Бо-

За выпуском металла наблюдает сталевар С. Ильин (слева).

Кузнец В. Исаков замеряет вал.

Л. Матанцев подает заявление о приеме в партию. За столом — секретарь цехового партбюро В. Захаров.

Плавку ведет А. Бородин.

родин нет-нет, да и посмотрит на соседей: как там у них? Он ведь интересуется не только своим мартеном, но и всем сталеплавильным хозяйством, где у каждой печи несут вахту в честь XX съезда партии.

Вот Виктор Замш, первый подручный сталевара Сергея Ильина, щурясь от обжигающего зарева, зачерпывает раскаленный металл на пробу. Судя по времени, у Ильина плавка тоже будет скоростной. Из репродуктора доносится голос лаборанта. Экспресс-лаборатория сообщает содержание углерода и марганца в пробе, взятой из плавки Бородина.

Звонок в колокол. Бригадир просит подать разливной ковш. Сталь сварена, а в резерве еще два часа пятнадцать минут.

— Начинаем,— говорит Бородин.

Подручный разделывает ломом отверстие, и огненная струя устремляется по желобу в разливной ковш.

Бородин заносит еще одну цифру в записную книжечку. Сегодня он сообщит в город Жданов Ивану Костюку: в счет предсъездовского обязательства выданы шесть тысяч тонн сверхплановой стали.

...Прокатный цех. Сюда поступают неостывшие слитки металла, несколько часов назад выданного мартеновцами. Многотонный слиток попадает на мощный пресс.

— Хорошо! — дает знак кузнец Виктор Павлович Исаков. И тут же — мощный нажим бойков.

На этом же прессе почти четверть века назад Исаков ковал ролики для первого советского блюминга. Сегодня он кует валы для прокатных станов. Кузнец берет огромный кронциркуль и замеряет им раскаленный добела вал.

Старший мастер прессового участка комсомолец Лев Матанцев гордится, что ему приходится работать рядом с представителями старой ижорской гвардии. Три года назад из институтской аудитории он пришел в прокатный цех. У ижорцев молодой специалист сверял первые основы науки с жизнью. И не удивительно, что именно здесь Матанцев подал заявление: «В дни, предшествующие Двадцатому съезду родной партии, прошу принять меня в ряды КПСС. Желаю быть в передовых рядах строителей коммунизма».

...Огромен Ижорский завод. Длинный путь проходит особая ижорская сталь. Мы идем из цеха в цех и видим, как на наших глазах она превращается в машины, поковки, суда...

Ижорский завод почти ровесник Ленинграда. Он основан в петровские времена. Ижорская марка всегда высоко ценилась. Ныне ижорцы взялись за освоение дизельных речных и морских судов. Суда эти не отличаются большими размерами, но необходимы для буксировки несамоходного флота, перевозки грузов и пассажиров.

Вдоль цеха длинной ниткой вытянулся конвейер. На слиповых тележках, движущихся по рельсам конвейера, возвышаются корпуса судов. Они собраны секционно-блочным методом. На конвейер подаются отдельные части судов — нос, корма, надстройка... Здесь эти части судов лишь свариваются. В корпусе нет ни одной заклепки: он целиком сварен из листов ижорской стали. Прогрессивная технология сулит огромную экономию средств, ускоряет строительство судов.

На реке Ижоре мы увидели готовые к отправке первые суда, выпущенные в подарок XX съезду. На одном из них адрес получателя: «Сталинград, Тракторный завод».

Ижорцы знакомятся с проектом Директив XX съезда КПСС. Среди первоочередных задач шестой пятилетки — дальнейшее развитие черной и цветной металлургии. Сталевары обсуждают цифры, названные в этом документе: стали 68,3 миллиона тонн, или 151 процент к объему производства в 1955 году.

Ижорцы участвовали в составлении новой пятилетки. Заводской план предусматривает рост выпуска жидкой стали. Задание по выпуску стали в первом году пятилетки мартеновцы обещали закончить на две недели раньше срока.

...Рано сгущаются зимние сумерки на берегах Ижоры. И вместе с ними вспыхивают огни на территории старейшего в стране завода. А где-то за каналом, что прорезал заводской двор, огни сливаются в сплошное зарево. Это мартены выдают знаменитую ижорскую сталь.

Корпуса судов на слиповых тележках. На переднем плане (слева направо): старший мастер сварки М. Ежов, технолог Я. Колесов и начальник участка строительства судов А. Ирклей.

Боярышня

П. КРАВЧЕНКО

Рисунок В. Высоцкого.

На областной выставке вокруг симментальской коровы Боярышни толпились люди. Табличка, прибитая к стойлу, сообщала, что Боярышня дает по пятьдесят пять килограммов молока в сутки.

Большие влажные и ясные коровьи глаза спокойно смотрели на людей. У Боярышни был легкий костяк, прямая спина, светлопалевая с белым масть и хорошо очерченная голова с точеными рогами.

— У-ух, красавица ты моя! Агрегат! — пробормотал Михайлов.— Вы напомните мне вечером, я расскажу вам историю этой коровы! — Он повертел головой и прищурил глаза.

Вечером в гостинице мы напомнили ему про обещание, и он усмехнулся:

— История эта не такая уж простая. Да и касается она не одной только Боярышни.

Помните, я знакомил вас вчера с Алтуховым? Высокий такой, густобровый, черный, как жук? Мы пять лет назад с ним вместе кончали вузы в Харькове. Он окончил зоотехнический... Спокойный мужик, ничем его не расшевелишь. Как у нас говорят, нашел — молчит и потерял — молчит.

В последний год дружил он в институте с одной студенткой — второкурсницей Людмилой Дороховой. Застенчивая была такая, светленькая, нежная, все улыбается и краснеет, краснеет и улыбается. Но что-то у них разладилось там, он мне не говорил. Да и никому не говорил — самолюбие!

После выпуска уехал он главным зоотехником в МТС. Три года поработал там, и толково, надо сказать, поработал, а позапрошлой зимой пришел в райком, говорит: «Отправляйте». «Куда отправлять?» «Рекомендуйте в колхоз председателем. Попробовать хочу». Секретарь спросил у него: «Так ты что, пробовать будешь или работать?» «Сначала попробую, потом работать начну».

Секретарь хоть виду и не подает, но про себя донельзя доволен: как раз на днях собирался вызвать Алтухова, а он — вот сам.

«Куда же тебе хотелось?» Алтухов отвечает: «В нашей зоне все хозяйства животноводческий уклон имеют. Моя специальность».

Секретарь подумал и говорит, будто его только сейчас внезапная идея озарила: «Знаешь что? А если в зону Черепановской МТС? В «Коммунар» — это как раз по тебе будет».

Но тот вдруг заупрямился: «Нет, я хочу в свою зону. И, во всяком случае, только не в «Коммунар».

Шум тут поднялся. Секретарю нужно Алтухова именно в «Коммунар» определить: хозяйство большое, но запущенное. Главное, скота много, а дело идет через пень-колоду. Алтухов же работник серьезный, дельный и, кроме того, зоотехник. Другого такого для «Коммунара» не подыщешь.

Сперва секретарь рассердился на него, потом мирно стал разговаривать. «Да пойми ты, — говорит, — голова садовая! Ну, кого мы туда будем рекомендовать, сам подумай? Назови другую, лучшую кандидатуру для этого колхоза. Ведь не найдешь же! И чего только уперся? Неужели струсил? Так это вроде на тебя не похоже».

Алтухов посидел немного, махнул рукой: «Давайте съезжу, посмотрю, там видно будет».

А нужно вам сказать, что зоотехником в «Коммунаре» работала как раз та самая Людмила Дорохова, с которой он в институте почему-то рассорился. Около года она там уже действовала. Из-за этого Алтухову туда смертельно и не хотелось... Так сказать, конфликт личного с общественным.

Ладно. Приезжает Алтухов в колхоз. Ранний апрель. Снег и лужи. Заходит к председателю: так, мол, и так, райком поручил разобраться с вашим животноводством.

Председатель сидит в кожухе. Грузный, веки набрякшие: «Ну что ж! Разбирайся. Тут у нас многие уже разбирались, да что-то толку от ихних разборов мало... А ну, Петро, покличь Люську».

А Петро — тоже в кожухе — сидит у печки, кочергой мешает. «Куда я ее искать пойду? Мало ли куда она зайти может, а я ее искать буду!» Председатель ему: «Я тебе что сказал?» «А что такое ты мне сказал? Ничего».

Алтухов посмотрел на эту картину, спрашивает: «Кого вы позвать хотите?» «Да кого ж? Зоотехника. Люську». «Почему же вы ее Люськой величаете?» Тот усмехается: «Да кабы она Манькой была, то Манькой бы и величали, а родители ее Люськой при рождении нарекли, я ж не виноват». «А что она, разве плохой зоотехник?» «Нет, ничего. Старательная. Все отчеты, ведомости в порядке содержит. Негордая. Увидит, поросята разбежались из загона, — сразу берет хворостину, побегает-побегает, смотришь — и загнала поросят... Там у нас дырка такая в заборе, в нее поросята и убегают... Нет, ничего. Она не ленивая».

Алтухов смотрит на председателя, молчит. Потом тихо спрашивает: «Вы что, серьезно это все говорите?» «А как же? Серьезно. Мне по моим годам шутковать поздновато... Вас же не зря сюда прислали из райкома...»

Алтухов встал с места, говорит истопнику: «Выполняй распоряжение председателя! Проводи меня к зоотехнику».

Тот покосился на него, но ничего, встал. Вышли на улицу, миновали лесок. Фермы довольно далеко оказались. У коровника Алтухов отпустил провожатого. Зашел в телятник. Людей нет. Телята не в стойлах, а все вместе за загородкой толкутся, уши друг другу сосут. Грязно.

Прошел в коровник. За дверью — галдеж. Приоткрыл дверь — дойка идет. Доярки переговариваются, доят не по правилам. А самая ближняя к двери сидит Людмила Дорохова. Тоже корову доит. Молчит. Прижалась головой к коровьему брюху, в ведре полно пены.

Понятно, Алтухов не стал мешать зоотехнику в ее занятии, вышел. Посмотрел скирды, колодцы, силосную траншею новую... Построили, мол, все-таки, и на том спасибо. Вернулся обратно; Людмила его в дверях встретила, только ахнула. Он к ней обращается на «вы», подчеркнуто: «Здравствуйте, Людмила Петровна!» Не «Люся», а именно «Людмила Петровна». А она молчит, руки об халат вытирает. «Пойдемте, Людмила Петровна, покажите мне ваш свинарник». Пошли. По дороге молчат оба.

В свинарнике тесно. В углу ржавый умывальник с пробитым боком валяется. Как он сюда попал, неизвестно. Матки с поросятами. Алтухов спрашивает: «Какой же они породы?» Она шепчет: «Крупной белой». А они и не крупные и далеко не белые: грязные и маленькие. А у некоторых уши длинные, лопухами — таких ушей у крупной белой не бывает. Одна только порядочная матка отыскалась. Эта действительно крупная. С десяток поросят у нее, но поросята неровные и такие, будто их в воде вымачивали. Щетинка у них закурчавилась, рыльца длинные, хвостишки книзу опущены. Алтухов глянул на Людмилу, она и глаза потупила, раскраснелась, как мак. Он говорит: «Это же анемия!»

Посмотрел по сторонам, видит — паренек в свинарнике вертится. «Слушай, орел! Здесь близко глина красная есть?» «Нету». «Ну, тащи пару кирпичей. Видал, там у колодца лежат?» «Ага, видал!» «Притащишь сюда и дашь поросятам. Пусть погрызут, все лучше будет. Крови прибавится, ясно? Ну, живо — одна нога здесь, другая там».

Мальчик схватил ведро и кинулся выполнять распоряжение. Алтухов говорит: «Пойдемте, Людмила Петровна, дальше». Вышли. Алтухов старается не показывать досаду. Ходят по хозяйству, смотрят. Быки породностью не блещут. Так, помесь. Правда, один довольно симпатичный симментал подрастает. Алтухов похлопал его по крупу, отошел на несколько шагов, присел. Зашел с другого бока, спрашивает: «Какая родословная?» А Людмила уже и совсем растерялась: «Мне совестно отвечать. Не знаю, до меня купили его». «Как зовут его?» Молчит. «Как?» «Не помню». «Ну, тогда пойдемте дальше».

В стороне — загончик. Стоят несколько понурых, отощавших коров, солому жуют. «А это что такое?» «Это выбракованные. На мясопоставку завтра погонят».

Алтухов перепрыгнул через забор, подошел к одной корове, стал ходить вокруг нее. Долго щупал, рассматривал. Корова крупная, но худая. Шерсть лохматая. Ребра обручами, кожа тонкая. «Людмила Петровна, как зовут эту корову?» «Боярышня». «За что выбраковали?» «Очень мало молока дает. И потом тугодойная. Доярки от нее отказываются». «Вы выбраковывали?» «Да, я». «Как кормили?» «Да какие у нас корма? Ей за малую молочность даже меньше, чем другим, давали». Алтухов еще походил вокруг коровы. «Посмотрите, вены какие молочные! Положите руку на ребра!» Людмила положила, и вся ее ладонь между ребер уместилась. Посмотрели — на роге номер выжжен: «ЧС-162»; Алтухов развернул ухо, протер его снегом — там другой номер вытатуирован, четырехзначный. «А корова-то племенная. Чистопородная... Есть у вас последний том государственной племенной книги? Ведь она там должна быть записана. Есть? Ну, пойдемте взглянем».

В канцелярии никого уже не было. Людмила достала книгу. Нашли, по алфавиту записано: «Боярышня. Село такое-то. Район Черепановский. Хозяин — колхозник Глущенко...» «Кто это Глущенко?» «В соседней деревне живет». «Значит, у него купили?» «Не знаю». «Ну, давайте смотреть будем... Удой за 300 дней — 3 600 килограммов. Процент жира в молоке—4,4... Людмила Петровна, да ведь эта корова — будущая рекордистка! Зальет вас молоком. И такого процента жира в районе не найдешь. А вы ее — на мясопоставку!»

Сидят они в отдельной комнате, за столом. Людмила молчит, книгу то закрывает, то открывает. Нервничает. Алтухов ее спрашивает: «Почему вы сами коров доите?» «Доярка сегодня не вышла на работу». «Вы всегда сами подменяете доярок?» Она молчит. Тогда он говорит, и, знаете, почти прокурорским тоном: «Я не увидел, что в этом колхозе специалист работает... Как вы позволили Боярышню выбраковать? Как зовут вашу сельскую учительницу? Анной Андреевной? Почему же вас зовут в колхозе Люсей? Вы не Люся, а Людмила Петровна, человек с высшим зоотехническим образованием. И вовсе не ваше дело бухгалтерские отчеты составлять... Вы действительно сами загоняли поросят хворостиной вместо того, чтобы распорядиться забить отверстие?»

Тут Людмила как ударится в слезы!

Успокоилась она не скоро, но в этот вечер Алтухов узнал ее историю.

Понимаете, тут было над чем подумать. Кончает такая вот девочка школу, потом кончает институт. По теоретическим знаниям — одни пятерки. Практического опыта никакого. Если сама из деревни — это еще полбеды. А если, как Люся, всю жизнь в городе провела? Восторженности, надежд хоть отбавляй: она и новую породу выведет и в науке открытий всевозможных уйму совершит, а уж в колхозе моментально все дело на научную основу поставит. А у нас, надо вам сказать, в колхозах как-то еще не привыкли к настоящим зоотехникам, да и мало их с высшим образованием.

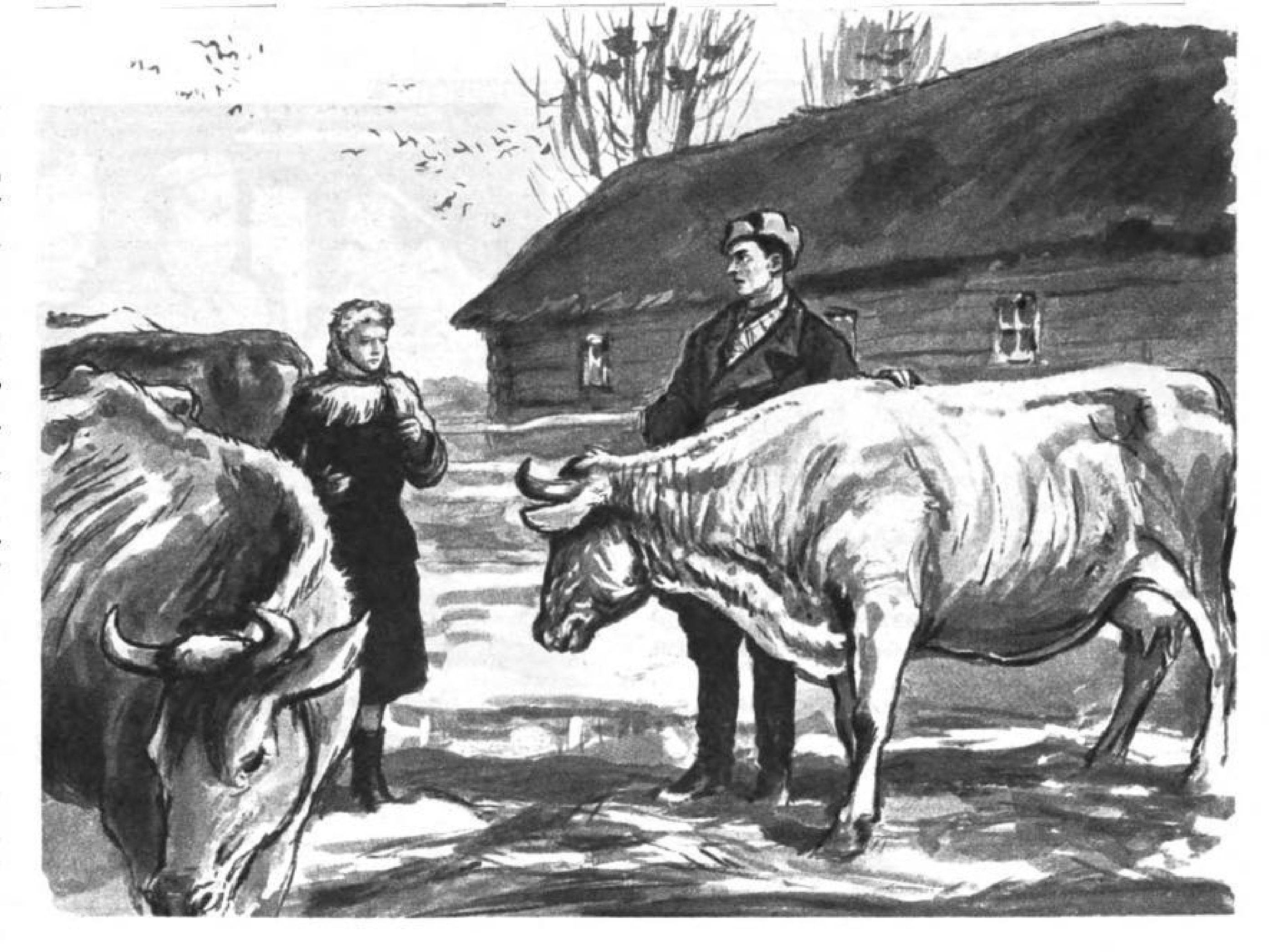
Приехала Люся в колхоз, ее спрашивают:

— Как зовут?

— Люся.

Ну, Люся так Люся. Удобней, чем Людмила Петровна. «Вот хорошо, что приехала, у нас отчетность запущена, а ты грамотная, наведешь порядок!» Закончила девушка в отчетности разбираться, потом обошла фермы, а через два дня приходит к председателю, сияет вся. И выкладывает ему листок на стол. Председатель спрашивает: «Что это?» «Новый рацион для животных». Прочитал он бумажку, а там четким почерком расписано: и льняной жмых, и подсолнечный, и отруби, и овсянка, и кукуруза, и свекла кормовая, и силос... А дело в октябре было. Председатель ухмыльнулся, положил листок в карман, говорит: «Степан, подвези ей кормовых арбузов — пусть распределит, пока не погнили... Отрубей сейчас не дам, они зимой нужнее будут. Вот вы зоотехник, а не знаете, что сейчас октябрь и силос еще не созрел, — давать его рано. То, что вы еще там понаписали, — этого всего у нас нет и не будет. Есть немного сена, а больше солома. Вот так-то, зоотехник. Работайте».

Она на председателя жаловаться побежала в МТС, там ей растолковали, что председатель-то по-своему прав: из пальца кормов не высосешь, если их в колхозе нет.



Председатель тогда обозлился, однажды на смех ее выставил... Пришел к ней в конюшню. Там любопытные собрались. Он подвел ее к кобыле, спрашивает: «Определи, зоотехник, сколько этой кобыле лет». Она подходит, смотрит лошади в зубы, говорит: «Ей девять лет». Тут хохот поднялся, потому что у лошади были, как называют, смоляные зубы, так что возраста по ним не определишь, и ей не девять, а уже целых пятнадцать было. Председатель ничего не сказал больше, ушел.

И чем дальше, тем все хуже пошло. Она свинарю говорит: «Зерно для поросят поджарь, почему сырое даешь?» А свинарь, воинствующий лодырь, видит, что вокруг больше никого нет, смеется: «Ты пойди лучше определи, сколько кобыле лет». Она — с жалобой к председателю, а тот говорит: «Знаешь что? Разбирайся-ка ты сама с этими делами, у нас тут раньше никакой склоки не было».

Люся все-таки духом не пала. Бродит по фермам, рассуждает: «Это, мол, даже хорошо, что я сюда осенью приехала. За зиму положение, пожалуй, не исправлю, но зато изучу все хозяйство. А вот с весны — держись, председатель!»

Стали обсуждать план посева, она на правлении дала первый бой. Выступила: «Хватит издеваться над животными! Опять думаете все стадо на Васюковом логу прокормить? Да там травы и на половину лета не хватит! Куда потом погоним? На лесные выпасы? На лесных выпасах не прокормишь наше поголовье — оно вон какое большое. Зеленый конвейер нам необходим, как воздух. Вот план!» И кладет бумагу на стол.

Председатель ухмыляется. «Мы, — говорит, — знаем твои планы. Читали их сразу на второй день после твоего появления у нас».

Она говорит: «Я, Павел Семенович, помню ваш урок с кормовыми арбузами! Не от такой уж хорошей жизни вы мне тогда его преподали. А теперь я и хочу, чтобы тот самый план, что я еще осенью давала, стал для нас будущей осенью реальным планом. Почему вы на кормовые культуры так мало удобрений планируете? На лен же сумели запланировать! А потом насчет кукурузы... Опять будем силос закладывать из одного бурьяна да картофельной ботвы, лишь бы план для видимости выполнить? Кукурузы надо вот сколько посеять, я все рассчитала!»

В общем, заседание было очень бурным; Люся настояла, чтобы все ее предложения включили в план. Повеселела сразу, успокоилась.

И опять-таки по малой своей опытности не поняла тогда, что план не магическая бумажка и сам по себе вовсе не спасает сразу от всех бед.

Зеленого конвейера не получилось: никуда не годными оказались семена тех однолетних культур, что высеяли на корм. Многолетние же в колхозе и раньше плохо росли. Пришлось снова пасти скот только в лесу да на Васюковом логу. Кукурузы посеяли хоть и много, но плохого сорта, да еще на землях почти брошевых, совсем не ухаживали за посевами,— она вовсе никудышной выросла.

И увяла Люся. Поплакала, пожаловалась в райисполком, председателю выговор дали, он еще больше обозлился на нее, а дело осталось в прежнем положении, как и за пятнадцать лет до этого.

Вот вы теперь и рассудите, в чем главная загвоздка была. Много лет колхоз был вовсе не на таком уж плохом счету. И председатель будто бы умел хозяйствовать. В сорок шестом году, например, когда все в кирпиче нуждались, он первый сообразил открыть кирпичное производство. И себе кирпича хватило и другим колхозам продал порядочно. Немного попозже прикинул, какую выгоду лен для колхоза может дать. Сразу за лен взялся, и опять тогда неплохо у него получилось.

Хозяин он был прижимистый: выгоду для колхоза старался соблюдать повсюду и всякими путями. Случалось даже и так, что он то удобрения «забудет» оплатить, то от сортовых семян откажется из экономии: свои, мол, есть! Сам он давно учиться бросил и охоты к этому не имел никакой, но хорохорился попрежнему. И не понимал того, а может, и не хотел понять, что ту же Людмилу Дорохову государство пятнадцать лет держало на школьной да на студенческой скамье. Ему бы вцепиться в ее теоретические знания, а у него самолюбие взыграло...

Вообще это очень серьезный вопрос сейчас — место специалиста в колхозе... Может быть, один из самых серьезных. Совсем не каждый специалист, да еще сразу со школьной скамьи, имеет организаторские способности. Не было их и у Люси. Приглядись к ее работе председатель, поправь подружески там, где из-за своей неопытности она в облака залетела, но поддержи по-настоящему, добавь своего опыта, — в первый же год окрепла бы, силу почувствовала... А она встретила вражду и насмешку. Вот и получилось в конце концов, что вместо зоотехнической работы стала подменять доярок да поросят хворостиной загонять. А насчет изучения своих животных забывать начала: может быть, мол, это действительно дело только госплемхозов, а не нашего колхоза, где и с кормами-то какой-то заколдованный круг? Вот вам и место специалиста в колхозе.

Сам же председатель «Коммунара» тоже большого удовлетворения, конечно, не чувствовал. Не слепой он был, видел, что соседние колхозы обгонять его стали, да и в своем колхозе уважение далеко не то, что прежде бывало. Вон даже Прохор спорить с ним начал. Сердился он на все это, но так и не сообразил, в чем тут дело. А дело было в неодолимости нового, в науке, без которой сейчас колхоз неизбежно отстанет.

Алтухов, когда вернулся из своей поездки, выложил все эти соображения секретарю райкома. Говорит: «Незачем меня рекомендовать председателем в этот колхоз: двум зоотехникам в «Коммунаре» делать нечего, это уже будет ненужная роскошь. Прошу рекомендовать меня в другой животноводческий колхоз, где нет хорошего зоотехника. В «Коммунаре» же нужен председателем не зоотехник, а культурный организатор, который умел бы воспринимать новое и учился у своих специалистов, помогал им, а не ставил палки в колеса. При таком председателе и Дорохова прекрасно работать будет: урок первого года она запомнит надолго».

Вот, пожалуй, и все.

И Михайлов опять сощурился.

— Как же все? — спросили мы у Михайлова.— Ну, а дальше что было?

— Дальше мне уже рассказывать неудобно. Выйдет, что я хвалюсь, а хвалиться колхозу пока, кроме рекордистки Боярышни, которую вы видели, особенно и нечем. Есть еще колхозы и получше нашего.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что райком рекомендовал председателем в «Коммунар» меня, бывшего главного инженера МТС. Алтухов мне тогда много растолковал такого, чего я не понимал. Он председатель соседнего колхоза, и соревноваться с ним сейчас еще трудновато... Хотя такой Боярышни, какую вы на выставке видели, у него еще нет... Людмила работает очень дельно, только до сих пор себе простить не может, что согласилась тогда Боярышню выбраковать. Вот какая история...

— Подружились они снова с Алтуховым?

— А как вы думаете?

Дневник ОГОНЬКА

★ ТОН ДЫК ТХАНГ: «Я СЕРДЕЧНО ПРИВЕТСТВУЮ СОВЕТСКИЙ НАРОД».

★ 10 ЛЕТ НАЗАД ВЕНГРИЯ БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА РЕСПУБЛИКОЙ.

★ 8-я ГОДОВЩИНА ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ СССР И РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.

★ ПЕРЕДАЧА ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЫ ПОРККАЛА-УДД.

Тон Дык Тхангу вручена премия

21 января в Кремле была вручена международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами» видному вьетнамскому общественному деятелю Тон Дык Тхангу.

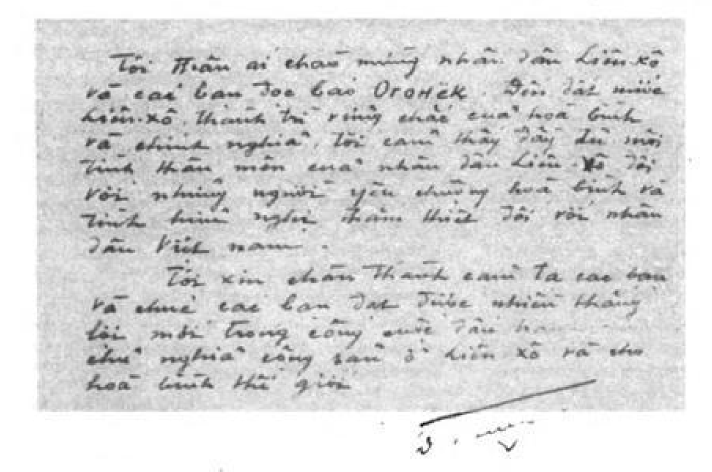
Тон Дык Тханг передал корреспонденту «Огонька» следующее письмо, адресованное читателям журнала:

«Я сердечно приветствую советский народ, всех читателей «Огонька». Прибыв на землю Советского Союза — надежного оплота мира и справедливости,— я почувствовал всю ту любовь и дружбу, которые питает советский народ к каждому человеку, стремящемуся к миру. Я ощутил искреннюю любовь к вьетнамскому народу.

Хочу поблагодарить всех вас, дорогие товарищи, и пожелать вам добиться новых побед в великой борьбе за построение коммунизма в СССР, за мир во всем мире».

На снимке: член Антифашистского комитета советских женщин профессор Е. А. Васюкова поздравляет Тон Дык Тханга с вручением премии.

Фото А. Гостева.



Tôi thân ái chào mừng nhân dân Liên-xô và các bạn đọc báo Огонёк. Đến đất nước Liên-xô thành trì vững chắc của hoà bình và chính nghĩa, tôi cảm thấy đầy đủ mối tình thân mến của nhân dân Liên-Xô đối với những người yêu chuộng hoà bình và tình hữu nghị thắm thiết đối với nhân dân Việt nam.

Tôi xin chân thành cám ơn các bạn và chúc các bạn đạt được nhiều thắng lợi mới trong công cuộc xây dựng chủ nghĩa cộng sản ở Liên xô và cho hoà bình thế giới

На будапештскую фабрику детского готового платья прибыла для обмена опытом М. Д. Толмачева (вторая слева), директор одной из швейных фабрик Ленинграда.

Фото Шандора Бойяр.

Новая Венгрия

Впервые мне довелось побывать в Будапеште вскоре после окончания войны. Расстояние между двумя частями разрушенного фашистами города — гористой Будой и равнинным Пештом — тогда казалось огромным. Мосты были взорваны. И над серыми, бесприютными волнами Дуная, помню, мрачно возвышалось покрытое пороховой копотью, иссеченное снарядными осколками здание Национального совета. Помню расшатанные бетонные плиты ступеней, пучки дикой травы между ними. Впрочем, даже и в таком виде здание не теряло своей величественной красоты. А теперь, когда я гляжу на него, стоя посреди давно уже восстановленного моста, оно с какой-то особой торжественностью глядится в зеркало Дуная.

Разгорается ясный день второй половины января. Прохладный воздух полон колючего сверкания. Потоки транспорта и пешеходов движутся по мостам, особенно густые со стороны Пешта: день воскресный, горожане спешат в места отдыха, в леса, на горные кручи за Будой. И, конечно, на Маргитсигет, на остров, который именно для отдыха весь и приспособлен.

Но если обернуться в другую сторону, кинуть взгляд вниз по Дунаю, то увидишь медно-красный частокол труб, возвышающихся над другим большим островом. То знаменитый Чепель, один из устоев венгерской индустрии. Заводы Чепеля были разрушены обреченным фашизмом, но народ давно уже восстановил их, именно их в первую очередь, и не только восстановил, но и приумножил. На Чепеле воздвигнуты новые цехи, новые заводы, например, автомобильный.

Мы стоим на мосту вдвоем. Мой спутник — венгерский литератор, влюбленный в свой город. Запасшись хлебом, он теперь кормит чаек. Быстро махая крыльями, тесня друг друга, они висят над перилами и, кажется, так и заглядывают в карманы прохожих. Кормление чаек с мостов — одна из характерных картинок зимнего воскресного дня в Будапеште. И вдруг я замечаю: спутник мой уже не видит чаек. Он смотрит вдаль, и в глазах его тенью сгустилось раздумье.

— Да, да, десять лет тому назад как раз начиналось возрождение Будапешта. Именно во второй половине января открылось движение по первому вновь возведенному мосту. Восторженные толпы устремились к Дунаю для того лишь, чтобы пройтись по мосту. А в последний день января собралось Национальное собрание и провозгласило республиканский строй. Известно ли, что до самого конца войны у нас была монархия? Именем несуществующего короля страной правил кровавый диктатор, регент Хорти, под конец передавший бразды правления совсем уже бешеному террористу Салаши. И вот режим баронских охотничьих угодий и хлыстов рухнул. Вместе с тем был положен конец и засилью зарубежных банкирских контор, их власти над недрами нашей земли, над судьбой наших людей. И — это хорошо знает каждый школьник,— вступив после вековой борьбы на путь народовластия, мы не ограничились учреждением республиканского строя. Там, под этим зеленым куполом,— мой спутник показал на здание Национального собрания, — три года спустя вновь собрались посланцы народа, чтобы объявить о рождении Венгерской Народной Республики. Всю силу рук, разума и таланта с этих пор отдает народ осуществлению своей давней мечты. И — посмотрите вокруг — никто не скажет, что эти усилия остались бесплодными.

С большой готовностью я подтверждаю то, что говорил мой спутник. Расставшись с ним, я продолжал думать о его словах.

Я останавливаюсь мысленно на правом берегу Дуная, в шестидесяти километрах от Будапешта. Прямые улицы, молодые деревца на бульварах. Школьники, бегущие по бульвару. Люди выходят из магазинов, парикмахерских, клубов, амбулаторий и учреждений. За городом раскинулись на большом просторе заводские постройки. Среди них стальным утесом возвышается доменная печь. У берега стоит баржа, и портальный кран вычерпывает из нее груз; кажется, это руда.

Десять лет назад здесь простирались кукурузные, пшеничные, ржаные поля. Еще никто и не мечтал о новом городе. А ныне Сталинварош не только реально существует, но занимает все более заметное место в жизни страны, хотя строительство самого города и металлургического комбината еще и не закончено. Сталинварошская качественная сталь, пройдя через цехи чепельских заводов, бежит по дорогам в обличье новых автобусов, обернувшись станками, участвует в производстве новых машин, а то, сделавшись лемехом плуга, прокладывает первые весенние борозды...

Остановимся еще на минуту. Остановимся посреди сельской улочки. Пусть это будет село Матяшдомб в области Фейер. Здесь, как всюду на правобережье, преобладают небольшие селения. Они слепились вокруг барской усадьбы. Но давно уже дворянские гнезда служат тем, чьим трудом они строились и существовали. В белых замках с колоннами учатся крестьянские дети, заседают правления производственных кооперативов, проводят свой отпуск горожане.

Здесь был батрацкий поселок. Десять баранов, где в каждом уголке ютились люди. Заключался договор, и в новый год из имений подъезжали телеги, чтобы надолго оторвать кормильцев от семьи.

Батрак я, батрак, нанялся в батраки.
Ох, вот он, мой новый год, гремит по дороге!—

так здесь пели. Нынче Матяшдомб — это 182 новых дома под черепичной кровлей, тракторы и комбайны на полях кооператива, 400 коров, 500 свиней на общественных фермах и во дворах крестьян, восьмилетняя школа, почтальон, разносящий в своей сумке 196 газет и 32 журнала. В 126 домах играет радио.

Это гений раскрепощенного народа преображает родную землю.

С. КРУШИНСКИЙ

Будапешт.

Размышления о дружбе

М. РАДИАН,
главный редактор журнала «Флакара»

Слыхали ли вы когда-нибудь о местности, именуемой Вадул Лупилор, что по-русски значит Волчья тропа? Наверное, нет. Ведь это совсем маленькая точка на карте Румынии. Пустынная местность, затерянная среди гор, на обрывистых берегах Бистрицы, в центре Молдовы. А называется она так потому, что прежде здесь пролегал путь волчьих стай от лесистых Карпат к Молдовской равнине.

Вся Румыния в довоенную пору была страной самых разительных контрастов, где роскошь и разнузданность эксплуататоров соседствовали с нищетой масс, со средневековым убожеством.

Теперь Вадул Лупилор носит название «Вадурь». Я нашел там новый город, возникший вокруг огромного лесного промысла: широкие улицы, большие жилые дома, театр, магазины, радиоузел, огромные тракторы-«кировцы», штурмующие горы, лесорубы, вооруженные электропилами.

Неподалеку от Вадурь, к северо-востоку от него, находится город Роман; здесь строится самый современный в мире трубопрокатный завод (подобный которому имеется только в Советском Союзе). Вошел в строй гигантский металлургический завод. Рядом — Бурлак, где вырос оснащенный по последнему слову техники завод подшипников. Дальше к северу — первый в Румынии завод антибиотиков. К югу открыты огромные нефтяные месторождения, а к северо-западу, в Биказе, возвышаются строящиеся плотины крупнейшей румынской гидроэлектростанции — ГЭС имени В. И. Ленина.

Как видите, наша Молдова выглядит теперь совсем иначе, чем несколько лет назад. И не только Молдова — вся страна стала неузнаваемой. В Румынии выросли сотни современных заводов и фабрик, теплоэлектроцентрали и гидроэлектростанции, возникла мощная машиностроительная промышленность, выпускающая нефтяное и энергетическое оборудование, грузовики, тракторы, речные и морские суда. И с каждым годом мы строим все лучше и все дешевле.

Люди моей родины не могут не сравнивать Румынию недавнего прошлого, ввозившую из-за границы 99% станков, с нынешней Румынией, экспортирующей тракторы, высоко ценимые феллахами Египта. Мы ездим теперь на румынских троллейбусах, вводим в строй первые аппараты телевидения, устанавливаем первые электронные счетные машины, применяем в промышленности и медицине радиоактивные изотопы. Мы выращиваем новые сорта пшеницы и открываем в наших городах новые филармонии.

Выросли и наши люди. С каждым днем все шире становится их кругозор; никогда прежде трудящимся и не снилось, что они смогут учиться и жить так, как живут и учатся сегодня, несмотря на то, что и теперь на их пути немало трудностей, немало преград, которые ставит им враг. В Румынии появились не только тракторы и комбайны, не только тысячи коллективных сельских хозяйств и товариществ по совместной обработке земли,— в стране появился и новый образ жизни, появились новые интересы.

Теперь встретишь меньше крестьян в церкви и больше в агротехнических кружках. Только и слышны разговоры о квадратно-гнездовом методе, о системе Мальцева, о севообороте и перекрестном севе.

Перед народом теперь стоят новые большие задачи. Второй съезд Румынской рабочей партии утвердил Директивы по второму пятилетнему плану, плану широкого развития страны. Мы будем производить в 1960 году в течение 10 недель то, что мы производили за весь 1948 год.

Почему я все это пишу вам, дорогой советский читатель? Во-первых, потому, что знаю, что вы вместе с нами радуетесь нашим успехам. Но не только по этой причине. Вы знаете наш народ, трудолюбивый и богато одаренный. Знаете его открытую душу и веру в будущее. Все новое и хорошее, что появилось в его стране, он добыл своими руками и своим умом, под водительством Румынской рабочей партии, которую любят и ценят, к слову которой прислушиваются все честные люди, все подлинные патриоты моей родины.

Ваша бескорыстная, широкая и всесторонняя помощь, как и сознание того, что народ работает на себя, во имя победы социализма, разбудили в нем мощную энергию. Если сегодня мы можем спокойно строить социализм, то этим мы в большой степени обязаны Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенному между Советским Союзом и РНР.

В дни восьмой годовщины советско-румынского договора наш народ шлет Советскому Союзу свой горячий, братский привет и лучшие пожелания успехов в строительстве коммунизма.

Бухарест.

В Бухаресте в дни месячника румыно-советской дружбы открылась выставка «Мирное экономическое и культурное строительство в СССР». На снимке: в одном из залов выставки.

Фото Румынского агентства печати.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ

На прошлой неделе в гостинице «Кэмп» в Хельсинки, где помещается бюро отдела печати министерства иностранных дел Финляндии, или «Пресс-рум», как его здесь принято называть на английский лад, собралось около двухсот журналистов из множества стран.

Среди собравшихся то и дело повторялось на разных языках слово «Порккала».

Советскому читателю хорошо известно, что в сентябре прошлого года Советское правительство, исходя из факта известной разрядки в международных отношениях и идя навстречу интересам Финляндии, отказалось на 40 лет раньше установленного срока от арендных прав на территорию Порккала-Удд на побережье Финского залива и решило вывести оттуда советские войска. Порккала-Удд — это уже вторая база, которую Советский Союз добровольно возвращает владельцу, первой был Порт-Артур. С передачей Порккала-Удд у Советского Союза больше не осталось военных баз на чужих территориях.

Из прибывших в Хельсинки западных журналистов кое-кто уже пытается столь же недоброжелательно, сколь неубедительно, комментировать этот дружественный акт Советского Союза. Между тем общественное мнение Финляндии и других скандинавских стран единодушно оценивает отказ СССР от арендных прав на Порккала-Удд как свидетельство последовательной миролюбивой внешней политики Советского Союза, дружбы и взаимного доверия между СССР и Финляндией.

Побывав в Порккала, вы увидите там более двух тысяч старых построек. Но вы увидите и другое: плоды труда советских людей, которыми теперь сможет безвозмездно воспользоваться финское население,— новые дороги, мосты, больницу, школу, склады, хлебозавод с полным оборудованием и ряд других построек общим числом до 700. Вы увидите аэродром на месте прежнего болота, вырубленные в гранитной скале помещения для электростанции. Вы увидите два новых порта, пригодных для приема довольно крупных судов. Ценность района Порккала-Удд за 11 лет значительно возросла, и уже сейчас в финской печати оживленно обсуждается вопрос о перспективах использования новых возможностей этого района.

С. СМИРНОВ

Хельсинки.

На снимке: одно из зданий больничного городка в Порккала-Удд, построенного советскими людьми и переданного Финляндии.

Гостья из Уругвая

— Я приехала в Советский Союз с тем, чтобы увезти отсюда очень много,— сказала мне синьора Маргарита Мендес де Гарсиа Капурро.

— Что же именно?

— Как можно больше ценностей — фильмы, партитуры опер, патефонные пластинки. Затем мне хочется, если будет возможно, организовать поездку русского балета к нам в Уругвай. Все это очень важно и очень интересно для нас, в частности, для СОДРЭ, которую я представляю.

— А что такое СОДРЭ?

— Это государственная служба Уругвая, ведающая радио и телевидением. Наша организация передает на трех волнах театральные и музыкальные программы, ведет большую разъяснительную работу среди населения. Например, когда недавно в Уругвае вспыхнула эпидемия полиомиэлита, мы рассказывали о его лечении и профилактике. Через СОДРЭ проходят все официальные передачи, но ее микрофон предоставляется и частным лицам.

Госпожа Капурро занимает должность вице-президента СОДРЭ. Она пианистка, получила образование в консерватории в Монтевидео и восемь лет была одним из руководителей частного «Культурного музыкального общества».

Свою деятельность в СОДРЭ госпожа Капурро использует для того, чтобы содействовать культурному сближению своей страны с СССР.

— В Уругвае есть люди, которые противятся развитию культурных связей с Советским Союзом. Но у меня,—она решительно вскинула голову,— другая точка зрения, и эту точку зрения разделяют многие. Вот поэтому я и приехала в Советский Союз.

Фото В. Кругликова.

А. ЛАРИН

Памятник герою

Я живу в маленьком итальянском селе Кастельнуово деи Саббиони. В годы войны почти все молодые жители нашего села боролись за освобождение Италии. В нашем партизанском отряде сражался и советский человек — Николай Бучнов. Однажды, чтобы спасти партизанский отряд, он прикрывал отступление. Партизаны были спасены, но Бучнов погиб.

Жители села в честь молодого героя соорудили монумент, на котором начертано: «У свободы нет границ!»

Дети часто приходят с цветами к этому монументу.

Антонио САНТОНИ

Кастельнуово деи Саббиони.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Закончила работу вторая сессия Верховного Совета РСФСР четвертого созыва. Собравшиеся в Большом Кремлевском дворце депутаты приняли Закон о Государственном бюджете РСФСР на 1956 год, утвердили отчет об исполнении бюджета Российской Федерации за 1954 год, а также утвердили Указы Президиума Верховного Совета РСФСР.

Верховный Совет РСФСР назначил депутата М. А. Яснова Председателем Совета Министров РСФСР.

На снимке: депутаты Верховного Совета РСФСР в перерыве между заседаниями. Слева направо: лауреат Сталинской премии машинист вращающейся печи цементного завода «Октябрь» в Новороссийске Ф. Ф. Николаев, дважды Герой Социалистического Труда комбайнер Восточной МТС Краснодарского края Д. И. Гонтарь и Герой Социалистического Труда комбайнер Северной МТС Омской области М. К. Комлев.

Фото А. Гостева.

По заказам друзей

Далеко за пределами Эстонии известна продукция таллинского завода электромоторов «Вольта». Моторы с маркой этого завода встретишь на многих крупных стройках, в колхозных ГЭС, их знают во всех советских республиках и в странах народной демократии.

Передовые обмотчицы «Вольта» Евгения Калашникова и Лизетте Тее (сидит).

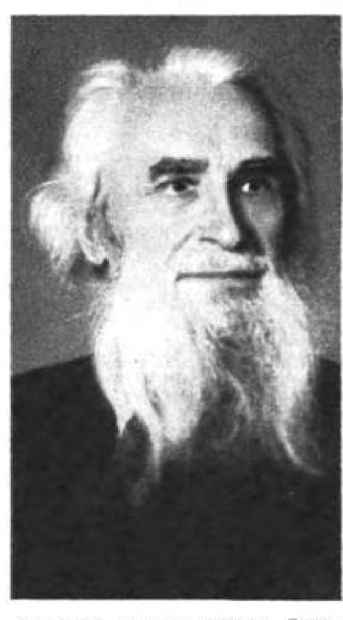
Фото С. Розенфельда.

В дирекции завода хранятся письма электриков, написанные за Гималаями: электромоторы «Вольта» идут и в Индию! Их делали необычным способом. Жаркий и влажный индийский климат вызывает быструю коррозию металла. Научно-исследовательский институт разработал особый режим предохранения от коррозии. Моторы, отправленные в Индию, работают там отлично.

Сейчас «Вольта» готовит для индийских друзей новую партию электромоторов. Соревнуясь в честь XX съезда КПСС, коллектив завода обязался за два месяца выполнить заказ первого квартала.

Раньше срока пойдут моторы в Китай, Монголию, Албанию, Венгрию, Польшу и во Вьетнам.

Н. ТОЛБАСТ



Указом Президиума Верховного Совета СССР народный художник РСФСР Сергей Тимофеевич Коненков за заслуги в развитии советского изобразительного искусства награжден орденом Ленина.

За заслуги в области художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, Указом Президиума Верховного Совета СССР писатель Гроссман Василий Семенович (Иосиф Соломонович) награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Якутский писатель Николай Егорович Мординов (Амма Аччыгыйа) за заслуги в области развития советской художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

За заслуги в области развития советской научно-художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, Указом Президиума Верховного Совета СССР писатель Николай Николаевич Михайлов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

НАРОДНАЯ АРТИСТКА

Первыми пришли поздравить Варвару Николаевну ее сын — народный артист РСФСР Н. И. Рыжов — и ее внучка Таня.

Фото Е. Умнова.

История русского театра знает много театральных династий. Одна из самых прославленных — Бороздины-Музиль-Рыжовы, знаменитые артисты Малого театра.

В этом году исполняется 110 лет с того дня, когда первая представительница этого рода ступила на подмостки Малого театра. Дата эта совпадает с другой, не менее знаменательной. 28 января исполнилось 85 лет представительнице третьего поколения этой династии—народной артистке Союза ССР Варваре Николаевне Рыжовой. 63 года тому назад ученица драматических курсов Варвара Музиль выступила в спектакле Малого театра, и с тех пор ее жизнь связана с этим театром.

Более двухсот пятидесяти ролей сыграла Рыжова на сцене Малого театра. Среди них есть такие, которые она исполняла на протяжении тридцати — сорока лет, и, тем не менее, никто не может сказать, что был на спектакле, когда Рыжова играла не в полную силу, формально, холодно. Каждый спектакль Варвара Николаевна играет с увлечением, с большим вниманием ко всему, что относится к роли. Всякий, созданный ею образ запоминается зрителю, как человек, которого он знал в жизни.

Варвара Николаевна переиграла почти весь репертуар Островского. В «Грозе», «Без вины виноватых» и ряде других комедий она исполняла по нескольку ролей. С Островским связана сценическая судьба и всех ее предков, начиная с родоначальницы — Бороздиной 1-й, для которой драматург написал Варвару в «Грозе».

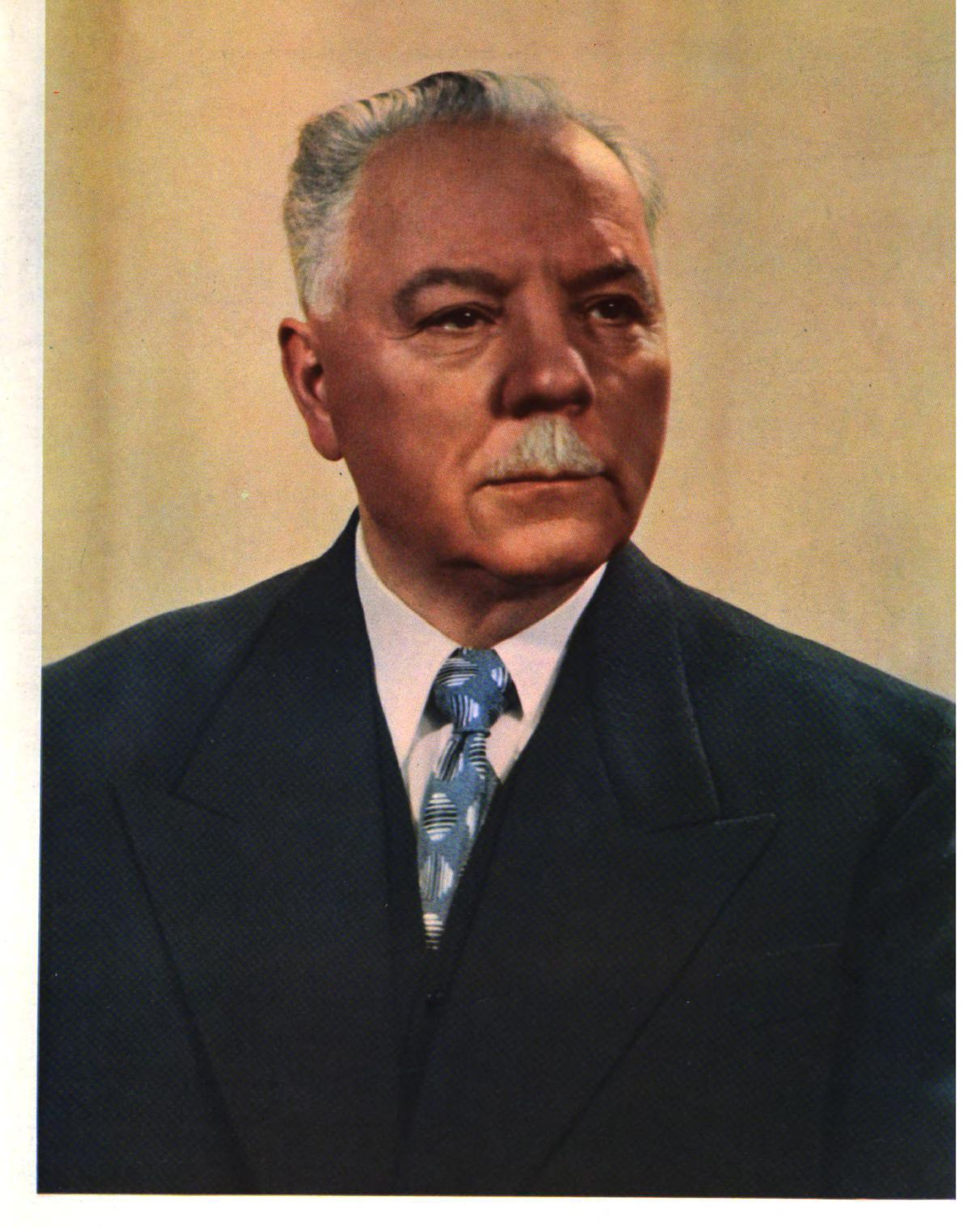
Великолепна была Варвара Николаевна в комедиях Островского. Но не только этим вошла актриса в историю театра. Образы, созданные ею в пьесах Толстого, Тургенева, Успенского, Грибоедова, Горького, наконец, в пьесах советских драматургов — Тренева, Корнейчука, Леонова, Гусева...— какая галерея женских характеров!

Вспоминаешь Рыжову в этих ролях. Различна была внешность этих женщин, манера говорить, жестикулировать, смеяться, различны биографии, отношение к людям, время и среда, в которых они жили, но судьбы их всегда глубоко трогали и волновали зрителя, потому что всех их играл умный, наблюдательный, необычайно искренний художник, большой знаток жизни и человеческих характеров — Варвара Николаевна Рыжова.

За свое большое, глубокое, проникновенное, подлинно народное искусство Варвара Николаевна удостоена звания народной артистки СССР.

Восьмидесятипяти летие этой замечательной артистки — праздник и для тех, кто вместе с ней работает, и для зрителя, который любит и ценит глубоко творчество этой чудесной актрисы.

И. ВЕРШИНИНА



КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ ВОРОШИЛОВ. К 75-летию со дня рождения.

Фото Н. Петрова

На строительстве Горьковской ГЭС. Электросварщик Александр Жаринов.

Фото А. Моклецова и А. Горячева.

ХАСАН-АРБАКЕШ

Поэма

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Рисунки П. Караченцова.

I

— Эй, расступись! Посторонись, народ!
Лепешечник, побереги бока!
А ну, варзобец на вязанке дров,
Прочь убери с дороги ишака!

Вот так на весь базар крича с коня,
Надменно возвышаясь над толпой [1],
Прохожих на две стороны тесня,
Хасан загромыхал своей арбой.

Он ехал мимо чайных и ларьков
По вязкой грязи уличек кривых.
Дымился на лотках базарный плов.
Жестянщики гремели в мастерских.

Арба кокандская, породист конь,
Бубенчики на шее у коня...
Уж очень наш аробщик гром и звон
Любил в разгаре трудового дня.

С реки возил он камень день за днем,
Где обносить оградами сады,
Где улицу мостить, где ставить дом
И для другой строительной нужды.

В ту пору наш далекий Дюшамбе́
Был местом разоренным и глухим,
Но уж повеяла в его судьбе
Большая жизнь дыханием своим.

Еще неволи многовековой
На всем читались горькие следы.
Кругом — пустыня; исступленный зной
Сжигал поля, лишенные воды.

А милосердную давали тень
Две — три чинары старых кое-где.
Их полусонный шелест в жаркий день
Напоминал о льющейся воде...

И враг еще повсюду нам грозил:
Чем обреченней был он, тем лютей.
Еще в мечетях голос темных сил
Лгал и обманывал простых людей.

Но коммунисты правили страной
С оружием в руках, с пером в руках,
В заботах о судьбе земли родной
И о рабах вчерашних — бедняках.

...Я рос в детдоме. Много нас тогда
Там было — обездоленных ребят.

[1] Кокандская арба имеет два огромных колеса. Сам арбакеш сидит на лошади, упираясь ногами в оглобли.

Из нас — сиро́т таджикских — в те года
Был создан первый пионеротряд.

И власть Советская растила нас,
Великое грядущее творя...
В то время имя Ленин в первый раз
Прочли мы на страницах букваря.

И над землей таджиков прозвенел
В детдоме нашем пионерский горн,
И прозвучал впервые в тишине
Наш барабан на склонах ближних гор...

* * *

...Из уличек, где лица сумрак стер,
Донесся топот, ржанье лошадей.
В сырых потемках огласился двор
Тележным скрипом, криками людей.

Колеса арб огромных к облакам
Кидали комья грязи. Эта грязь
В своем паденье на́ спины коням,
На плечи норовила нам попасть.

Ха́сан, последний, на арбе своей
Подъехал к караван-сараю злой.
— Эй, где хозяин? Ячменя скорей
Давай коню!
— Несу, мой дорогой!

— Что за несчастный день! И человек
И конь чуть живы... Ноги не идут!
С рассвета до́ ночи все дождь да снег
Заладили и не перестают!..

Аробщиков усталых болтовня
Заметно оживлялась у костра.
И озарялись в отблесках огня
Столбы навеса в глубине двора.

И вот уже забулькал, зашипел
Большой кувшин чугунный на углях.
И чувства ободрил и кровь согрел
Зеленый чай в цветастых пиала́х.

Щипал глаза раскуренный чилим [2].
Хасану, молча севшему в углу,
Старик-аробщик, наливавший им,
Дымящуюся подал пиалу.

И, поднеся, сказал с улыбкой:
— Пей
Во здравье, одинокая душа!
От мира ты далек и от людей...
Жизнь в одиночку, видно, хороша?

[2] Чилим — кальян.

Ты, парень, все же отличать учись
Врага от друга. А зазнайство брось!
Будь человеком ты, за нас держись,
Не то заколесишь и вкривь и вкось!..

Мы тоже ведь аробщики, а вот
Живем семьей, как братья... Оттого,
Ты помни, если черный день придет,
Мы — как один, мы — все за одного.

Другой, куривший лежа у костра,
Сказал: — Пустая речь у вас зашла!
Ты от него, отец, не жди добра,
А разговор напрасный — груз осла.

Решил, видать, по малому уму,
Что хватит только двух его колес
На весь Гиссар. И кажется ему,
Что роза он поверх корзины роз!

Хасан ответил: — Ты свой рот закрой,
Не задевай людей и не порочь!
Что сделал я? Хлеб, что ли, отнял твой
Или сказал твоей собаке «Прочь!»?

Своим умом, без помощи твоей
Мы обойдемся на своем веку.
А конь мой — всем бы вам таких коней,
Какого бог послал мне, бедняку!..

* * *

Просторный, новый караван-сарай
Я помню под густой листвой чинар.
Скрипя, въезжают в глубину двора
И выезжают вереницы арб...

Дорог железных не было тогда,
На всех путях служила нам арба.
С арбой была в те трудные года
Всего Гиссара связана судьба.

Высоко чтилось имя «арбакеш»
В горах, в долинах — у простых людей.
Вот почему неповторимо свеж
Хасана облик в памяти моей.

Ни стужи, ни гармсиля [3] никогда
Он не боялся.
«С бурями в борьбе,
Мужчина, будь мужчиною всегда!
Крепись, брат!» —
говорил он сам себе.

Край тюбетейки загнут для красы,
Платком затянут юношеский стан.
Хоть не пробились у него усы,
Мужчиною себя считал Хасан.

Он думал, ни одна земная тварь
С его конем сравняться б не могла,
А перегнать арбу его — едва ль
Посильная задача для орла.

Когда ж хлестал по крупу сгоряча
Коня, что с ним объехал всю страну,
Ему казалось, будто невзначай
Кощунственно ударил он луну.

[3] Гармсиль — горячий ветер из пустыни.

Конь масти золотой, арба как дом,
Простой чекмень суконный на плечах —
Вот все его богатство, все при нем:
Он сам да голова о двух ушах.

Но, выбрав одинокую судьбу,
Путями свадеб он ходить любил.
Степенно усадивши на арбу,
Он молодых невест возить любил.

От юных лет Хасан любил душой
И свадебный мужской запев большой
И расстиланье под ноги платков,
И пожеланья с шуткою живой;

Обряд, когда невесту средь двора
Обводят на коне вокруг костра;
Конфеты и монеты он любил
В веселой свалке собирать с ковра...

В дом жениха невесту вез Хасан.
На хомуте звенели бубенцы,
Когда во двор, донельзя гордый сам,
Коня невесты ввел он под уздцы.

Едва шагнул он на широкий двор,
Все оживилось. Запылал костер,
И праздник крылья пестрые свои
Под звездным небом шумно распростер.

И вот пошел веселый пир горой,
Гремя и не смолкая до зари,
Гуденьем бубна, пеньем и игрой
Окрестность оглашая до зари.

Плясали юноши, стройны, легки,
Кружились девушки, как мотыльки...
В такую ночь как сердце не отдать
Одной из них, зароку вопреки?

Да, именно с веселой ночи той
Мой арбакеш и потерял покой!
Навек его очаровал напев
И взгляд Садаф, плясуньи молодой.

Она за ним следила из угла,
Бросала взгляд, когда, танцуя, шла.
И не о нем ли спорила, смеясь,
С подругами, беспечно весела?..

* * *

...Однажды мне и другу в детский дом
Прислали долгожданный документ.
Сбылась мечта давнишняя —
обком
Учиться посылает нас в Ташкент!

С Хасаном подрядились мы тогда,
Чтоб нас до ближней станции довез,
Доставил невредимыми туда,
Где сказочный проходит паровоз.

Весь день перед отъездом занят был
Хасан своим возлюбленным конем.
Он мыл его, и чистил, и кормил
Душистым сеном, чистым ячменем.

Когда к арбе мы пóд вечер сошлись,
Мы встретили Ивана Кузьмича,
Гиссару посвятившего всю жизнь,
Приветливого старого врача.

Что там нашлось — солома и трава, —
Ему помягче постелили мы,
И старенького доктора сперва
В повозку нашу посадили мы.

И вот по холодку, в вечерний час
Мы тронулись в дорогу на арбе.
Услышав бубенцы, взглянуть на нас
На кровли вышли люди в Дюшамбе.

И на Хасана девушка одна
В упор глядела с крыши земляной,
Казалось, целиком поглощена
Своей какой-то мыслью озорной.

И бросила, проворна и быстра,
Цветок в лицо Хасану. Изумлен,
Всем грузным, сильным телом, как гора,
В седле невольно покачнулся он.

Через плечо на крышу поглядел,
Вздохнув: «Все это с ночи той пошло!..
Я вот что вам, друзья, сказать хотел, —
Что женщины для нас — большое зло!»

* * *

О ночи летние в стране родной,
Идущие на смену знойным дням!
Легко дышать прохладою ночной,
Легко дышать и людям и коням.

Несет волной широкой ветерок
Цветов степных и горных аромат.
В траве, в кустах звенит со всех сторон,
Не молкнет стрекотание цикад.

Мы по ущельям ехали глухим,
По камышовым зарослям густым,
По руслам резвых, неглубоких рек,
По склонам каменистым и крутым.

Вставала за горой гора из тьмы,
Там — за рекой — еще река текла.
За рядом ряд горбатились холмы.
Дорога вверх и вниз, петляя, шла.

Река Варзоб осталась за спиной,
И Харангон-гора ушла из глаз...
Вот призраком белесым под луной
В Гиссаре древнем крепость поднялась.

Мы помним время: рухнул древний гнет,
Из этих стен удрал последний бек.
В то утро знамя красное народ
Над входом в крепость водрузил навек.

Я помню время, и в моей судьбе
В ту пору совершился перелом.
Один из Каратага в Дюшамбе
Дорогой пыльной брел я босиком...

Дремал Иван Кузьмич.
Мы в этот миг
Наехали на камень колесом.
И, вздрогнув, с укоризною старик
На арбакеша заворчал сквозь сон.

Потом сказал:
— Вот он, Гиссар, друзья, —
Болота, малярийные места...
Я здесь лет сорок... Насмотрелся я,
Как при царе страдала беднота!

Пендинка, малярия, паппатач...
Медикаментов нет. Ну, хоть ты плачь!
Но не сдаешься, едешь в кишлаки.
А ты один на всю округу врач!..

Ну, а теперь дела пойдут на лад:
Вот еду я в Москву! Везу доклад!
Уверен: будут деньги для больниц,
Врачи придут, как армия солдат!..

С ладони под язык стряхнувши «нас» [1],
Хасан «Чу-чу!» на лошадь закричал.
С плохой дороги не сводил он глаз,
При этом ни на миг не умолкал.

То под нос что-то сам себе бубнил,
То притчи нам смешные говорил,
А то взволнованно и громко пел
Или коня восторженно хвалил.

— Смотрите, масть! — он восклицал. —
Огонь!
Такой породы конь лишь у меня

[1] Нас — табак.

Один остался... Происходит он
От Рахша, от рустамова коня.

Когда еще у бая батраком
Служил я, был он малым сосунком.
Я выходил его, взрастил, вскормил,
Пока не стал он чудо-скакуном.

Но вздумал как-то мой хозяин-бай
В подарок басмачу отдать коня.
От этой черной вести через край
Перекипела злоба у меня.

Тайком я ночью на коня вскочил,
И конь помчал меня, могуч и яр.
Я, веря в счастье, повод опустил
И на рассвете прискакал в Гиссар.

Так рассчитался я с ростовщиком!
С тех пор не расстаемся мы с конем.
Мы занимаемся уж пятый год
Извозом, благородным ремеслом!..

Тут конь его споткнулся.
— Чу, родной! —
Промолвил и рассказ прервал Хасан.
Над цепью гор, над синевой степной
Зажегся утра огненный тюльпан.

Ущелье тесное открылось нам,
Ущелье Каратагское мое...
Веками шло отцов и дедов там
Лишений полное житье-бытье.

Весной в ущелье воздух напоен
Дыханьем расцветающих садов.
И там листвой черешен затенен
Один из самых бедных кишлаков.

Где мчится в пене, молока белей,
Река, могучий вечный гул неся,
Я в хижине убогой без дверей
За каменным порогом родился.

В ущелье том я рос. И первый раз
Я друга русского увидел там,
Увидел войско братьев, спасших нас
И всей душой сочувствовавших нам.

Впервые буквы русские тогда
Учился я в тетради выводить,
И слово «справедливость» навсегда
С тех пор я и запомнил, может быть.

Там чайхана была на берегу
Для путников. Как облако, всплывал
Пар самоварный. Тут свою арбу
Остановил возница на привал,

Распряг коня. А мы под шум речной
И отдохнуть успели и соснуть,
Чтоб скоро снова в свежести ночной,
Трясясь в арбе, пуститься дальше в путь.

Вдруг на закате к тучам заревым
За поворотом пыль взвилась столбом.
Потом, ворча, густой пуская дым,
Явился быстро движущийся дом.

Вот это диво подкатило к нам,
Обдавши гарью тихие сады,
Не съело ни соломы, ни зерна,
А напилось бензина и воды.

Сбежались, про дела свои забыв,
Все жители глухого кишлака,
От удивленья губы прикусив,
Столпились у колес грузовика.

Хасан, от изумления немой,
От ревности как будто не в себе,
В растерянности бегал сам не свой
То от арбы к машине, то — к арбе.

Очки надел Кузьмич: — Ага! Ну вот,
Начало есть! Мы встретили одну...
А ведь за нею много их придет —
Машин могучих — в горную страну!

...Красна, как после ужина, взошла
Луна и светом залила простор.
И резко тень зубчатая легла
В ущельях, на крутые склоны гор.

Арба катилась, по камням стуча,
В ухабах сотрясаясь и бренча.
Но весело бежал наш сытый конь
И под уклон и в гору сгоряча.

Хасан, повесив голову, молчал,
Не пел и не шутил. Как сел в седло,
Так и не обернулся. Кто б сказал,
Что́ в Каратаге с ним произошло?

То ль встречей он с машиной огорчен?
То ль снова ночь на свадьбе вспомнил он
И эту девушку, чей образ был
Им из дворца желаний унесен?

А чтобы он опомнился скорей,
Мы песню затянули от души,
И арбакеша песнею своей,
Как видно, взволновали мы в тиши.

— Да...— он сказал,— хоть трудно, братец мой,
Жить в одиночестве в мои года,
Но все ж отрады в жизни холостой
Побольше, чем в семейной... и — куда!

Я простаков доверчивых виню,
Ведь вот кто попадает в западню!
Ум потеряв, на сладкие слова
Летят они, как мошкара к огню!..

Уж чьи-нибудь глаза из-за угла,
Смеясь, ведут охоту на тебя...
На сердце не наденешь удила,
Оно потянет к милой, полюбя.

Когда я ночью в путь свой выхожу,
Как на ладони, душу я держу.
Один я — плакать некому по мне,
Хоть голову в дороге я сложу...

Но тут сигнала рев прервал рассказ.
Дорогу белым озарив лучом
Из круглых, исторгавших пламя глаз,
Опять догнал нас движущийся дом.

И пыль густая вихрем поднялáсь,
И в туче пыли грузовик пропал...
Хасан же, лютым гневом распалясь,
Потомка Рахша бедного хлестал.

Теперь он опозорен навсегда...
Ведь знаменитый конь его слабей
Машины и, не слушаясь кнута,
Дрожит от страха в упряжи своей...

Машина через несколько минут
Остановилась. Видно, что-то в ней
Испортилось. Развеселился тут
Хасан.— Ну, ну! — он закричал. — Эгей!

Обогналá стоящий грузовик
Грохочущая старая арба.
Уж слышалась Хасану в этот миг
Всемирной славы зычная труба...

Слетели у Ивана Кузьмича
Со лба очки, разбились на куски.
— Эх, черт возьми! — ругался он, ворча.—
Как жалко! Были славные очки!

Ну, быть чему, того не миновать...
Но если дальше этак будет гнать
Он своего проклятого одра,
Все кости может нам переломать!..

Но скоро наступил конец гоньбе,
Догнал нас и, объехав стороной,
Умчался грузовик. И на арбе
Остались мы одни в пыли степной.

Любуясь мрачно согнутой спиной
Безмолвного Хасана, мы тряслись
В арбе его семь дней; лишь на восьмой
До цели, чуть живые, добрались.

Впервые тут предстал моим глазам
Стоящий под парами паровоз...
И, важно повернувшись к нам, Хасан
Напутственное слово произнес:

— Вот этот самый город есть Термез,
Здесь остановка и конец пути
Для нас, аробщиков из разных мест...
Отсюда мне обратно груз везти.

Когда, ученье кончив, вы домой
Поедете, я буду точно, в срок
К услугам вашим со своей арбой.
Здесь я и конь — хозяева дорог!

Наш доктор радовался, как дитя:
— Ну, наконец-то от арбы твоей
Отделались мы!.. Этак, не шутя,
Ты нас совсем замучил бы, злодей!

II

Прошли года... Живых надежд полны,
После ученья возвращались мы.
В грядущее своей родной страны
Крылатой мыслью устремлялись мы.

Мы миновали в поезде своем
И древний Самарканд и Бухару.
Волною желтогривой за окном
Река Аму плескала поутру.

Я из окна вагонного смотрел
С любовью на узбекскую страну
И песню дружбы складывал и пел
Про нашу жизнь, про новую весну.

Вот миновали мы Узбекистан...
С горячим ожиданием сердец
Подножие Гиссарского хребта
Мы степью обогнули наконец.

Стоял недвижно зноя океан...
В пыли, в жаре Термез поплыл в окне.
И тут знакомец давний мой, Хасан,
С его конем пришел на память мне.

Но здесь, в Термезе, как пообещал
Пять лет назад, он не встречал меня.
И ни Хасана здесь никто не знал,
Ни золотистого его коня.

Народ в пустыне рельсы проложил
И новою дорогою стальной
Еще тесней страну мою сдружил
С Россией — счастья нашего страной,

С Россией, в чьем горячем сердце всем
Народам место равное нашлось,
С чьей помощью в величии, в красе
Так мощно братство наше поднялóсь.

На месте прежних буйных камышей
Распаханы бескрайние поля,
И ветер веет по волнам полей,
Хлопчатника побеги шевеля.

Сады — в лучах, во влажном серебре.
Там, на горах, еще лежат снега,
Здесь все в цвету. И дождиком апрель
Из облаков рассыпал жемчуга.

Стада овец гиссарских здесь и там
Паслись по зеленеющим холмам.
А за отарами шагал чабан,
Свирель пастушью поднося к губам.

Шел трактор. Лиловатый, влажный вал
Лился волной с широких лемехов.
И парень в тюбетейке распевал
В своей кабине песенку без слов.

Тяжелый с харангонских круч орел,
Паря, застыл, набравши высоту,
И то ль высматривал добычу он,
То ль созерцал земную красоту...

Как ветер, мчались мы, казалось мне,
Через сплошной, необозримый сад.
И вот вдали, в зеленой глубине,
В долине забелел Сталинабад.

* * *

Мой город новый, город дорогой,
Глаз от тебя не мог я отвести!
Еще перо в долгу перед тобой,
Поэмам о тебе еще расти!..

Столица новая страны родной!
Прими в объятья сына своего,
Открой ему все сердце — пусть тобой
Всегда любуются глаза его!

Взвали работу нá плечи ему,
Вооружи и книгой и пером.
И труженику-сыну своему
Дверь отвори в твой полный света дом!

Я шел, любуясь городом моим:
Как вырос он, как шумно оживлен!
Как подобает городам большим,
И здесь во всем порядок заведен.

Ты стал, мой город, светочем наук,
Стал сердцем и душой больших работ!
И здесь творит не покладая рук
Мой древний, к жизни поднятый народ...

...Постой! А те чинары — где они?
Три старые чинары — где они?
А кони, áрбы, караван-сарай
На въезде у базара — где они?

Чинары те листвой могучих рук
Сплелись с ветвями выросших вокруг
Деревьев новых. Разыскав с трудом,
Я рад был их приветствовать, как друг.

Они могли б свидетелями стать
Глухих времен, ушедших навсегда.
Они могли бы много рассказать,
Как наша жизнь горька была тогда...

Я в Дюшамбе, в Сталинабад родной,
Дорогой новою под стук колес
Летел. И мне казалось: над страной
Меня на крыльях ветер утра нес.

Гиссарская долина широко
Объятия свои раскрыла мне.
Здесь хорошо. Здесь дышится легко.
Здесь радуешься солнцу и весне.

...В тени чинар соловый конь с арбой
Дремал у торбы с сеном. И они
Так живо мне напомнили собой
Минувших лет неласковые дни.

Хасан был тут. Он у арбы стоял,
В глубокое раздумье погружен.
Он посуровел, очень возмужал,
До бронзовости солнцем обожжен.

По улице в ту пору проходил
Иван Кузьмич — любимый доктор наш.
В свою больницу, видимо, спешил
Народного здоровья верный страж.

Оглядываясь медленно кругом,
Хасан узнал Ивана Кузьмича.
Толкая встречных локтем и плечом,
В толпе догнал он старого врача.

— Я рад вас видеть, доктор!
Может быть,
Вы помните, как вас в Термез я вез?
Я, доктор, вам опять готов служить
Своим конем и парою колес.

— Отлично помню, братец! Не кричи!
Нет, дорогой! Ты на арбе своей
Вози уж бревна или кирпичи,
Вози дрова, но только не людей!

Ушел Иван Кузьмич. Добряк не знал,
Как этой шуткой больно уязвлен
Аробщик простодушный. Он стоял,
Потоком горьких мыслей оглушен.

Потом весь день, печален и угрюм,
Сидел в углу безлюдной чайханы.
И много давних, нерешенных дум
Вставало из душевной глубины:

«...Коня продать? Арбу отдать на слом?
Как это может в голову придти?..»
Нет, он своим гордится ремеслом,
Еще он будет в славе и в чести!

Он утешал себя: «Не в том беда...
Еще страна моей работы ждет.
В пустыни, в горы двинусь я, туда,
Где ни одна машина не пройдет.

Но только стала поперек пути
Мне эта девушка!
Ну, просто страх...
Ведь без нее теперь мне не уйти,
И вся судьба моя в ее руках!..

Я кончик нити жизни потерял.
Да если б я на свадьбу не попал
В тот вечер и не встретил бы Садаф,
Я, кажется, и горя бы не знал!

А может, вовсе нет у ней любви,
И дела нет ей до судьбы моей?
Да и разъезды частые мои
Едва ли пó сердцу придутся ей!..»

Хасан поднялся на закате дня
С надеждой новой — счастья попытать.
Бубенчики повесил на коня
И поскакал любимую искать.

Вот и в нависшей зелени забор.
Коня он в переулок завернул,
Встал на седло тихонько и во двор,
Рукой листву раздвинув, заглянул.

В своем саду Садаф была одна.
Не слыша, видно, шороха листвы,
Какой-то книгою поглощена,
Она не повернула головы.

Решился, руку протянул к кольцу
И постучался. Быстро отперлá,
И встала перед ним лицом к лицу,
И спрашивала взглядом, и ждала...

Растерянна стояла, смущена,
Прерывисто ее дышала грудь...
Но справилась с волнением она.
— Входи, — сказала, — гостем нашим будь!

«Я гасну, милый, я устала ждать.
Надолго ль хватит сердца моего?
Оно сгорит!» — хотелось ей сказать,
Но только не сказалось ничего.

Хасан сурово начал разговор:
— Ты будешь все равно моей женой.
Зачем откладывать? Хоть до сих пор,
Я знаю, ты смеялась надо мной.

Я за тобой пришел. Со мной пойдем!
А дом, ты спросишь, где?
Арба — наш дом!

Куда, как птицы, мы ни залетим,
И степь и горы будут нам гнездом!

С улыбкою, склонив в поклоне стан,
Садаф ответила: — Я польщена!
Благодарю за честь, о Хасан-джан,
Но все-таки подумать я должна!

Нет. Я поехать не могу с тобой!
Ведь я учусь, ако [1]!
Но ты глядишь
Так мрачно, будто старою арбой
Ты больше, чем любовью, дорожишь...

— Так не поедешь ты? — Покамест нет! —
Смеясь, ему ответила Садаф.
Хасана поразил ее ответ.
Он прочь пошел, ни слова не сказав.

Садаф готова кинуться была
За ним, но искрою потухла вдруг...
Хотела крикнуть вслед — и не могла,
Стояла, книгу выронив из рук.

* * *

Торжественно светает... Как же здесь
Утрá в Сталинабаде хороши!
Из-за холмов, как радостная весть,
Весенняя заря встает в тиши.

Фонтаны плещут, и, лаская взгляд,
Цветы коврами яркими горят.
Шумящие потоки горных вод,
Как пояса, объемлют город-сад.

Далёко оглашается простор
Гудком. За ним еще один, другой,
Поют, сливаются в могучий хор
Промышленности нашей молодой.

Быть может, сладко в этот ранний час
Уснул ученый, утомлен трудом,
Или собрат мой, не смыкавший глаз,
Встречает день за письменным столом...

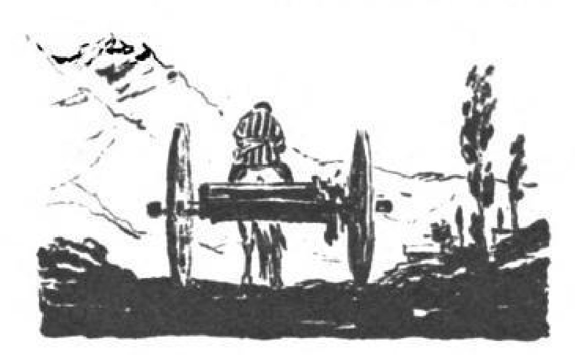
В рассветный час по улице пустой
Хасан своей арбой загромыхал.
В бубенчиках и лентах конь рысцой
Бежал, соловой гривою махал.

Он в сторону Куляба держит путь.
Вот уличка Садаф, и дом, и дверь.
Увидит он ее когда-нибудь
Или навек расстался с ней теперь?

(Окончание следует.)

Перевел с таджикского
Владимир ДЕРЖАВИН.

[1] А к о — почтительное обращение к старшему.



Дружеское рукопожатие победителей турнира. В. Корчной (справа) и Ф. Олафссон.

НА ТУРНИРЕ В ГАСТИНГСЕ

М. ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер

В Англии немало курортов. Но ни один из них не может померяться славой со скромным курортным городком на берегу Ламанша — Гастингсом. Своему мировому имени он обязан не каким-либо климатическим или природным достоинствам. Нет, Гастингс прославили шахматы.

С 1920 года ежегодно с 29 декабря до 8 января в Гастингсе проводятся традиционные рождественские турниры с участием виднейших шахматистов разных стран.

Желанными гостями являются на них и советские мастера. В этом году для участия в «главном» турнире были приглашены Корчной и я.

Полет по маршруту Москва — Хельсинки — Стокгольм — Амстердам — Лондон уже хорошо знаком советским шахматистам.

Каждый из этих городов они покидали с памятными «сувенирами»: из Хельсинки они увозили золотые медали чемпионов мира, из Стокгольма — первые призы в международных турнирах, из Амстердама — золотые медали победителей XI олимпиады, из Лондона — 18,5 очка против 1,5 в матче с командой Англии.

Знакомы аэродромы, знакомы самолеты, и уже перестали беспокоить надписи «Спасай жизнь» на конвертах с надувными рубашками, предусмотрительно положенными у каждого пассажира на случай аварии самолета над водой.

С одной «новинкой» мы все же столкнулись. На одном из аэродромов мы увидели прибитую к стене копилку с надписью «Для стесняющихся бедных», то есть для тех, кто, видимо, стесняется прибегать к открытому попрошайничеству.

...Мы приехали в Англию в дни рождественских праздников. Учреждения, театры, кино, магазины не работают. Даже газеты с 25 по 27 декабря не выходят. На улицах необычно тихо и малолюдно.

Забегая вперед, расскажу и о встрече Нового года.

Англичане именно только «встречают» Новый год. Съезд гостей начинается в 9 часов, в 12 — торжественно поднимаются бокалы, затем общий хоровод вокруг елки, и к часу ночи уже все расходятся.

Мужчины в смокингах и фраках, дамы в нарядах, о которых лучше всего сказала одна из кинозвезд: «Когда, закончив туалет, я отправляюсь на бал, я последний раз смотрю в зеркало, что еще можно с себя снять».

Лондон украшен бесчисленным количеством елок. Ярко иллюминированные, они установлены и вдоль улиц, и на площадях, и даже на крышах небольших зданий. Самая большая елка на Трафальгарской площади. Говорят, что ее специально привезли из Норвегии, ибо такие в Англии не растут.

29 декабря в Гастингсе был большой день. Впервые в истории «рождественских конгрессов» турнир открывал посол Советского Союза Я. А. Малик.

В шахматный бой вступили 130 шахматистов — участников 13 турниров разной квалификации.

Любопытно, что в главном турнире первый тур сыграл решающую роль в определении конечного результата. В этот день исландский мастер Олафссон и Корчной выиграли, югославский гроссмейстер Ивков сделал ничью, а я проиграл. В оставшихся 8 турах «фавориты» набрали по 6 очков и к финишу пришли, заняв первые места, в том же порядке, какой получился у них после старта, то есть после первого дня игры.

Своеобразный «рекорд оперативности» установила местная гастингская газета.

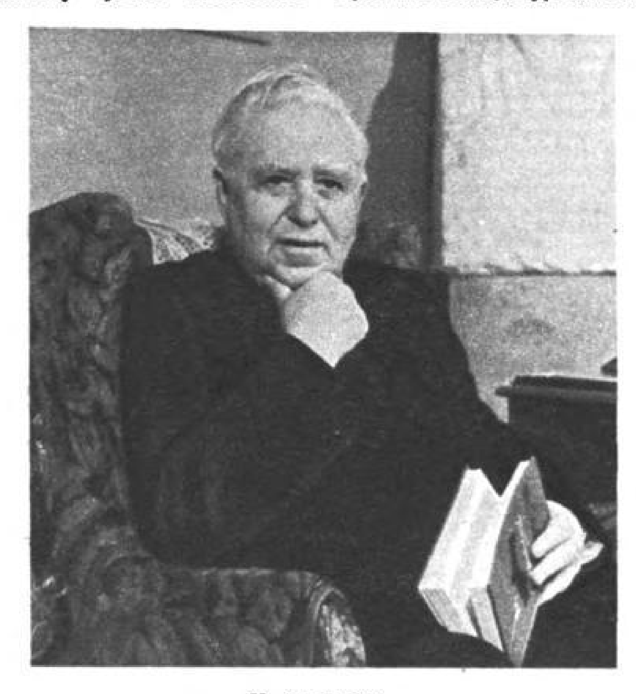
Уже через два дня после начала она опубликовала... «итоговую таблицу» с указанием количества очков каждого участника и даже объявила, что приз за красивейшую партию получит чемпион Испании Коррал за победу над Корчным. Коррал жаловался, что он узнал об этом, к сожалению, слишком поздно, после того, как уже проиграл Корчному.

Наш молодой мастер с подъемом провел все соревнование, и, может быть, только «угроза» необходимости выступить в качестве победителя с большой речью на закрытии турнира побудила его довольствоваться тем, что он разделил первое и второе места.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Иван Новиков широко известен как автор романа «Пушкин в изгнании», занявшего два первых тома в недавно вышедшем трехтомном собрании сочинений писателя.

Роман о великом поэте написан рукой зрелого мастера. «На критическое изучение одних источников по Пушкину ушло несколько лет», — говорит Новиков в автобиографии.



И. Новиков.

«Пушкин в изгнании» — роман биографический; сюжетом его является судьба великого поэта, о котором один из друзей Пушкина так верно сказал: «Ничего не знаю поэтичнее его жизни и смерти». Умение найти сюжет, открыть его в биографии поэта, не прибегая к сюжетному вымыслу (по крайней мере, во всем, что касается главного), — дар особый. И Новиков наделен им: в романе нет авторского произвола, зато есть догадки, почти всегда счастливые и обоснованные.

Читая Пушкина, исследуя его черновики, писатель раскрывает творческую историю пушкинских произведений. Перед нами встает биография великого поэта, насыщенный событиями важный период его жизни, искусством художника превращенный в роман.

Исторических материалов и воспоминаний, рисующих Пушкина в годы изгнания, сохранилось немало. Но не все в жизни великого поэта может быть документировано. Творчески воссоздать окружавшую Пушкина общественную среду, написать портреты его современников в состоянии только художник. Новиков по праву может быть назван живописцем слова. Особенно хороши в его романе портреты и пейзажи. И не только пейзажи, рисующие русскую природу, — не в меньшей мере он является мастером исторического пейзажа.

Памятником удивительных противоречий екатерининского времени встает перед Пушкиным недостроенный Екатеринослав. Поэт видит древний Киев и Псков — своеобразие каждого из этих городов верно и поэтически передано И. Новиковым.

Выразительны художественные средства, с помощью которых Новиков рисует современников поэта. Портрет Дельвига написан в спокойной манере, отвечающей характеру друга Пушкина. А портрет поэта-партизана Дениса Давыдова не случайно, конечно, сделан иначе, чертами резкими, в манере, явно перекликающейся с литературной манерой самого Дениса Давыдова.

Читатель романа видит Пушкина не только в общении с друзьями, в столкновениях с сановными врагами поэта. Вот он перед нами на почтовой станции, в ямщицкой. Вот Пушкин разговаривает с ветераном войны 1812 года, вожаком бунтующих крестьян. Да, мужик этот смотрел в лицо Наполеону. И мужик отвечает Пушкину: «Чего там — в лицо Наполеону? Я ему и в спину глядел!» «Подумайте, как говорит»,—замечает Пушкин.

«До революции романа о Пушкине я не написал бы, во всяком случае, так не написал бы: революция наша художнику во многом открывает глаза»,— замечает Новиков в автобиографии, справедливо называя свой труд «порождением новой нашей эпохи». Талант писателя рос в советскую эпоху и раскрылся в зрелые годы его творчества по-новому.

Но роману о Пушкине предшествовал большой творческий путь: первый из рассказов, напечатанных в третьем томе избранных сочинений Ивана Новикова, датирован 1900 годом. В этот том входят страницы, посвященные воспоминаниям о встречах с Чеховым, Короленко и Львом Толстым. Несколько лет назад вышел в свет новый том дневников Льва Толстого, где можно найти запись, сделанную 12 июля 1909 года. Толстой записал, что в этот день побывал у него в Ясной Поляне «совсем сочинитель, умный, Новиков». Уже тогда Лев Толстой назвал Новикова сложившимся писателем.

В написанном много лет спустя после встречи с Толстым рассказе «Хитрое перо», где речь идет о временах давних, рассказчик говорит: «Я о тех временах сильно наслышан, да много коечего соображаю и сам: ведь Русь крепостная, скончавшись на бумаге, долго и позже жила еще почти во всю полную силу. И вот почему все это мне видится въяви...»

«Въяви» видится прошлое, даже самое отдаленное, и самому Новикову. Полны жизни его работы, посвященные «Слову о полку Игореве».

В третьем томе напечатана работа «Тургенев—художник слова». Она не похожа на обычные историко-литературные исследования; перед нами труд критика-художника. Так прочесть «Записки охотника», как сделал это Новиков, мог, конечно, только писатель, «въяви» видящий притом изображенную Тургеневым крепостную Русь.

Новиков пишет о «необычайно поэтической» тургеневской прозе, а говоря о том, как Тургенев изображал природу, замечает: «Эту манеру художника можно назвать тургеневской светотенью. Именно она, эта манера, делает неповторимыми его пейзажи...» Слова эти вспоминаются при чтении многих созданных самим Новиковым страниц не потому, что пейзажи его похожи на пейзажи Тургенева. Нет, они написаны в собственной, новиковской живописной манере. Но, говоря о любимом писателе, художественные традиции которого ему близки, Новиков, может быть, невольно, охарактеризовал и некоторые собственные художественные пристрастия и особенности.

В последний том избранных сочинений вошли «Стихотворения разных лет». Раздумья эти одухотворены радостью жизни, поэтической молодостью. Недаром, вспоминая великих художников прошлого, в одном из стихотворений Новиков сказал:

И в старости есть бранный дух
И юности возвратной чары:
Толстой, Хафиз — довольно двух!
А, в сединах, они ли стары?

Новиков деятельно продолжает свой творческий труд, и надо пожелать, чтобы круг произведений, включенных в его избранные сочинения, был расширен при следующих изданиях. Издания эти, надо надеяться, будут пополнены и ранее созданными страницами и новыми произведениями, над которыми писатель теперь работает.

Иван Алексеевич Новиков вступил в восьмидесятый год жизни. Пожелаем ему здоровья и новых творческих успехов.

И. ФЕЙНБЕРГ

Иван Новиков. Избранные сочинения в трех томах. Гослитиздат. 1955.

Как были написаны «Люди бездны»

Глубокая любовь к людям труда — важнейшая черта в облике Джека Лондона, писателя и человека. С малых лет испытавший всю тяжесть лишений, какие выпадают на долю бедняков, продавец газет, рабочий на джутовой фабрике, матрос, золотоискатель, Джек Лондон не был сторонним наблюдателем жизни народа, он пришел в литературу как представитель простых людей.

Джеку Лондону было 23 года, когда он после напряженной работы и многих неудач прочел на страницах журнала свой первый напечатанный рассказ «За тех, кто в пути!». Это было в январе 1899 года. Лондон жил тогда в Окленде, пригороде Сан-Франциско.

Прошло еще несколько лет. У писателя уже вышли три сборника рассказов, он написал первый роман, «Дочь снегов», познал литературный успех. Годы странствий и приключений были уже позади. Лондон женился, стал отцом.

И вот в июле 1902 года агентство Американ-пресс предложило писателю отправиться военным корреспондентом в Южную Африку, где шла война англичан с бурами. Лондон согласился и немедленно отплыл в Англию. Там его ждала неприятная весть: агентство сообщало, что расторгает контракт и отказывается от услуг писателя. Джек Лондон оказался в столице Великобритании без работы. Денег у него тоже не имелось: аванс был истрачен, а дома — три тысячи долларов долга.

Американец мог бы пойти к лондонским литераторам и издателям: его уже здесь знали, выпускали сборник его рассказов, писали о нем в газетах. Но писатель не пошел к ним. Он отправился в лавку подержанного платья, купил старенькие брюки, потрепанный пиджак, на котором уцелела лишь одна пуговица, тяжелые башмаки и грязную матросскую кепку. Джек Лондон решил изучить трущобы Ист-Энда. Он снял каморку и, выдавая себя за американского моряка, отставшего от своего судна в порту, стал бродить по улицам знаменитого Ист-Энда, который он назвал «бездной». Здесь на грани голодной смерти жила одна десятая лондонского населения.

Найти общий язык с обитателями Ист-Энда писателю было нетрудно. Ему верили, с ним охотно разговаривали. Джек Лондон был чрезвычайно общителен. «Я наделен роковым свойством приобретать друзей и лишен счастливой способности от них избавляться», — иронизировал он над собой. Джек Лондон живет в работных домах, в приютах для бедных, мерзнет в очередях за бесплатным обедом, ночует на улицах и в парках. Он исколесил все улицы и переулки, сделал множество фотографических снимков, проштудировал груду книг о лондонской бедноте. Для работы над книгами он, чтобы не вызывать подозрений своих соседей по каморке, снял другую, более приличную комнату. Там Лондон и набрасывал страстные, дышащие гневом строки «Людей бездны». «С заплеванного, грязного тротуара,— писал он о двух безработных, которые оказались случайными спутниками писателя на лондонских мостовых,— они подбирали апельсинные корки, яблочные очистки, объеденные виноградные веточки и с жадностью отправляли в рот; сливовые косточки они разгрызали и съедали ядрышки. Они поднимали хлебные крошки величиной с горошину и яблочные сердцевины, настолько черные и грязные, что трудно было определить, что это такое. Эти отбросы они клали в рот, жевали и глотали. И все это происходило... в сердце самой великой, самой богатой, самой могущественной империи, какая когда-либо существовала на земле».

Все увиденное в Ист-Энде потрясло Лондона, но не лишило его веры в человека, в будущее. В предисловии к своей книге он написал: «Что касается английского народа, его здоровья и счастья, то я предрекаю ему широкое, светлое будущее. Что же касается почти всех частей той политической машины, которая ныне так плохо управляет Англией, то для них я вижу лишь одно место — на мусорной свалке».

Джек Лондон прожил в Ист-Энде три месяца. В ноябре 1902 года он был уже в Нью-Йорке. В его чемодане лежала готовая рукопись книги «Люди бездны», замечательной книги о судьбе обездоленных, о судьбе жертв капиталистического строя.

Н. БАННИКОВ

Художник сцены

...За тяжелыми, потускневшими от времени коваными воротами возникают торжественные залы и мрачные переходы Эльсинорского замка... Дания — страна печального принца Гамлета — с ее суровыми прибрежными скалами, холодным, мглистым морем предстала перед зрителями.

В успехе «Гамлета», поставленного Н. Охлопковым в Театре имени Маяковского, немалая заслуга художника В. Ф. Рындина, которому посвящена недавно вышедшая книга Е. Костиной.

Вадим Федорович Рындин пришел в театр более тридцати лет назад. Лучшие его произведения — известные московскому зрителю декорации спектаклей «Европейская хроника» и «Молодая гвардия», «Седая девушка» и «Кирилл Извеков», «Травиата» и «Гамлет» — говорят о творческой молодости мастера, о гибкости мысли и богатстве фантазии, живом понимании законов сцены.

Книга знакомит с творчеством декоратора широкого диапазона, работающего над спектаклями самых различных жанров: от высокой трагедии до политической сатиры, от современной пьесы до классической оперы, от шекспировской комедии до советской оперетты.

Монография Костиной — ее первая книга, дебют молодого автора.

Предпринятый издательством «Советский художник» выпуск серии книг о театральных декораторах — дело ценное и полезное. Вышедшие в свет монографии о В. Дмитриеве, Н. Ульянове, П. Вильямсе, готовящиеся к изданию книги о Ф. Федоровском, Б. Волкове, Н. Шифрине представляют несомненный интерес для всех, кому дорого и близко искусство художников нашей сцены.

Е. ЛУЦКАЯ

«В. Ф. Рындин». Автор текста — Е. Костина. Изд-во «Советский художник». Москва. 1955. 115 стр.

Дневник Огонька

★ СТАЛИНГРАДЦЫ ВЫПУСТИЛИ НОВЫЙ ТРАКТОР
★ НАЧАЛОСЬ СТРОИТЕЛЬСТВО ЮЖНОПОЛЯРНОЙ НАУЧНОЙ ОБСЕРВАТОРИИ
★ КУЗНЕЦ УШКАЛОВ ПЕРЕКОВАЛ ЗА 20 ЛЕТ 400 ТЫСЯЧ ТОНН МЕТАЛЛА
★ ПЕРВЫЙ ЗИМНИЙ СЕЗОН В КОЛХОЗНОМ САНАТОРИИ
★ ПОДАРОК ЛЮБИТЕЛЯМ ВОДНОГО СПОРТА
★ СМЕЛЫЙ ЧАБАН СПАС ОТ ГИБЕЛИ 520 ОВЕЦ

20 лет у молота

Вот уже двадцать лет несет вахту у тяжелого молота Михаил Федорович Ушкалов. Два десятилетия для кузнеца — это подвиг. Он установил на Московском автозаводе имени Сталина 236 рекордов, да таких, что многие до сих пор никем не превзойдены. А сколько металла прошло через его руки, превратившись в добротные детали автомобилей! Недавно произвели примерный подсчет, и оказалось, ни много ни мало, около 400 тысяч тонн. Это десятки железнодорожных эшелонов!

Михаил Федорович Ушкалов пришел на автозавод в январе 1936 года, а спустя восемь месяцев автомобилестроители услышали о первом рекорде молодого кузнеца. За двадцать лет неутомимый кузнец осуществил более 50 рационализаторских предложений. Многие автозаводцы справедливо считают Ушкалова своим учителем и воспитателем.

Кузнец первого класса, награжденный орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, коммунист Михаил Ушкалов и сейчас в авангарде социалистического соревнования столичных автомобилестроителей в честь XX съезда КПСС.

Н. УШАТИКОВ

Танк тушит пожар...

— Загорелся дом в Пионерском поселке!

Дежурный положил трубку, и через несколько секунд из распахнутых ворот районной пожарной команды, расположенной на окраине Свердловска, выехала необычная пожарная машина. Грохоча гусеницами, на большой скорости она форсировала речку, преодолела крутой косогор, а затем, пройдя напрямик через небольшой лес, вплотную подошла к загоревшемуся дому.

Пока боевой расчет прокладывал рукавные линии, подключая их к насосной установке, прямо с борта машины были пущены в ход лафетные стволы. Плотная струя воды под давлением в десять атмосфер обрушилась на очаги пожара.

Когда подошли остальные машины, следовавшие по дорогам и через мосты, огонь уже был ликвидирован.

Пожарный танк-вездеход применяется в Свердловске при тушении пожаров, когда бездорожье или сложный рельеф местности мешает обычным машинам быстро добраться к месту происшествия. Он обладает большой проходимостью и скоростью, легко преодолевает препятствия: овраги, неглубокие реки, лесные участки...

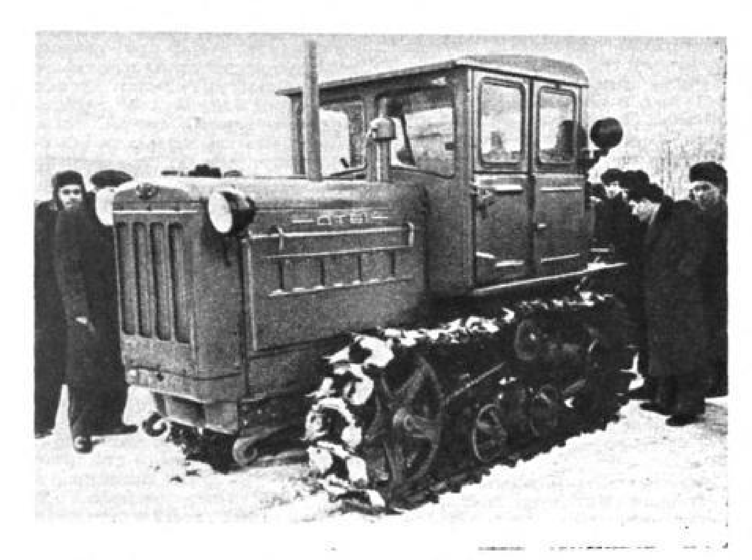
Цистерна танка вмещает 10 кубометров воды, а лафетные стволы, напоминающие по своему внешнему виду короткоствольные пушки, дают мощную водяную струю дальностью свыше 30 метров. На левом борту — бак с пенообразователем. Все это позволяет использовать машину и в том случае, если возле загоревшегося здания нет водопровода или других источников.

Пожарный танк имеет радиостанцию. Управляют им демобилизованные танкисты. Илья Расковалов в армии был сержантом — механиком-инструктором, Анатолий Волков — механиком-водителем первого класса, а Иван Бахтин даже завоевал почетное звание мастера вождения танков. Закончив срок службы в Советской Армии и сняв погоны, они не расстались с полюбившимися им машинами: пересели на мирный пожарный танк. Переучиваться долго не пришлось. Надо было только дополнительно изучить... правила уличного движения и работу на пожарных агрегатах.

Новый вездеход применяется для пожарной службы и в зимних условиях. При любых снежных заносах он быстро подходит к цели, нередко прокладывая дорогу колонне других пожарных машин.

А. ГРИГОРЬЕВ

Лафетный ствол пущен в ход.
Фото И. Шубина.



ЕСТЬ НОВЫЙ ТРАКТОР!

В один из январских дней по улицам Сталинграда прошел новый трактор. Каждый, кто его видел, обратил внимание на непривычные размеры новой машины, на особое приспособление позади. Это был трактор «ДТ-61», изготовленный коллективом Сталинградского тракторного завода в честь XX съезда КПСС.

Новый трактор приспособлен для работы со всем комплексом навесных сельскохозяйственных орудий. Эта машина на 500 килограммов легче, чем «ДТ-54», и расходует топлива на 15 процентов меньше. По предварительным данным, долговечность этого трактора увеличивается примерно в 3,5—4 раза.

И. ГУММЕР
Фото В. Сметанникова.

Таким будет Мирный

У самого Южного Полярного круга, на 92-м градусе 57-й минуте восточной долготы, строится южнополярная научная обсерватория СССР. Здесь у ледяного барьера стоит «Обь», с которой днем и ночью выгружают грузы, прежде всего строительные материалы; уже собираются первые щитовые дома.

Рачительный начальник Мирного Харитон Иванович Греку обходит с нами заснеженную, покрытую льдом прибрежную территорию. Она испещрена выходами коренных пород, усеяна камнями.

— Территория самого поселка Мирный, не считая аэродрома, радиоцентра и других зданий, займет двенадцать тысяч квадратных метров,— говорит Харитон Иванович.— Жилые дома будут защищены от сильных ветров и снегопада, как щитом, пятью металлическими зданиями: мастерскими, гаражом, складами. Жилые дома ставятся спаренно, но с отдельными выходами. В каждом щитовом доме будут жить пять — восемь человек. В их распоряжении три комнаты общей площадью пятьдесят квадратных метров, центральное отопление, электричество, радио, телефон.

В центре поселка в двух домах располагается кают-компания—столовая и клуб. Здесь будут умывальная комната, гардероб, обеденный зал, камбуз.

Метрах в ста от поселка на прочном скальном основании строится электрическая станция в комплексе с баней и прачечной. На другой скале, примерно в двухстах пятидесяти метрах от поселка, будет приемная радиостанция. Несколько дальше, тоже на скале, отведено место для передающей радиостанции. Для работников Мирного соорудят АТС на пятьдесят номеров. Около поселка оборудуется аэродром.

Участники антарктической экспедиции дружно сооружают поселок, в котором в долгую полярную ночь советские люди будут вести научные наблюдения.

К южнополярной обсерватории прибыло второе экспедиционное судно — «Лена».

Е. РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька».

Нам пишут...

Лучший отпуск — зимой. Как-то вечером группа отдыхающих в доме отдыха «Пуща-Водица» (под Киевом) разговорилась о том, всем ли нравится проводить отпуск зимой. Разные были высказаны мнения, но в основном все пришли к выводу: зимний отдых имеет много преимуществ. А вскоре состоялся литературный вечер. Выступил на вечере и бригадир пассажирского пригородного поезда П. Борухович. Он зачитал «Заметки отдыхающего». Заметки были посвящены все тому же вопросу: хорошо ли отдыхать зимой? Участники вечера решили сообщить свои соображения журналу «Огонек». Это поручение выполнил директор дома отдыха А. Шульгин.

«Сложилось неправильное мнение,— пишет А. Шульгин,— о зимнем отдыхе. За три летних месяца сеть домов отдыха, хоть и самая расширенная, не в состоянии всех удовлетворить. А зимой даже круглогодовые дома отдыха сокращают количество мест, планируя, таким образом, скученность в летний период».

Какие же доводы приводили участники «диспута» в пользу зимнего отдыха? Вкратце они сводятся к следующему:

— Нет лучшего удовольствия, как ходить на лыжах и кататься на коньках.

— Зимние прогулки увеличивают аппетит, человек чувствует себя свежей, бодрей.

— Зимой отдыхать спокойнее, меньше отвлекаешься.

— Отдыхаешь без лишней беготни, больше читаешь.

— Зимний лес! Какое наслаждение для глаз!

Мы исполняем просьбу группы отдыхавших в «Пуще-Водице» и доводим их соображения в защиту зимнего отдыха до сведения читателей.

Поединок со стихией. Об интересном случае сообщает нам корреспондент казахстанского радио по Кустанайской области В. Зайцев.

В тихий морозный вечер чабан первой отары овец нового зерносовхоза имени Богдана Хмельницкого Жумал Саржанов заметил на горизонте черный комочек.

«Подозрительная тучка! — подумал чабан.— Не к добру это. Как бы ночью не разбушевалась пурга».

Жумал направил отару в глубокую балку, где на случай пурги легче укрыть животных.

Предосторожность чабана оказалась не напрасной. Едва сгустился сумрак, как налетел буйный ветер, подняв в воздух вихри пыли, листьев, сухой травы. Началась пурга. Перепуганные овцы сбились в кучу и, гонимые бурей, стали передвигаться по воле ветра. Впереди находилось едва покрывшееся тонкой коркой льда глубокое озеро. Пурга могла загнать в него отару, погубить овец. Забежав в голову отары, Жумал кричал, размахивал палкой, задерживал овец руками — всеми мерами старался остановить. Но ветер валил его с ног, снег, смешанный с землей, слепил глаза, больно хлестал по лицу.

Поняв, что одному не справиться, чабан решил позвать на помощь механизаторов ближайшего отделения совхоза. Примерно определив направление, Жумал что было сил побежал в сторону поселка, навстречу буре. В непроглядной тьме он натыкался на коч-

Лида Бабенко вернулась на Родину

Шипят и пенятся за кормой волны Балтийского моря. Вдали проступает незнакомый силуэт островерхого города. На одной из его башен плещется красный флаг. Лидия Ивановна Бабенко-Пастоор напряженно всматривается вдаль: там, впереди, пусть незнакомый, но все-таки родной советский берег, советский город Таллин. Да, она снова на Родине после долгих четырнадцати лет... Вместе с ней смотрят на приближающийся берег ее муж, токарь Виллем Корнелис Пастоор, член Коммунистической партии Голландии, и девятилетний сын Вим.

Лида Бабенко была комсомолкой, когда началась война. В 1942 году ее в переполненном эшелоне вместе с другими украинскими девушками оккупанты увезли в Германию. Три года длился рабский труд, впроголодь жила она за колючей проволокой... Там, в немецком городе Билефельде, она познакомилась с молодым голландским токарем Виллемом Пастоором, тоже увезенным гитлеровцами из родных мест. В день, когда немцы убегали из Билефельда, Виллем и Лидия решили пожениться. Виллем сказал в тот день: «Лида, за 150 километров отсюда — Голландия. Пойдем туда, навестим моих родителей, потом поедем к тебе на Украину». Весь путь они прошли пешком и в Роттердаме отпраздновали свадьбу. Но мечта о поездке в Советский Союз сбылась только теперь — десять лет они не могли получить визу на выезд.

...После Таллина — путь на Украину. Пройдет еще несколько дней, и поезд остановится на станции Долгинцево, в Днепропетровской области, в родном городке Лиды. Лидия Ивановна увидит родителей, сестер и братьев.

— Нас очень тепло встретила команда парохода «Гатчина», на котором мы прибыли в Таллин,— говорит Виллем Пастоор.— А уж если незнакомые нас встретили, как родных, то о родных беспокоиться не приходится!

Н. ХРАБРОВА

На снимке (справа налево): Лидия Ивановна, Виллем Пастоор, их сын Вим, капитан парохода С. П. Шилин.

Фото С. Розенфельда.

В санатории отдохнуло 200 колхозников

Даже в январе небо здесь неправдоподобно лазоревое и лучистое. И маленькая речушка Березовка так же говорлива, как и летом: ее нескончаемая звонкая песня, «высекаемая» о желтые камни, слышна почти во всех комнатах санатория «Колос» — двухэтажного светлого особняка.

Это самый молодой санаторий Кисловодска, открытый лишь в минувшем году. И самый необычный. У въезда — вывеска, на которой золотыми буквами написано:

«Санаторий «Колос» колхоза имени Сталина, Ново-Александровский район, Ставропольский край».

На строительство своей здравницы артель затратила 800 тысяч рублей. Расход немалый, но вполне по плечу хозяйству, которое дает ежегодно 16—17 миллионов рублей дохода.

Поднимемся на высокое крыльцо по ступеням с каменной балюстрадой и заглянем внутрь санатория. Всюду ковры и ковровые дорожки, в вестибюле и коридорах — фикусы, филодендроны, пальмы. В санатории, рассчитанном на пятьдесят человек, уже побывало около двухсот колхозников.

В «Колосе» мы встретили свинарку Марию Антоновну Тершукову, старшую птичницу Зину Подлипенцеву, тракториста Ивана Антонова, представителя колхозного «шоферского батальона» Николая Дроздова — в гараже артели 74 автомашины! Некоторые приехали сюда «по семейной эстафете»: доярка Клавдия Никифоровна Крылова сменила дочь Нину, старшую свинарку. На очереди вторая дочь, звеньевая Катя.

В. РУДИМ

Из бумаги и картона

На прилавках отдела канцелярских принадлежностей ГУМа в Москве красиво оформленные и разнообразные товары. Вот большие блокноты с вложенными внутрь транспарантами; на обложках красочные репродукции картин великих русских художников и мастеров советской живописи. Наборы почтовой бумаги в красивой упаковке. Салфетки, скатерти, стенные бумажные коврики, папки, бювары...

Все эти изделия выпускают художественные мастерские Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР. Главный инженер мастерских тов. И. Эзрохи рассказывает:

— По существу, наша мастерская — экспериментальная лаборатория, выпускающая образцы новых видов продукции. Каждая новинка поступает в ГУМ, чтобы определить отношение к ней покупателей. После получения положительных отзывов образцы с описанием технологии их производства передаются бумажным фабрикам для массового изготовления.

В мастерских работают 24 художника — опытные мастера, окончившие Текстильный институт и Высшее художественно - промышленное училище (бывшее Строгановское), а также молодежь из числа отличников художественно-оформительского отделения Полиграфического института.

Художники мастерских изучают и зарубежный опыт. Сюда поступают образцы изделий из Лейпцига, Праги, Варшавы, Бухареста.

Просматривая чудесные рисунки и расцветки обоев, сделанные художниками Т. Васиной, Л. Сергеевой, Н. Дубенской, мы спросили, почему же их нет в продаже.

Оказывается, не берут торговые организации... Там предпочитают рисунки и расцветки, созданные полвека назад.

Художественные мастерские могут послужить примером для промысловой кооперации, предприятия которой часто заваливают магазины культтоваров грубыми, безвкусными изделиями.

М. АМШИНСКИЙ

Калининград—Гданьск

Был ранний утренний час, когда теплоход вышел из Калининградского порта и взял курс на запад. Наш теплоход — грузовое судно, совершающее регулярные рейсы по новой международной трассе, открытой летом 1955 года: Калининград — Гданьск.

Через два с половиной часа пересекаем советско-польскую границу. Она обозначена ровной линией буев, которые покачиваются на волнах между берегами. Начались владения Польской Народной Республики.

...На горизонте возникают бесчисленные портовые сооружения. Это Гданьск — важнейший порт Польской Народной Республики на Балтийском море. Вот уже проплыл над палубой широкий мост с трамваями. Навстречу советскому судну идет лоцманский катер с государственным гербом Польши на трубе. Наш капитан Станислав Дадерис обменивается крепким дружеским рукопожатием с Казимиром Легиевским, старшим лоцманом Гданьского порта, и вместе с ним поднимается к рулевому штурвалу.

У причалов разветвленных полноводных каналов порта стоят суда разных стран. Тут видишь флаги Англии, Швеции, Финляндии, Панамы. Вот грузятся голландское, датское и итальянское суда. Днем и ночью ни на минуту не умолкают сирены кораблей, гудки паровозов, скрежет портальных кранов в Гданьском порту. Нескончаем поток польского угля, наполняющего здесь трюмы все новых и новых судов под флагами всех стран мира.

А. ЭВЕНТОВ

ВОДНЫЙ БАССЕЙН В КИЕВЕ

В Киеве рядом со стадионом Киевского военного округа выстроено красивое здание под стеклянной крышей. Это новый зимний бассейн для плавания, один из крупнейших в стране, с водной площадью 1 250 квадратных метров.

Длина ванны бассейна, выложенной белым кафелем, равна 50 метрам. В заплывах могут участвовать одновременно десять пловцов на десяти дорожках. Наибольшая глубина, достигающая 4 метров 60 сантиметров, позволит совершать прыжки в воду с вышек трех-, пяти- и десятиметровой высоты.

Новый бассейн хорошо оборудован, устроены удобные раздевалки, душевые, два зала для занятий по «сухому плаванию», гимнастике, акробатике. Есть комната отдыха, методический кабинет, радиоузел.

Трибуны для зрителей рассчитаны на 1 500 мест.

В. ФЕДОРОВ

Фото М. Суюшева.

ки и рытвины, падал, поднимался и снова бежал. Когда силы стали покидать Жумала, он увидел огонек.

Тревога чабана за судьбу отары передалась Афанасию Полякову, исполняющему обязанности управляющего отделением.

— Сейчас подниму народ! — бросил он чабану, на ходу надевая фуфайку.

Вскоре на ногах было все население небольшого степного поселка. На спасение отары в степь устремилось до пятидесяти механизаторов. Бежали с лопатами, кирками, ломами, несли брусья, доски, бревна. Послали четыре трактора и передвижную авторемонтную мастерскую.

В открытой степи, озаренной светом фар тракторов и автопередвижки, невдалеке от озера завязалась горячая схватка горсточки людей с разбушевавшейся стихией. Новоселы рыли ямы, ставили столбы, прибивали к ним доски, заводили в укрытие овец.

Шесть часов длился этот поединок людей со стихией. Победили люди. За ночь построили овчарню. Все 520 овец отары были спасены от гибели.

Картина о подвиге Старичкова.

В журнале «Огонек» № 51 за минувший год была напечатана информация «Старичковское знамя» — о том, как калужанин С. А. Старичков в сражении под Аустерлицем в 1805 году спас знамя Азовского пехотного полка.

Работник художественной галереи города Молотова Г. Кожевников пишет:

«Вероятно, читателям «Огонька» будет интересно узнать и о том, что этот патриотический подвиг послужил темой для картины, созданной 110 лет назад и находящейся в настоящее время в Молотовской государственной художественной галерее. Художник Полидор Бабаев, ученик знаменитого русского живописца Карла Брюллова, изобразил умирающего Старичкова, лежащего на соломенной подстилке в каком-то подземелье. Около него, преклонив колено, солдат Чуйка клянется возвратить знамя на родину.

Неизвестно, когда и каким образом попала картина на Урал. Ее обнаружили в 1945 году в Кунгуре работники Молотовской художественной галереи. Картину удалось реставрировать, и только после этого было установлено, что на ней изображено и кто ее автор».

НА БЕРЕГАХ НИЛА

О. ВЕРЕЙСКИЙ

Египтянка в феллахском одеянии.

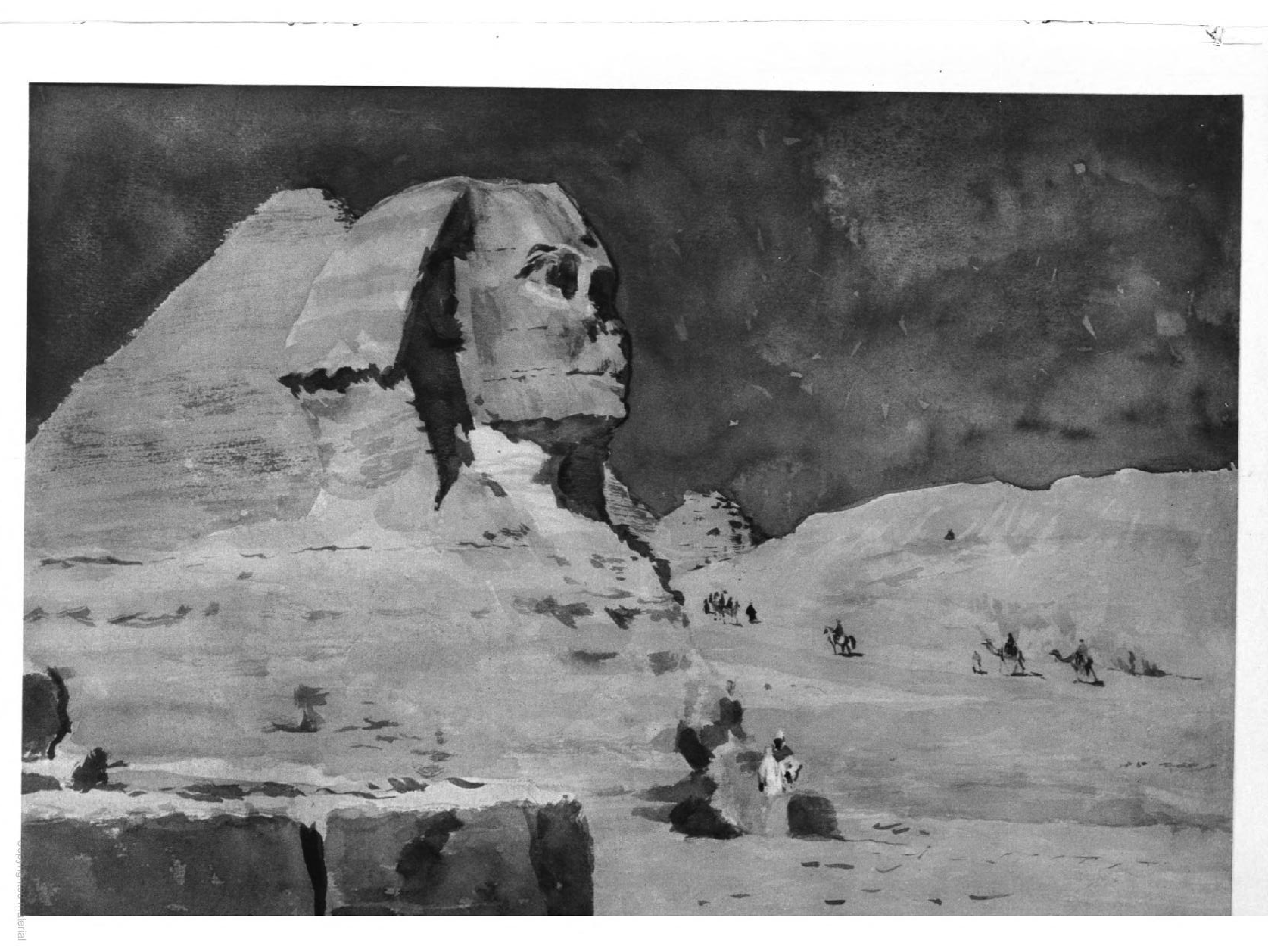
В какую бы страну ни попал советский художник, как бы ни была экзотична эта новая для него земля, как бы ни увлекала она его своими красотами, своеобразным пейзажем, художника, как и всякого советского человека, прежде всего интересует народ. И сейчас, глядя на свои египетские зарисовки, часть которых помещена на этих страницах, вспоминая пережитое в этой древнейшей стране, больше всего думаешь о талантливом, необыкновенно красивом народе, о его замечательной истории и культуре.

Я провел в Египте около месяца. Нельзя, разумеется, узнать страну за такой короткий срок. Но некоторые черты, свойственные народу этой страны, бросаются в глаза при первом знакомстве. Это прежде всего чувство собственного достоинства. Египтяне, как известно, недавно освободились от колониальной зависимости и теперь шаг за шагом отстаивают свои права. Но я говорю сейчас о зримом, ясно видимом чувстве достоинства египтян. Оно и в гордой осанке юношей, и в неторопливых беседах пожилых мужчин, раскуривающих «наргиле», и в облике женщин, каждая из которых всегда чем-то напоминает вам лицо гизехского сфинкса — неповторимое, величественное и прекрасное, несмотря на раны, нанесенные ему временем и завоевателями, которые не раз приходили на берега Нила.

Огромное волнение испытываешь, глядя на пирамиды. Трудно поверить, что эти горы воздвигнуты руками обыкновенных людей. Гигантские сооружения видны отовсюду и удивительно органично вписываются в пейзаж, откуда бы вы ни подъезжали к Гизе. Вы видите их еще издали — то над равниной пустыни, то сквозь колоннады пальмовых стволов, то позади пестрых лоскутов орошаемых полей, на которых работают трудолюбивые феллахи в светлых одеждах. И, откуда бы вы ни смотрели в первый раз на пирамиды, они поражают ваше воображение, вы испытываете неизменное волнение: вы как бы на мгновение заглянули вглубь сорока веков...

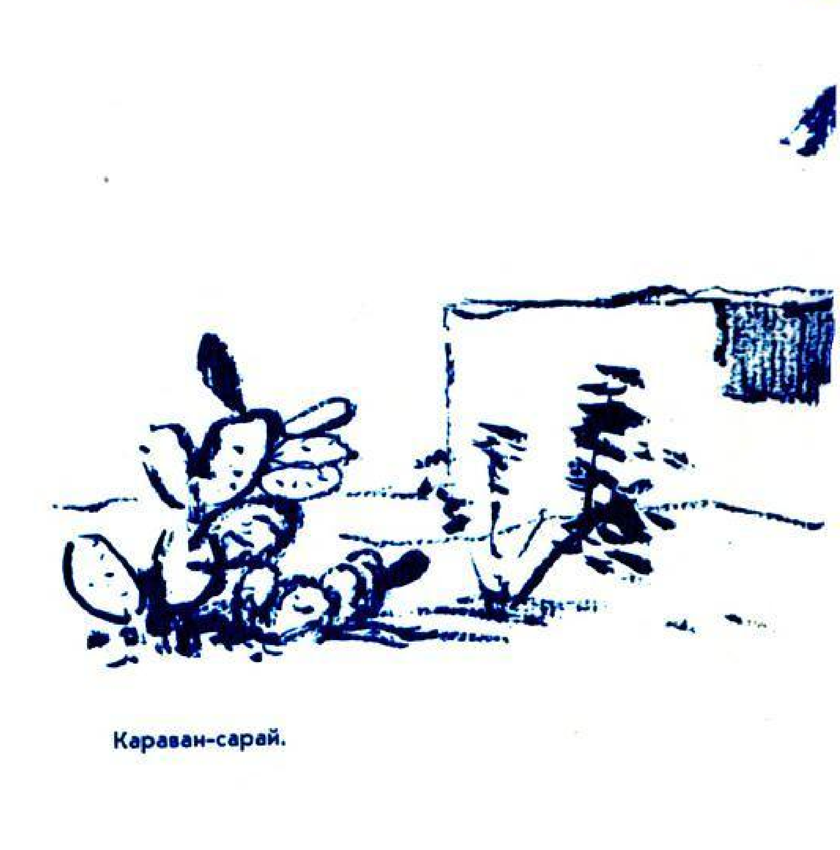
Гиза, естественно, привлекает огромное количество туристов. У подножия пирамид мы встречали людей с разных концов земного шара. Туристы ведут себя по-разному. Кто-то застыл в благоговейном молчании, кто-то бродит со скучающим видом, прицениваясь к дешевым сувенирам на подносе предприимчивого араба, кто-то гарцует на арабском скакуне, позируя приятелю, который вот уже полчаса беспрерывно щелкает затвором фотоаппарата, кто-то взобрался с этой же целью на спину белоснежного верблюда...

Каир — очень красивый и удивительно своеобразный город. На его шумных улицах между рядами пестрых современных автомобилей, несущихся с огромной скоростью, не спеша проплывают караваны изящных одногорбых



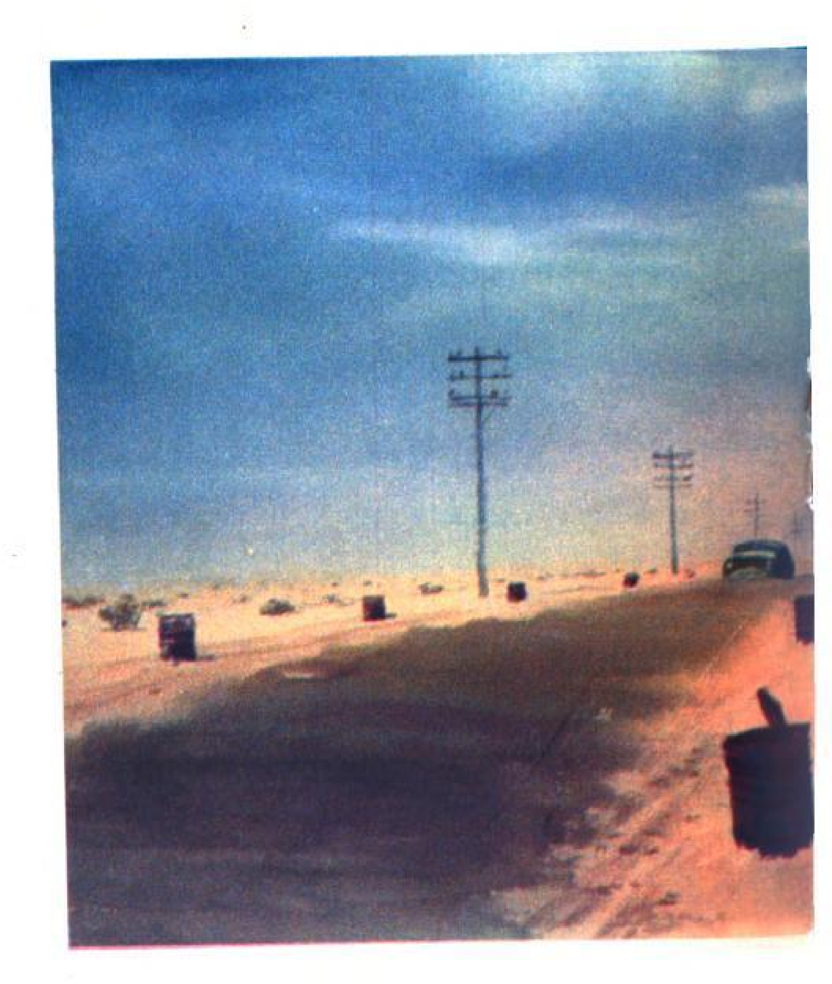
Из альбома художн...

Баваб (привратник).

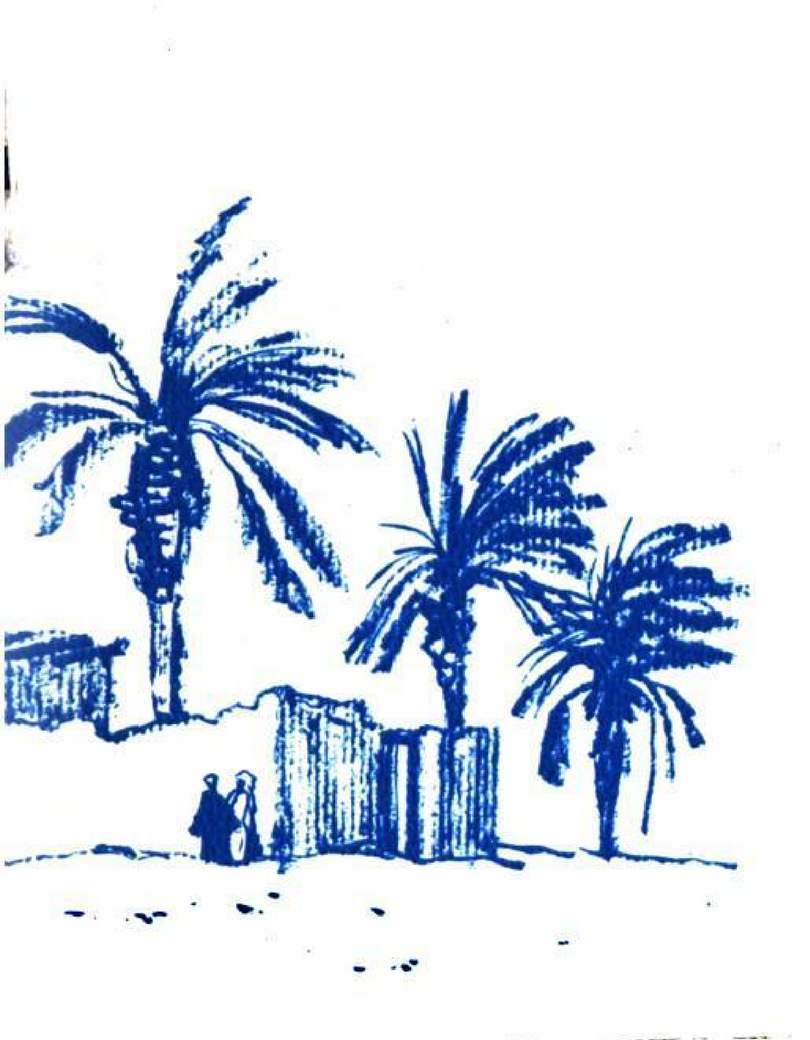


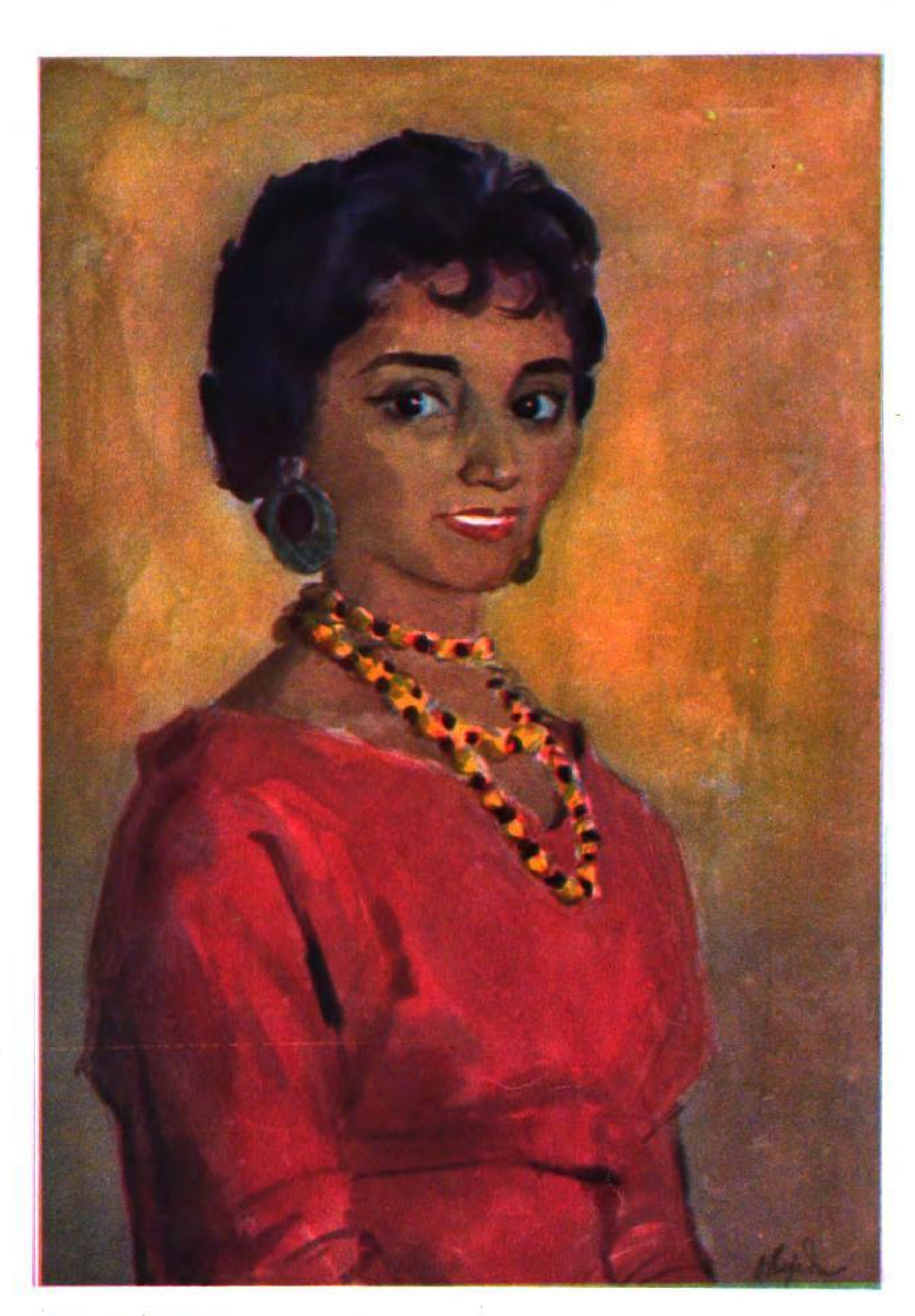
Караван-сарай.

Музыканты на базаре

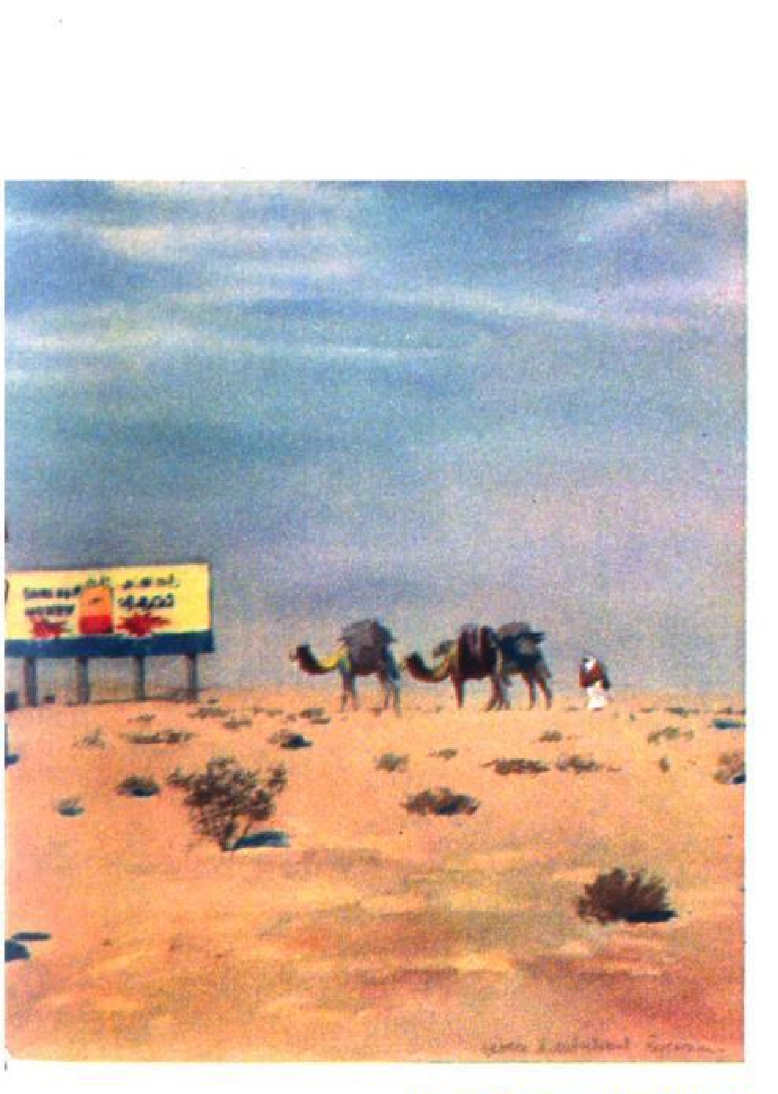


...ка О. Верейского





Девушка из Каира.



Шоссе Каир — Александрия.

На бульваре.

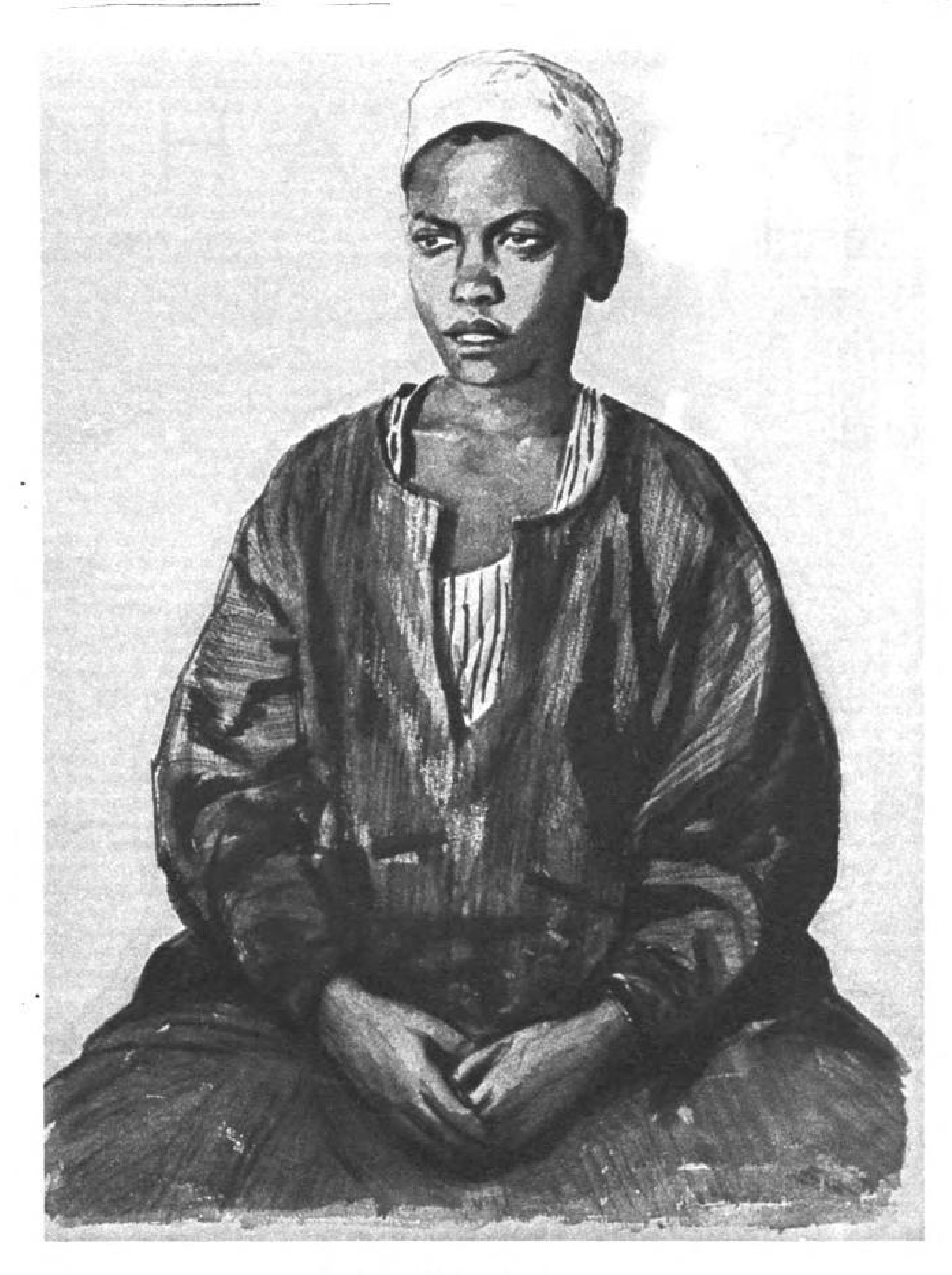
О. Верейский. Площадь Оперы в Каире.

верблюдов, семенят подгоняемые истошными криками погонщиков низкорослые ослики в нарядной упряжке. На тротуарах рядом с людьми в моднейших европейских костюмах можно встретить персонажей из восточных сказок...

На акварели, помещенной здесь, изображена одна из центральных площадей Каира. В левой части рисунка вы видите здание Оперы, в котором в 1871 году была впервые поставлена опера «Аида», написанная Верди по специальному заказу в честь окончания постройки Суэцкого канала.

Я привез рисунки и акварели из Египта, но еще больше в моем альбоме набросков, которые послужат материалом в будущем. Я должен сказать, что в Египте легко и приятно работать представителю Советской страны. Мы постоянно ощущали дружескую заботу и внимание. Надо было видеть, какой живой интерес вызывала выставка советского изобразительного искусства в Каире, в какую демонстрацию дружбы выливались встречи советских и египетских футболистов, как преображались, как озарялись улыбкой лица случайных собеседников, когда они узнавали, что перед ними представители Советской страны!

Это дружеское тепло, которое я постоянно ощущал в Египте, адресованное не лично мне, а всем моим соотечественникам, я хотел бы передать читателям «Огонька» как братский привет народа, недолгим гостем которого я был.



Маленький мастеровой.

Улица в Александрии.

З А В Е Щ А Н И Е

Рассказ

Валерий ПУШКОВ

Рисунки П. БАРАНОВА.

1

Елена Васильевна, кандидат наук, сидела в кресле, заложив ногу на ногу, мрачно щурилась и докуривала уже третью папиросу. Полчаса назад она обнаружила, что из ящика письменного стола пропало семьсот рублей. На ум приходили различные предположения; она проверяла их одно за другим, вспоминая и сопоставляя события дня. Наконец она пришла к выводу, что выкрасть из стола деньги мог только ее сын Аркадий.

Елена Васильевна всегда считала себя тонким психологом, незаурядным педагогом, знатоком детской души. Еще в бытность школьной учительницей она гордилась своим умением поддерживать дисциплину в классе, пользовалась любовью и уважением ребят, крепко держала в руках самых отчаянных шалунов и лентяев. Но вот сейчас, перед решительным разговором с тринадцатилетним сыном, она чувствовала себя неуверенной и даже беспомощной.

«А вдруг не он? Вдруг я оскорблю его своим незаслуженным подозрением? Обида останется на всю жизнь!»

Терзаясь сомнениями, она решила посоветоваться с сестрой мужа Серафимой Игнатьевной, дочь которой была всего на три года моложе Аркадия. Девочка росла здоровой, веселой, послушной, одинаково ласковой и к матери и к тете. Порой Елене Васильевне даже казалось, что она любит Таню не меньше сына. Мальчику пришлось жить послевоенные годы у деда, а Таня всегда жила вместе с матерью, тетей и дядей в тесной московской квартирке, оставшейся после отца, погибшего на фронте. Серафима Игнатьевна, узнав о пропаже денег, согласилась, что, кроме Аркадия, подозревать некого.

Пока обе женщины взволнованно совещались, Таня и Арик сидели за одним столом в своей комнате. Мысли мальчика уносились то к умершему дедушке, то к Оксане Петровне, с которой ему привелось жить в глухом татарском селе во время эвакуации.

В комнату вошла Серафима Игнатьевна.

— Арик, мама тебя зовет,— сказала она со вздохом и, круто повернувшись, вышла из комнаты.

Аркадий, помедлив, пошел к матери.

Елена Васильевна взглянула на сына, помолчала, оттягивая мучительную для себя минуту, наклонилась к ящику письменного стола и стала разглядывать царапины на замке. Аркадий стоял у книжного шкафа, водил по стеклу концом ручки.

— Кто открывал стол перочинным ножом? — внезапно спросила Елена Васильевна и резко чиркнула спичкой, закуривая новую папиросу.

— Ножом?.. Стол?.. Никто! — ответила вошедшая Таня, состроила гримаску, махнула ладошкой на дым, отгоняя его от лица.

— Таня, ступай к себе и готовь уроки! — строго прикрикнула на нее тетка.

Таня сделала несколько шагов к двери, зашла за выступ книжного шкафа и остановилась. Елена Васильевна, вспомнив, как мало ей и мужу пришлось жить с сыном Аркадием, с горечью призналась себе, что, в сущности, не знает его. Сын почти все время жил у деда. Правда, она приезжала к нему по праздникам, привозила обновки, книжки, игрушки, но внутренний мир застенчивого мальчика остался скрытым от нее.

— Аркадий... Может быть, ты что-нибудь скажешь мне? — произнесла она наконец вполголоса.

— Что, мама?

— Подумай сам.

Мальчик хмуро посмотрел на нее, переступил с ноги на ногу, и на мгновение во взгляде его блеснул тот же вызывающий огонек, который она уловила в начале разговора.

— Мне надо думать о сочинении... Завтра подавать,— ответил он вяло.— Говори скорее, зачем звала.

Елена Васильевна выдвинула средний ящик стола, достала папку в сафьяновом переплете, не спеша раскрыла и требовательно взглянула на сына.

— Скажи... ты знал, что здесь лежат деньги?

— Знал. Папа при мне положил туда выигрыш по облигации.

— Кроме выигрышных, тут были и другие деньги, отложенные на телевизор. На днях я взяла отсюда две сторублевые бумажки, а сегодня здесь почему-то недостает еще семисот рублей... Кроме тебя и Тани, никто в кабинет не входил.

Аркадий молчал. Мать тем же сдержанным тоном продолжала:

— Если заподозрить в краже ее...

— Таню?.. — Он удивленно взглянул на мать. — Зачем ей деньги?

— А тебе зачем?

Елена Васильевна казалась спокойной, хотя гнев в груди ее нарастал. Ей хотелось понять, откуда появились у сына порочные наклонности, чья в этом вина и для чего понадобились ему семьсот рублей.

— Ну, Арик, я жду! — напомнила она властно.

Мальчик продолжал стоять молча у шкафа. На некоторое время замолчала и она, понимая, как трудно бывает признаться в бесчестном поступке даже взрослому, не только подростку. Наконец, не выдержав томительного ожидания, она снова спросила:

— Куда ты их спрятал? Верни деньги немедленно! Это бесчестный поступок!

Тревожно раскрытые глаза Арика вдруг потеряли свой живой блеск. Он провел рукой по нахмуренному лбу, точно стирая с них липкую, грязную паутину, и тихо сказал:

— Мама, а вы с папой честно поступили с Оксаной Петровной?

Елена Васильевна поднялась во весь рост, схватив со стола японскую бронзовую статуэтку. Казалось, она хотела швырнуть ее в сына.

— Дрянной мальчишка! — крикнула она, топнув каблуком.— Это ты для нее!.. Ты не понимаешь, что это значит? Это же кража... со взломом! — Губы ее дрожали, голос от гнева стал хриплым. Она уронила японского божка на ковер и опустилась в кресло. — Приедет сегодня отец... он поговорит с тобой по-другому! — сказала она с угрозой.

Аркадий с окаменелым лицом и беспокойными глазами усталой походкой вышел из кабинета. Таня шмыгнула за ним.

2

Вскоре Таня уснула, но Аркадий не спал. Нащупав запрятанные в наволочку нижней подушки деньги, он вынул их, завернул в носовой платок.

«Может быть, отнести их маме?»

Пока мальчик мучительно размышлял, как ему поступить, в памяти возникла жизнь с матерью во время эвакуации.

Время тогда было трудное. Елена Васильевна, поглощенная хозяйственными заботами, часто уходила из дому, оставляя пятилетнего сына одного. Однажды мальчик по песчаной дорожке вышел на берег реки и, оступившись, скользнул по гальке в речную глубь. Мальчика спасла Оксана, полоскавшая здесь белье.

Осенью Елена Васильевна заболела брюшным тифом. И вот тогда около Арика и его матери опять появилась та же Оксана. Она ухаживала за больной двое суток, затем отвезла ее в больницу. Арика она взяла к себе и около месяца заботилась о нем, как мать.

Когда, уже в заморозки, Елена Васильевна вернулась из больницы и нашла сына здоровым, веселым, она обняла Оксану и со слезами сказала, что не забудет ее великодушия и дружбы до конца жизни. В тот же вечер, укладывая Арика спать, мать шепнула ему, что у Оксаны Петровны были такие же хорошие детки, как он, но погибли вместе с отцом от бомбежки в начале войны.

После эвакуации обе женщины приехали вместе в Москву. Несколько месяцев прожили у Серафимы Игнатьевны, потом Арик с Оксаной Петровной переехал к деду на дачу, а Елена Васильевна поступила в аспирантуру в педагогический институт. Вскоре вернулся с фронта и отец Арика, Иван Игнатьевич, которому тоже предстояло заканчивать высшее образование, прерванное войной. Семилетний сын мог оказаться помехой в учебе, а потому супруги решили не торопиться брать его у деда, тем более что там жила Оксана Петровна.

Дед Игнатий Фомич, овдовевший еще перед войной, работал врачом в одной из подмосковных больниц. С виду старик был суров, неразговорчив, но пользовался в рабочем поселке уважением за прямоту характера и бескорыстное внимание к больным. Домовитость Оксаны Петровны пришлась ему по душе. Сноху и сына, когда они изредка приезжали к нему и сразу же начинали торопиться назад в Москву — в театр или в гости,— Игнатий Фомич высмеивал за пристрастие к городской суете и полусерьезно грозил оставить свои сбережения и дачу в наследство внуку, сделав его опекуншей Оксану Петровну.

— Она ему мать и отец, а не вы, — говорил старик.— Не вижу я у вас настоящих родительских чувств. Вроде кукушек вы!.. Единственного ребенка в чужое гнездо подбросили.

Иван Игнатьевич, часто приезжавший к отцу навеселе, шумно хохотал над его иронией, но Елена Васильевна обижалась и страстно доказывала свекру, что она, советская женщина и педагог, дает сыну все, что может дать, хотя и видит его урывками, и что дом деда не чужое гнездо для внука.

Живя у Игнатия Фомича, мальчик перечитал почти всю его библиотеку. Дед порой говорил, что Аркашка глотает книги, не пережевывая.

Оксане Петровне пристрастие мальчика к чтению очень нравилось. Она любила, когда Арик читал вслух, изредка прерывая его вопросами и советами. Ум у нее был светлый, жадный до всего нового.

С прежней жизнью ее теперь связывала лишь тонкая ниточка — племянница Галина, учившаяся в медицинском техникуме. Из своей небольшой заработной платы, что выплачивал дед Арика, она посылала племяннице ежемесячно пятьдесят рублей. Елена Васильевна считала такую заботу о далекой родне сентиментальностью, но Игнатий Фомич как-то сказал снохе:

— То и хорошо, что заботится о далекой... Не каждому это дано.

3

Елена Васильевна после ухода сына вынула из сумочки пудреницу, привела в порядок перед зеркалом прическу, оделась в свое лучшее платье и взглянула на часы. Через сорок минут к Ярославскому вокзалу должен подойти поезд. Надо было спешить. Но она минут десять подождала в кабинете, все еще надеясь, что Арик принесет украденные день-

ги. Хотела даже зайти в детскую комнату сама, но раздумала:

«Нет, нужно поберечь сердце. Мальчишка стал невозможным... Пусть им займется отец, проучит его по-мужски, по старинке».

Поезд пришел с опозданием на полчаса. Елена Васильевна встретила мужа сразу по выходе его из вагона. Супруги расцеловались и, оживленно беседуя, пошли к стоянке такси. Командировка Ивана Игнатьевича оказалась неудачной, со служебными осложнениями, и поэтому он на последней большой остановке перед Москвой выпил в буфете две стопки водки, чтобы поднять настроение для встречи с женой. Но когда Елена Васильевна на пути от вокзала к дому рассказала ему о безобразном поступке сына, Иван Игнатьевич помрачнел.

В детскую комнату он вошел возбужденный и злой. С улицы сквозь ажурную занавеску окна падали блеклые лучи ночных фонарей. Свет их, как ножницами, вырезал силуэты кроваток и спящих на них детей. Не зажигая огня, Иван Игнатьевич грузно шагнул к постели сына. Аркадий лежал одетый — в костюме и башмаках, — равномерно дыша, погруженный в глубокий сон. Отец наклонился, схватил его за отвороты куртки и с силой встряхнул.

— Где деньги?

Аркадий рванулся из рук отца, не сознавая еще, кто его держит и так трясет.

— Мразь! Шпана! Я тебя отучу воровать!

Крики разбудили Таню. Девочка соскочила с кроватки, бросилась к дяде и, судорожно обхватив его ногу выше колена, заплакала:

— Ой, не надо, не бейте его!.. Дядя Ваня, не надо!

В детскую вбежала Елена Васильевна, сообразив, что подвыпивший муж может наделать бед.

— Ваня, опомнись! Что ты делаешь, сумасшедший?!— воскликнула она, включив свет и бросаясь к сыну, чтобы защитить его от побоев.

Иван Игнатьевич растерянно посмотрел на нее. Аркадий вскочил и выбежал из комнаты к вешалке. Сорвав пальто, он распахнул входную дверь, на бегу торопливо оделся и устремился по лестнице вниз. Петляя из переулка в переулок, он бежал к вокзалу.

Поезда пришлось ждать недолго. В теплом полупустом вагоне сидели четыре дремавших пассажира. Аркадий нащупал в кармане брюк сверток:

«Не потерял. Здесь!»

Он оглянулся на пассажиров и незаметно зашпилил карман английской булавкой.

На одной из станций он вышел и, не раздумывая, зашагал по знакомой узенькой тропке около железнодорожного пути. Зимний холодный ветер бил прямо в лицо, щипал нос и уши. Мальчик только теперь сообразил, что не надел шапки, и приподнял воротник пальто. Он шагал быстро, уверенно и, когда подошел к поселку, сразу свернул на улицу, где после продажи дедушкиной дачи сняла у соседки комнатку Оксана Петровна.

Аркадий открыл калитку, прошел к дому, стоявшему посреди двора, и постучал озябшим кулаком в дверь. Дверь слегка приоткрылась, и на мальчика блеснули глаза незнакомой девушки.

— Вам кого?

— А разве Оксана Петровна не здесь?

Дверь распахнулась шире. Девушка, разглядев, что перед нею подросток, бесцеремонно потянула его за рукав.

— Скорее входи. Напустишь холода!.. Зачем тебе тетя?

Она быстро провела его через сени в комнату, пытливо разглядывая гостя. С полураспущенной косой она показалась Аркадию красивой, похожей на цыганку.

Мальчик едва стоял на ногах, с трудом узнавая комнату. Стены ее были теперь чисто побелены, низенький потолок оклеен бумагой. Над круглым столом горела лампочка под голубым абажуром из шелкового полотна. Около кровати и дивана лежали два половичка из разноцветных лоскутьев.

— Тетя сейчас на дежурстве, — сказала девушка. — Ты от кого? И почему без шапки? Заболеть хочешь?

Аркадий шагнул к столу, сел на табуретку и внезапно почувствовал, что голова горит, а стены комнаты едут мимо него, как за окном электрички деревья, дома и телеграфные столбы.

— Я Аркадий... А вы, наверное, Галя? Хорошо, что приехали. Я вам писал в Минск, — произнес он с усилием после паузы.

Голова его склонялась все ниже, точно чья-то рука, надавив на затылок, пригибала лицо к коленям. Галя торопливо сняла с него отсыревшее в тепле пальто, вытерла полотенцем лицо и волосы и, обняв за плечо, подвела к дивану.

Расшнуровав ему башмаки, она уложила мальчика на диван, принесла с кровати подушку; опытной, быстрой рукой поставила под рубашку градусник.

— Чаю горячего у вас нет?

— Кофе есть в термосе.

Галя достала из шкафчика термос, налила в чашку кофе, присела на табуретку и стала поить его, как малыша, поднося одной рукой к его губам чашку, другой поддерживая ослабевшую спину.

— Хорошенького понемножку. Вторую чашку для тети Ксаны оставим.

— А где она работает? — спросил мальчик.

— В больнице. Она там няней, а я акушеркой. Ты доктора Сомова знаешь?

— Знаю.

— Вот он и устроил туда тетю Ксану. И мне помог перевестись из Минска.

Горячее кофе немного подбодрило мальчика, взгляд его прояснился, голос зазвучал тверже.

— Да, Сомов славный. Дедушка про него говорил, что у таких людей все красиво.

Галя улыбнулась. Аркадий почувствовал, что слова дедушки пришлись ей по сердцу.

Галя посмотрела градусник и сказала:

— Чудак ты... Разве можно зимой без шапки?

— А я от отца убежал. Он меня побил.

Галя вздрогнула. В ее лучисто-черных глазах мелькнули испуг, возмущение.

— Фу, как гадко!.. Образованный человек!

Аркадий вспомнил, как дедушка в разговоре с отцом заявил однажды Ивану Игнатьевичу, что тому следовало бы поучиться культурному подходу к людям у Оксаны Петровны. Мальчика тогда это поразило. А дед, подметив его недоуменный взгляд, взял внука за ухо, легонько и нежно потрепал, чтобы не подслушивал взрослых, и тут же пояснил:

— Да, дружок, помимо ума и знаний, необходимо иметь и сердце большое. На одном образовании далеко не уедешь...

Галя пододвинула табуретку вплотную к дивану, близко наклонилась к Аркадию, дружески заглядывая ему в лицо, и тихо спросила:

— Так в чем же ты провинился перед отцом?.. Или стыдно признаться? — повторила Галя настойчиво.

— Ничего мне не стыдно! — ответил он резко. — Деньги я взял из стола у мамы... Только вы ведь всего не знаете. Они две комнаты тети Симы и дедушкину дачу на большую квартиру обменяли, а Оксану Петровну с собой не взяли, сколько я ни просил их... Куда же ей было деваться, если она совсем одинокая, а за комнату у чужих больше чем сто рублей платить надо... каждый месяц! Дедушка при мне говорил, что не оставит ее без комнаты, а они обманули и дедушку и ее... Не вернусь я к ним!

Все это мальчик произнес медленно, с горечью, но в голосе звучала уверенность. Галя наблюдала за ним с тревогой.

— Вон ты какой, оказывается! — проговорила она с расстановкой.

Аркадий нащупал у кармана английскую булавку, отстегнул ее, вынул завернутые в носовой платок деньги.

— Шурка мне писал, что встретил Оксану Петровну на улице... совсем больную. Не узнал даже издали... Я после всю ночь не спал... Думал, думал и вот... открыл ножиком мамин стол... Спрячьте. Потом отдадите ей.

Галя развернула платок, молча положила деньги на стол. Во взгляде ее сквозили и грусть и строгость. Мальчик, насупясь, искоса наблюдал за ней. Слышно было, как в комнате отстукивает маятник ходиков. Выдержав долгую паузу, девушка спросила:

— Неужели ты, Арик, думаешь, что тетя Ксана возьмет эти деньги?

Он растерянно пробормотал:

— А почему нет?

— Но ведь деньги-то не твои! Ты украл их!

— У деда больше было на книжке. И дачу они обменяли! — ответил он озлобленно.

— Прекрасно, пусть это даже наследство от дедушки, — согласилась Галя, — но как бы ты ни оправдывал свой поступок, воровство останется воровством... Если тебе было жалко тетю Ксану, почему не сказал своей маме открыто?

— И говорил и просил двадцать раз... А отец пригрозил отстегать меня, если я стану лезть в дела взрослых.

Он всхлипнул и со слезами добавил:

— Лучше уж жить... совсем без отца... чем с таким!

— Эх, дурачок! — вздохнула она. — Не пришлось тебе жить сиротой, как мне, вот и болтаешь глупости. Разве мои батька и мама не наказывали меня в детстве, но я же не виню их. Все бы теперь отдала, чтобы они были живы!..

Аркадий сделал последнее усилие, приподнял голову, сразу побелел и потерял сознание.

Испуганная Галя схватила его руку, с трудом нащупала пульс и побежала в аптеку вызвать по телефону доктора Сомова.

4

На следующий день Галя с утренним поездом выехала в Москву известить родителей мальчика о событиях ночи. К своему огорчению, дома она никого не застала. Пришлось оставить коротенькую, сбивчивую записку.

Из Москвы Галя вернулась прямо в больницу. Доктор Сомов сказал, что бояться за жизнь Аркадия нет оснований — легкая простуда, осложненная нервным возбуждением.

Крепкий молодой организм действительно взял свое. Когда Аркадий проснулся, голова была ясной.

Заметив, что мальчик открыл глаза, Оксана Петровна медленно подошла к дивану. Ноги ее, обутые в старенькие черные туфли с заплатой, ступали по неровно оструганному полу легко, бесшумно; в тонкой, почти девичьей фигуре сочетались хрупкость и сила. Она наклонилась к Аркадию с тем же простым, кротким взглядом, который он знал очень хорошо.

— Отдохнул, милый?.. Не хочешь ли чашечку чаю или поесть чего? — сказала она протяжно и ласково, отводя с его лба потную прядь волос, спадавшую ниже брови.

— Есть не хочу, чаю дай, — ответил он, задержав ее пальцы в ладони.

Он выпил две чашки, съел ломтик хлеба и быстро спросил:

— Галя тебе рассказала?

— Да, милый. Все.

— Скажи, ты возьмешь деньги?

— Нет, ясочка, не возьму.

— Почему?.. Ведь ту комнату, где ты жила со мной, дедушка тебе навсегда обещал, а они ее обменяли.

— Лежи, дорогой мой, не волнуйся. Зачем мне чужое?.. Обидел ты меня. Назад их верни, эти деньги, и прощения за баловство попроси. К нехорошему оно тебя привело.

Оксана Петровна говорила спокойно и вдумчиво. Казалось, что эта женщина, потерявшая в двадцать семь лет любимых детей и мужа, не помнит обид, не знает ни зависти, ни вражды, идя сквозь жизнь своей незаметной тропой.

— Дедушка тебе комнату оставил... при мне! — повторил он упрямо.

— Ну и что ж из того?

Аркадий недоуменно взглянул на нее, подметив в порозовевшем лице и решительном тоне новое выражение.

Оксана Петровна хотела пристыдить мальчика, но встретилась с его взглядом, вздохнула и молча вышла из комнаты в сени. Оттуда принесла охапку дров и стала разжигать печь. Лицо ее было задумчиво. В растревоженной памяти оживали события последних дней жизни Игнатия Фомича.

Как врач, старик знал, что часы его сочтены, но сына и сноху из Москвы не вызывал.

— Внука еще от меня увезут, — сказал он Сомову, навещавшему его ежедневно. — И в больницу ложиться нет смысла. Нового сердца ты не вставишь, а во всем прочем Оксана следит за мной, как мать за ребенком.

За день до его смерти в кухню прибежал веселый Аркадий.

— Нянь, тебя дедуля зовет. Ему легче! — радостно сообщил мальчик.

Когда она вошла, Игнатий Фомич кивнул на старинную шкатулку, стоявшую на этажерке.

— Возьми, Оксана. Тут бумага... завещание мое... Не хочу, чтобы тебя обидели. Будешь жить в собственной комнате. Дарю тебе. — И вдруг, догадавшись по ее взгляду и резкому движению бровей, что она не примет подарка, гневно прикрикнул: — Возьми! Не спорь... Знаю, что делаю!

Затопив печь, Оксана Петровна оглянулась на подоконник, где уже второй год стояла шкатулка — предсмертный подарок Игнатия Фомича.

— Своеобычный человек был твой дед, — сказала она, продолжая стоять у печки. — Но ведь и у меня своя воля, Аркаша. Не во всем мы сходились с ним.

Они продолжали бесхитростный разговор, как прежде, при жизни деда, в долгие зимние вечера, когда все втроем собирались за общий стол.

Тем временем к больнице, тревожась за здоровье сына, подъехали его родители. В средней школе Иван Игнатьевич учился в одном классе с Сомовым и сейчас провел жену прямо к нему в кабинет, рассчитывая, что сын лежит в его отделении. Сомов с усталым лицом перебирал больничные карточки, делая короткие записи в блокноте.

— Ага, приехали... Потрудитесь присесть, — кивнул он вошедшим, продолжая работать.

Елена Васильевна, ожидавшая более теплого приема, недовольно поморщилась, вздохнула и села в кресло. Иван Игнатьевич пробормотал приветствие, достал портсигар, задымил сигаретой, часто и глубоко затягиваясь.

Когда доктор кончил писать, оба наперебой спросили:

— Как сын?.. Где он?

— Поправляется?.. Нет?

Сомов круто повернул голову с волнистой густой шевелюрой в их сторону.

— Н-да-а, мог бы и не поправиться после такой передряги, — пробасил он, расправив сутуловатые плечи.

— Доктор, но что с ним? — пролепетала Елена Васильевна, хватаясь за сердце.

Сомов поднялся из-за стола и, переступая тяжело с ноги на ногу, прошелся по кабинету.

— Отца спросите... Себя.

По строгому выражению лица Иван Игнатьевич догадался, что врач уже знает все. Избегая его взгляда, но в душе чувствуя себя виноватым, инженер упрямо пробормотал:

— Такое безобразие нельзя было оставить безнаказанным!

Сомов опять сел за стол. Широкая, сильная ладонь гневно прихлопнула стопку больничных карточек, точно давая выход кипевшему в сердце негодованию.

Иван Игнатьевич взъерошил пятерней волосы и, спеша оправдать себя, стал несвязно доказывать, что и нелепая кража денег и бегство сына из дома объясняются исключительно вредным влиянием Оксаны Петровны, особы лицемерной и неблагодарной.

— Почему же неблагодарной? — язвительно спросил доктор, угрюмо поглядывая на обоих и подперев рукой подбородок. — Скорее уж вы с Еленой достойны такого прекрасного эпитета.

— Ну, извините, Андрей Ильич, — перебила обиженно Елена Васильевна. — Неспроста же Аркадий вбил себе в голову, что мы должны обеспечить ее жилплощадью!.. Зная его характер, она пытается воздействовать на нас через него. Вот это и гадко!

— Шантажистка! — буркнул Иван Игнатьевич, не разжимая зубов с сигаретой.

— Так, так... Но когда-то вы были другого мнения о ней.

Елена Васильевна покраснела. На утомленном лице врача появилась холодная усмешка.

— Игнатий Фомич считал ее как бы членом семьи, ценил ее трогательную заботу о внуке... Да и в больнице она на первом месте как няня. — Он постучал по столу костяшками пальцев и умышленно ровным тоном добавил: — Сами вы виноваты во всем. Крутитесь, вертитесь, а о сыне забыли.

Елена Васильевна, оскорбленная за себя и за мужа, молча встала, давая этим понять, что продолжать разговор в таком духе она не намерена. Инженер сердито отбросил окурок мимо плевательницы и тоже заторопился в палату.

— К сыну спешите? — остановил их Сомов.— Так зачем в палату? Сейчас придет фельдшерица, которая оставила вам записку, и вместе подъедем к Оксане.

Иван Игнатьевич переглянулся с женой.

— А разве Аркаша... — начал он.

— У нее лежит. Да.

Сомов взял трубку и позвонил Гале.

С Оксаной Петровной супруги встретились молча, словно не замечая ее. Преодолевая ощущение неловкости, они, не снимая пальто, с озабоченным видом прошли к дивану, где лежал сын. Мать осторожно склонилась к его лицу, не решаясь поцеловать, боясь напугать сонного своей лаской. Иван Игнатьевич стоял рядом с ней с низко опущенной головой. Но вот ресницы Аркадия дрогнули, глаза широко раскрылись, и он посмотрел сначала на мать, потом на отца так пугливо, с таким недоверием, что оба смущенно оглянулись на Сомова.

В комнате было довольно светло, но уже близились сумерки. Оксана Петровна включила свет, Галя подошла к окну, задернула штору.

Увидев страдальческое лицо сына с выражением страха во взоре, Елена Васильевна прижала платок к глазам, отошла к столу, достала из сумочки флакон с сердечными каплями. Андрей Ильич налил в чашку воды и помог накапать лекарство.

Отец продолжал стоять у дивана. Намереваясь погладить сына, он протянул руку к его голове, но мальчик пугливо отстранился. От этого инстинктивного, резкого движения у Ивана Игнатьевича сжалось сердце, все напускное исчезло, тревожный взгляд робко

скользнул по детской фигуре, полуприкрытой одеялом.

К дивану подошел Сомов.

— Отойди, Иван, — сказал он. — Еленой пока займись. Она плачет.

Иван Игнатьевич поспешил к жене. Сомов деловито взял руку мальчика, прослушал пульс, пристально посмотрел ему в лицо.

— Ну как, поедем домой?

Аркадий молчал.

— Не хочешь?.. А ведь ты, друг, совсем здоров. Пора бы и за уроки. Запустишь, — сказал он с улыбкой.

— Позовите Оксану Петровну, — прошептал мальчик, глотая слезы.

Оксана Петровна, следившая за мальчиком издали, неслышно подошла к нему, села у изголовья, и он тут же порывисто обнял ее горячей рукой за шею.

Сомов медленным шагом отошел к родителям. Надбровные дуги его озабоченно вспухли.

— Далек он от вас, далек, — проговорил он задумчиво. — Разобраться бы надо в ребячьем сердце.

Елена Васильевна сидела молча, испытывая какое-то странное раздвоение мыслей и чувств. Ее тянуло приласкать сына, скорее помириться с ним, и в то же время она боялась к нему подойти. Аркадий был в очень возбужденном состоянии. Он шептался со своей бывшей няней. Сомов между тем продолжал:

— Всего важнее, Иван, чтобы ребенок не видел неправды, несправедливых дел своих родителей.

В этот момент подошла Галя, держа в руке сверток с деньгами.

— Возьмите, — сказала она, протягивая их инженеру.

Иван Игнатьевич развернул платок, пересчитал сотенные бумажки и торжествующе усмехнулся.

— Видишь, — повернулся он к Сомову. — Убедился теперь, кто виноват во всем?.. Сюда привез. К ней! — Глаза его зажглись гневом. Он вскочил с табуретки, шагнул к дивану и резко сказал:

— Опять вы нашептываете!

В комнате стало слышно его тяжелое, громкое дыхание.

— Постыдись, Иван. Сядь! — властно остановил его Сомов, схватив за плечо.

Оксана Петровна неторопливо и ласково сняла руку мальчика со своей шеи, встала с дивана и, выпрямившись, смело взглянула в багровое лицо гостя.

Инженер потряс перед нею деньгами.

— Вы понимаете, на что вы его толкнули?

Елена Васильевна, зная горячность мужа, застыла в тревожном ожидании. Оксана Петровна, покачав укоризненно головой, быстро подошла к шкатулке, стоявшей на подоконнике, и достала оттуда сложенный вдвое лист плотной бумаги. Глаза ее в эту минуту блестели ярче обычного.

— Иван Игнатьевич, — сказала она твердым тоном, неожиданно вся посуровев. — Если бы я хотела чего от вас, взяла бы давно... вот по этой бумаге. А я ведь только как память ее берегу. Никто не знал — ни Аркаша, ни Галя.

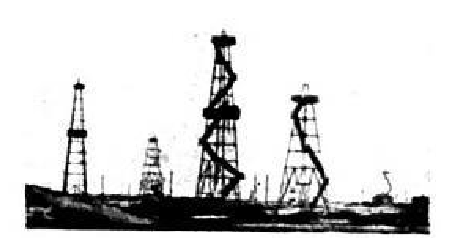
В комнате стало тихо. Андрей Ильич раскрыл лист, взглянул на подпись, штамп и печать, стоявшие внизу текста, четко переписанного на машинке. Это был дарственный акт, нотариально оформленный, по которому Оксане Петровне Кравченко передавалась на правах полной собственности комната в двадцать квадратных метров с прилегающей к ней застекленной верандой на южной стороне дома Игнатия Фомича.

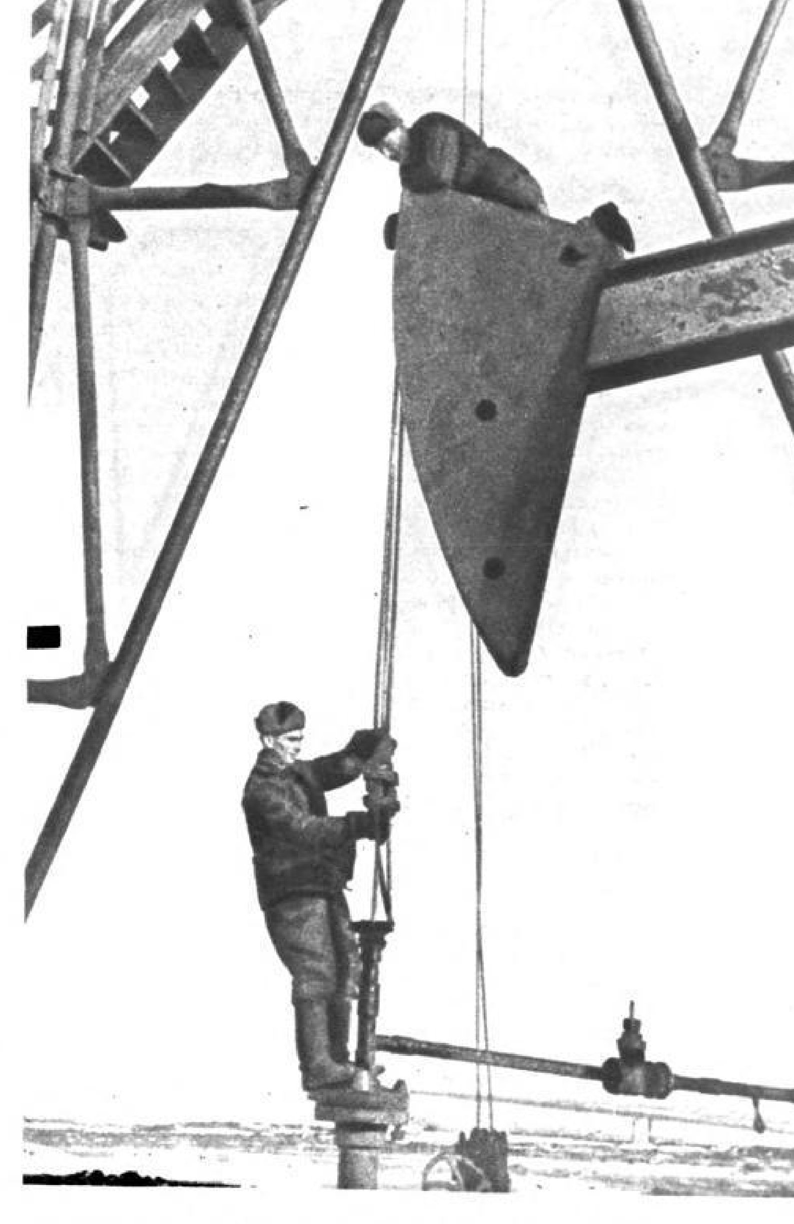
Покосившись на школьного товарища, Сомов прочитал завещание его отца вслух. Звучный бас выговаривал каждое слово раздельно и внятно.

Иван Игнатьевич и Елена Васильевна слушали, избегая смотреть друг на друга, ошеломленные и подавленные.

Когда завещание было прочитано до конца, Оксана Петровна пригребла в печке угли, спокойным движением взяла смутившую всех бумагу из руки доктора и бросила ее в огонь. Бумага вспыхнула, быстро обуглилась и легким черным комочком укатилась вглубь печи.

ПОЛТАВСКАЯ НЕФТЬ





Старший оператор Евгений Сирецкий и оператор Григорий Пороло устанавливают штанговращатель.

Если ехать от Миргорода старинным шляхом на Сорочинцы, то на фоне типичного украинского пейзажа с его тополями, вербами, одиноким ветряком на косогоре приметится такое, чего здесь раньше не было. Справа по горизонту, будто вычерченные тушью, воткнулись в небо нефтяные сорокаметровые вышки с лестницами. Они стоят на полтавской земле, окруженные свекловичными плантациями, кукурузой, подсолнечником.

Метет колючая поземка. В деревянном тепляке над крутояром ветер рвет дверь. Парни в брезентовых робах и шапках-ушанках забегают сюда погреться, протягивая к печке задубевшие руки.

— Подбрось-ка уголька,— просит кто-то.

Все смеются: вспомнил старину! Рука поворачивает вентиль. В печке с силой бушует пламя. Это горит не уголь — газ! Земля Полтавщины богата не только нефтью. В ней открыты мощные газоносные залежи.

Мы находимся в бригаде бурового мастера Михаила Солониинко, которая бурит скважину № 60. Идет разведка на глубину 1 800 метров.

— Керны взяты с 1 380 метров,— говорит главный геолог миргородской конторы разведочного бурения В. Р. Литвинов, показывая плотные столбики породы.— Этой глубины бригада достигла на шестнадцатый день.

Если хотите знать, как найдена полтавская нефть, то лучше всего расспросить Литвинова. Двадцать лет с того дня, как окончил он Московский нефтяной институт имени академика Губкина, Литвинов ведет кочевую жизнь разведчика недр Украины. Он искал нефть в Оржице, Лубнах, Полтаве, в Кременной на Донбассе, Старобельске, Мелитополе, в Миргороде, участвовал в открытии большого Шебелинского газового месторождения под Харьковом.

Близ села Исачки, Лубенского района, и на горе Золотуха, около города Ромны, Сумской области, обнаружились так называемые соляные купола; они свидетельствовали о наличии нефтеносных и газоносных горизонтов. По научным предположениям, нефть могла залегать на обширной площади Днепровско-Донецкой впадины, простирающейся с запада, примерно от Мозыря, на восток до Шебелинки под Харьковом. В зонах соляных куполов начались первые геофизические исследования. Война прервала работу разведчиков.

Теперь миргородская контора разведочного бурения ведет работы в широких масштабах, на нескольких плацдармах: близ Миргорода, близ Новых Сенжар, под Лубнами и на Днепропетровщине. Нефть под Миргородом залегает на значительной глубине. Бригада бурового мастера Александра Еременко, испытывающая сейчас новую скважину, бурила до 2 400 метров.

От разведчиков мы поехали в центр молодого нефтепромысла «Радченково», вошедшего в объединение «Укрнефть». С холма открылась панорама нефтепромысла, освещенная зимним солнцем. Поодаль, в степи, близ маленькой железнодорожной станции Гоголево, протянулся поселок нефтяников с двухэтажными домами, школой, электростанцией.

Радченковский участок уже эксплуатирует десятки скважин, страна получает отсюда промышленную нефть.

Трудно приходится, когда на стенках труб застывает парафин: уменьшается диаметр, надо прогревать трубы горячим паром. На одной из скважин мы увидели приспособление, которое производит очистку труб механически. Это штанговращатель. Его ножи срезают парафин со стенок труб.

Люди совершенствуют мастерство, учатся. Сюда пришли работать сельские жители, молодежь, закончившая средние школы. На втором участке нас познакомили с замерщицей Неонилой Жураковской.

— Будущий инженер,— так представили Жураковскую ее товарищи.

Она окончила вечернюю школу в Гоголеве и поступила на первый курс заочного отделения Московского нефтяного института имени Губкина.

В Миргороде мы снова встретились с Литвиновым. Главный геолог только что вернулся из очередной поездки. Он был доволен тем, что увидел в степи.

— Полтавская нефть уже не мечта,— сказал он нам,— но поиски не закончены. Мы ищем более мощный пласт на глубине трех тысяч метров. Научные данные дают основание думать, что мы найдем большую украинскую нефть. Это поможет нам выполнить план шестой пятилетки, в проекте которого предусматривается увеличение добычи нефти по Украинской ССР в 2,8 раза.

В. ШУМОВ

Фото Н. Пирновского.

В. Литвинов рассматривает керн.

«НИКИТА ВЕРШИНИН»

К постановке оперы Дм. Кабалевского в Большом театре СССР

Никита Вершинин — народный артист РСФСР А. Кривченя.

Репертуар советского оперного театра пополнился новой оперой Дмитрия Кабалевского. В основу либретто положено известное литературное произведение Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». Все мы помним, с каким успехом шла на сцене МХАТа пьеса «Бронепоезд 14—69», как мастерски играли Качалов Никиту Вершинина, Прудкин — капитана Незеласова, Баталов—Ваську Окорока. Трудна была задача композитора—воплотить в музыке те сильные, мужественные характеры, рожденные грозной эпохой гражданской войны, которые так удались лучшему нашему драматическому театру и драматургу.

Большую роль в опере «Никита Вершинин» играет хоровая музыка. В ней — ширь русской души, горе обездоленного народа, страстная воля к победе. Удались композитору и театру и многие образы. Жизненно правдив Никита Вершинин в исполнении А. Кривчени: труженик-крестьянин, который, став на путь революционной борьбы, уже не сойдет с него. Он упрям и тверд, как столетний кедр, и так же могуч. Партия Вершинина — лучшая в опере.

Китайца Син Би-у хорошо и трогательно играет С. Лемешев. Образ этот с особенным теплом воспринимается зрителем как символ зарождавшейся еще в те годы боевой дружбы между китайским и русским народами, дружбы, которая принесла такие великолепные плоды.

Роль капитана Незеласова исполняет Г. Нэлепп. Обреченность, безысходность, тоску загнанного зверя ощущаешь во всем облике этого матерого белогвардейца. Незеласовым конец, и хотя на рейде маячат огни иностранного корабля, добраться туда невозможно. Слишком мелкие сошки Незеласовы, чтобы об их судьбе беспокоились хозяева — иностранные интервенты.

Син Би-у — народный артист СССР С. Лемешев.

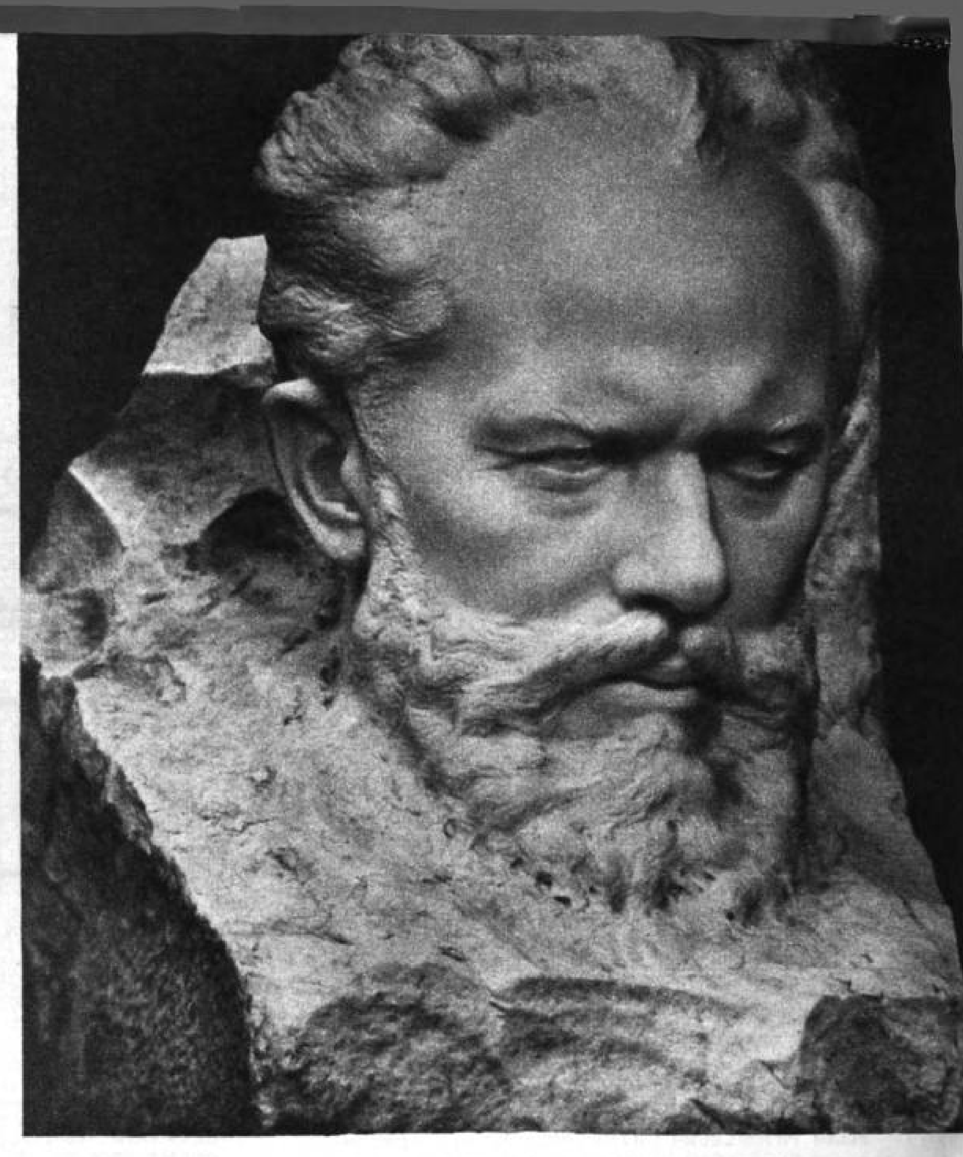
Не удался, нам кажется, в спектакле Пеклеванов. И это вина не столько артиста М. Киселева, много работавшего над ролью, сколько авторов музыки и либретто. Исполнителю не был дан материал для того, чтобы запечатлеть образ профессионального революционера, ярко выписанный Всеволодом Ивановым.

Опера Дм. Кабалевского только начинает свою жизнь. Несмотря на некоторые недостатки, она оставляет впечатление труда талантливого. Мы думаем, что в опере «Никита Вершинин» многое еще будет отшлифовано, дописано, добавлено. Одно ясно: опера эта не поденка, не случайность на советской сцене, а серьезная удача и театра и композитора.

Ник. КРУЖКОВ

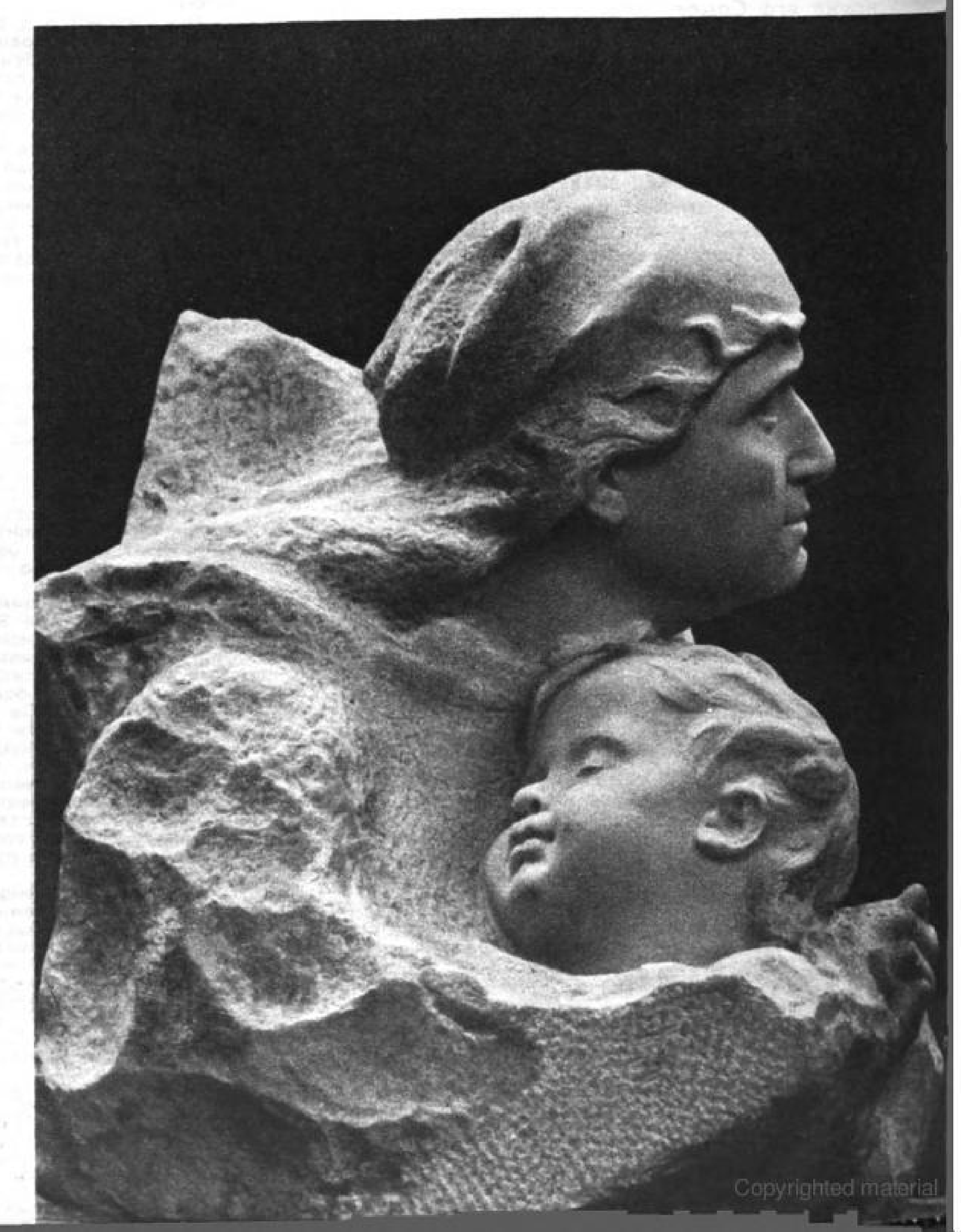
Фото Б. Борисова и Н. Саховского.

«Никита Вершинин» Дм. Кабалевского. 3-я картина 1-го акта.

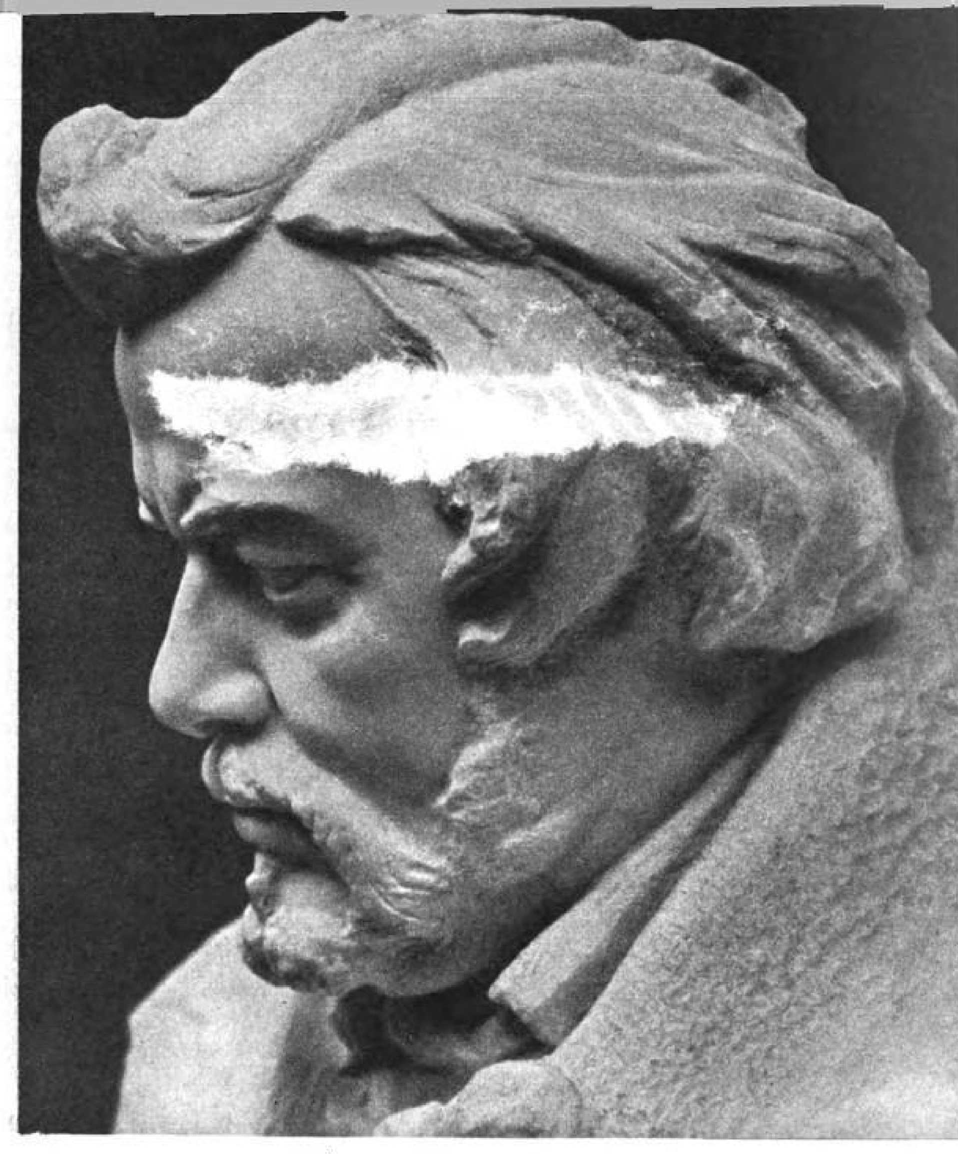


П. И. Чайковский. Мрамор. 1947 год.

В МАСТЕ



Сталевар И. Садыков. Из серии «Урал». Терракота. 1941—1943 годы.



М. И. Глинка. Мрамор. 1954 год.

РСКОЙ СКУЛЬПТОРА

Вы входите в мастерскую, всматриваетесь в гипсовые, мраморные, бронзовые статуи и бюсты, которые громоздятся на полках, теснятся по углам. Немало здесь повторяющихся образов. Вот мелькнул характерный гоголевский профиль, а там — фигура писателя во весь рост, еще бюст, еще фигура, третья, четвертая.

Эта настойчивость в разработке одного и того же образа — характернейшая черта творчества З. М. Виленского. С поразительным упорством и трудолюбием он на многие годы отдается взволновавшей и захватившей его теме.

Очень интересна многолетняя работа Виленского над портретом Гоголя. В небольшом бронзовом бюсте скульптор изобразил его со слегка наклоненной головой, с углубленно сосредоточенным взглядом. В этом тонко решенном портрете скульптору удалось передать затаенную думу писателя. Но вот мы переходим к большому мраморному бюсту, и перед нами новый аспект гоголевского образа — спокойная мудрость народного писателя, светлая улыбка, легкий юмор, притаившийся в уголках рта...

Многообразно решен Виленским и образ Глинки. Скульптор начал с серии интимных портретов композитора, среди которых выделяется мраморный бюст пожилого Глинки в феске, принадлежащий в настоящее время Пражской опере. В этом энергично вылепленном портрете убедительно передана глубина и напряженность творческой мысли великого музыканта.

В другом варианте наклоненная вперед голова композитора вырастает из почти необработанной мраморной глыбы. Этот композиционный мотив, применявшийся скульптором и в других работах (портреты П. И. Чайковского, академика В. И. Вернадского), здесь достигает особой выразительности.

По признанию скульптора, с образом Глинки он связывал эпическую широту, певучесть, раздолье русской национальной музыки, и эта тема прежде всего и раскрывается в портрете композитора, выполненном для Большого театра. В другом портрете скульптор стремится как бы воплотить самый момент рождения музыкального образа и оттеняет при этом романтическую взволнованность Глинки.

Во всех создаваемых Виленским вариантах скульптурного портрета запечатлены различные грани изображаемого характера.

Художник неутомимо изучает свою «натуру», чтобы «вжиться» в нее, ощутить характер с той непосредственностью, без которой невозможна подлинная правда. В работе над историческим портретом он не довольствуется изучением иконографических материалов, а ищет в самой жизни модель, которая помогла бы реалистичней решить задуманный образ. Так, увидев однажды в вагоне метро пожилого человека, поразившего его одухотворенностью облика, Виленский не успокоился, пока не познакомился с ним и не убедил позировать для портрета. Превосходный по пластике портрет старого инженера многое «подсказал» скульптору в работе над образом Глинки.

В выполненной Виленским на протяжении четверти века богатой портретной галерее мы находим замечательные по меткости характеристик, по лаконичности и выразительности пластических средств образы наших современников. Достаточно указать на портреты пианистов К. Н. Игумнова, А. Б. Гольденвейзера, академиков С. А. Чаплыгина, И. А. Каблукова и В. И. Вернадского, художников М. В. Куприянова и С. А. Чуйкова, авиаконструктора С. А. Лавочкина и многих других.

Но всего ярче художественное дарование Виленского раскрылось в его портретах советских рабочих, простых и скромных тружеников нашей страны. В годы Великой Отечественной войны Виленский жил на Урале, в городе Молотове, и работал над серией портретов людей металлургического завода. В серии «Урал» сказались лучшие черты искусства скульптора — предельная простота и правдивость. Старики-мастера с добродушной усмешкой, прячущейся в бороде и усах; парнишки в примятых кепках и пиджаках с отцовского плеча; передовики производства с упрямой складкой у рта; молодые работницы, озорно поглядывающие на зрителя; рабочий в прозодежде, присевший отдохнуть, расправить натруженные плечи,—таков целый мир, любовно изображенный скульптором.

Превосходно вылеплены все эти головы, бюсты, фигурки — легко и свободно, без мелочных подробностей, с верным чувством объема, пластической формы. Но главное — жизненная убедительность созданных скульптором образов: им веришь сразу и до конца — правде жеста и движения, взгляда и улыбки. За обыденной внешностью встает внутренняя красота и обаяние человека труда. Героическая тема решена без всяких прикрас, ложного пафоса и лакировки, и именно поэтому она зазвучала с особой силой.

Портретный жанр преобладает в творчестве Виленского, но не исчерпывает его. Он много работал и в монументальной и в жанровой скульптуре. В годы Отечественной войны им создан ряд композиций символически-обобщенного плана. Огромной экспрессией отличается фигура «Партизана в шубе».

Среди последних работ Виленского — головка «Девочки с голубем», группа «За мир!».

Недавно в Москве состоялась выставка произведений Виленского. Она подвела итог 25-летию его творческой деятельности и показала, что искусство мастера год от года совершенствуется, тяготея ко все большей цельности и глубине художественных решений.

Ел. ТАГЕР

Рабочий керамического цеха С. Шабуров. Из серии «Урал». Терракота.

За мир! Композиция. Мрамор. 1954 год.

Скоростной спуск

Вс. ДАЙРЕДЖИЕВ
Фото А. Сидоренко.

Молодые горнолыжники В. Тальянов, В. Мельников и В. Турунин.

Советские слаломисты примут участие в VII зимних олимпийских играх. Команда СССР составлена из молодых спортсменов, завоевавших право на поездку в Кортина д'Ампеццо после отборочных соревнований. О том, как прошло одно из этих соревнований, и рассказывается ниже.

С финиша скоростного спуска мчащийся вниз лыжник похож на парашютиста в затяжном прыжке. На фоне ослепительного снега, то исчезая, то снова появляясь, все увеличиваясь в размере, несется на вас черная точка. Чем она ближе, тем отчетливее нарастает скорость движения, почти полета. Вот лыжник скрылся в лесу и тут же в вихре снежной пыли снова вылетел на открытое место. Теперь он проносится мимо скал и вот уж появляется у их подножия, словно пронзив гранит от вершины до основания.

Вы стоите и, как зачарованный, следите за причудливыми петлями, которые рисует на снегу этот смелый и ловкий человек, а он, выдержав напряженнейшую борьбу со скоростью и за скорость, как ураган, проносится через финишную черту. Сделав несколько плавных, тормозящих поворотов, он останавливается, сдвигает темные очки на лоб и вопросительно смотрит на судей и зрителей, окружающих финиш. И вдруг его лицо, рассеянное, как у человека, только что оторвавшегося от напряженного труда или внезапно проснувшегося, расплывается в радостной улыбке: результат хороший.

...Нынешней зимой в районе урочища Кок-Ашик — горнолыжном уголке Заилийского Ала-Тау — выпало мало снега. Чтобы проложить хорошую трассу для скоростного спуска, пришлось свозить и сметать снег со всего склона. И все-таки крупные валуны остались неприкрытыми, торчали из-под снега и мелкие камни. И поэтому, несмотря на то, что погода стояла самая радостная, солнечная, с небольшими бодрящими морозами, участники соревнований сильнейших горнолыжников волновались больше обычного. Одно дело — спускаться на большой скорости, когда кругом глубокие снега, другое — все время помнить, что по краям коридора шириною в 20 метров тебя ждут острые камни. Но, как говорится, нет худа без добра: олимпийская трасса в Итальянских Альпах тоже проложена в густом лесу, между высокими скалами.

...Вячеслав Мельников большую часть своей жизни провел на севере, в гористом Кировске. С детских лет он постиг всю прелесть вихревых спусков на больших скоростях. Сейчас студент Вячеслав Мельников, невысокий, худощавый, сменивший в поисках наибольшей обтекаемости обычный горнолыжный костюм на трико конькобежца, ждал старта на высоте 3 тысяч метров. Он уже добился одной победы — в слаломе-гиганте, и теперь ему очень хотелось снова быть первым.

К решающей схватке на крутом склоне Чимбулака вместе с Мельниковым готовились и другие слаломисты — Александр Филатов, Геннадий Чертищев, Виктор Тальянов, Юрий Шарков, Виктор Турунин. К месту старта все они поднимались на подъемнике, сосредоточенные, собранные, примериваясь к самым опасным участкам трассы. Лыжники собрались около домика-теплушки. В этот день что-то не ладилось с печкой, и в теплушке было холодно, однако и это не огорчило Мельникова. Чтобы согреть застывшие во время подъема ноги, он приплясывал на месте, посматривал на судей и нетерпеливо ждал своей очереди. Один за другим спортсмены срывались с места и скрывались под уклоном.

Вот и Мельников начал спуск. Почти вплотную сдвинув ноги, пружиня ими, как рессорами, он был готов к любой неожиданности. С громадной скоростью проносились мимо деревья и скалы. Будто сама летела под лыжи трасса. Спортсмены говорят о ней, словно о живом существе: «Не успеешь обработать один бугор, а на тебя уже идет другой».

Мельников знал, что самое серьезное испытание ждет его у группы бугров, похожих на верблюжьи горбы. Весь вопрос в том, сумеешь ли сохранить на этих буграх взятый темп. Большинство лыжников, подходя к «верблюду», делает широкую и плавную дугу, а затем, напрямик к воротам, вынуждено тормозить, теряя ритм спуска. Наиболее смелые резали спуск по диагонали. На бешеной скорости сокращая путь, они делали естественный крутой поворот и на опасные препятствия выходили с малой скоростью, не теряя при этом ритма движения и экономя драгоценные секунды. Но «малая скорость» в скоростном спуске — это 40—50 километров в час, и если ты не сумеешь смягчить выхода на бугор, он неизбежно собьет тебя с ног.

Вячеслав Мельников все это знал; не раз он вместе с тренером Юрием Преображенским «воевал» с «верблюдом», поэтому, миновав подножие бугра, он сразу прыгнул на его середину и, сделав глубокий присед, бреющим полетом перелетел через вершину. Тут же Мельников выпрямил ноги и, падая грудью вперед, как бы опираясь на струи встречного воздуха, заскользил по почти отвесному склону. Если не сделать этого наклона вперед, падение неизбежно.

Пройдя без единой задержки и потери ритма «верблюд» и чувствуя, как его несет со все нарастающей скоростью, Вячеслав Мельников облегченно перевел дух. Он знал, что именно так, как он, пройдут «верблюд» и Геннадий Чертищев, и Виктор Тальянов, и Виктор Турунин, и Александр Филатов — главные его соперники. Нет, им не удастся выиграть у него на этом препятствии. Но впереди уже виднелись «музыкальные бугры». Смешное это прозвище им дали, может быть, потому, что лыжник, проносясь по ним, как бы выбивает чечетку.

Но и здесь Мельников ни разу не оступился, не сделал ни одного ложного движения. Так он вышел на пологий финишный уклон, где явно не хватало скорости и где другие лыжники, имея преимущество в весе, могли развить большую скорость. Этого нельзя допустить, и Мельников неистово заработал палками.

Всего около двух минут прошло с момента старта, а силы были уже на пределе. Такова природа слалома. Недаром иногда за финишной чертой горнолыжник валится с ног от изнеможения.

Вот он, финиш! Какая тишина, какой покой! Не свистел больше ветер в ушах, не мелькала перед глазами белая лента трассы. Однако теперь он думал о другом: как пройдут соперники? Нет, никому из них не удалось улучшить время Вячеслава Мельникова — 2 минуты 24,6 секунды.

В. Мельников на спуске.

Над Большим Колорадским каньоном.

Фото А. СОФРОНОВА.

Аризона. На сельскохозяйственной выставке.

Школьники Аризоны.

Одна из улиц города Феникс.

ПОД ЗНОЙНЫМ НЕБОМ АРИЗОНЫ

Анатолий СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Прежде чем начать рассказ о нашем пребывании в Аризоне, я должен попросить извинения у читателей за большую цитату. Она введет читателей журнала в курс событий, происходивших в штате Аризона перед тем, как мы, покинув Лос-Анжелос, приземлились на аэродроме города Феникса.

На другой день после нашего прилета в «Феникс-газетт» была напечатана статейка некоего Берта Файрмэна под заголовком **«Этого критика встретили грубо»**.

«Как видно из статей и писем, опубликованных в нашей газете в последние несколько недель, визит русских журналистов, находящихся сейчас в Фениксе, не протекает целиком в том духе гостеприимства, который традиционно считается западным и американским,— читаем мы в этой статейке.— От приветствий «Добро пожаловать, чужестранец!» воздержались в данном случае те люди, которые обычно являются прекрасными хозяевами.

Эд Зиглер, владелец конторы по снабжению предметами ухода за домами в Фениксе и руководитель программы местного клуба, организовал выступление одного русского оратора. Было объявлено, что один из прибывающих к нам русских журналистов сумел прилететь раньше других для того, чтобы произнести эту речь. Дик Индерледен, представитель авиакомпании ТВА, доставил Алрока Тотелова из Феникса в Кулидж для того, чтобы он выступил перед закупочными агентами.

Перед своим выступлением м-р Тотелов позировал фотографам вместе с Гарольдом Вренном — кулиджским издателем, Индерледеном и Полем Марксом — закупочным агентом «Констракшн компани».

М-р Индерледен, представляя гостя, объяснил, что русский писатель не говорит и не понимает по-английски, но что он имеет подготовленный текст речи и привез с собой ее английский перевод, написанный одним из остальных журналистов...

Гость резко критиковал методы американского бизнеса и оскорбил закупочных агентов, обратившись к ним скорее как к клеркам, а не как к представителям фирм. Оратор заявил, что в американской практике ведения хозяйства процветают расточительство, излишества и незаконность.

М-р Тотелов указал, что американскому бизнесу не хватает дисциплины, которая, по его словам, делает русскую систему более эффективной. Он беззастенчиво расхваливал социализм и высмеивал систему свободного предпринимательства. Он критиковал также американских женщин за их вялость и безжизненность, открыто осуждая их жизнь в роскоши... По мере того, как он монотонно читал свою речь, показывая поверхностное знание американского бизнеса, но черня его как упадочный и прогнивший, из задней части комнаты стали раздаваться свистки. Некоторые закупочные агенты пытались остановить это неучтивое поведение своих коллег, но не могли прекратить протестов.

Но речь была неожиданно прервана, когда на собрание явились два помощника шерифа графства Пинал и заявили, что они пришли арестовать м-ра Тотелова как самозванца. На собрании поднялся невообразимый гвалт, когда объявили, что Тотелов — это в действительности Эль Потэ, адвокат из Феникса.

Потэ специально отрастил на этот случай усы, выучил примерно 20 русских слов, которые он повторял в своей речи в бесчисленном множестве комбинаций. В течение своего более чем двухчасового пребывания среди закупочных агентов он не произнес ни единого слова, кроме русских слов. Он сохранял строгую мину, без улыбки, даже когда присутствовавшие делали унизительные замечания относительно его внешности, манер и предполагаемого происхождения».

Нуждается ли эта корреспонденция в особых комментариях? Думаю, что не нуждается. Ее автор пытался изобразить провокационный трюк как некую веселую шутку. Что же, не будем с ним спорить. Каждый шутит посвоему. Но видно, что шутки, даже в таком веселом штате, как Аризона, зашли столь далеко, что помощникам шерифа пришлось арестовать «шутника».

Мы в это время передвигались, пользуясь всеми возможными видами транспорта, по Америке и не подозревали, что в Аризоне кипят страсти, вполне соответствующие ее знойному климату. Мы еще были в Сан-Франциско, а, оказывается, 1-й пост Американского легиона публично высказал свое отрицательное отношение к нашему визиту в Аризону. Но другие ветераны из Американского легиона требовали, как писали газеты, «чтобы с русскими обращались как с гостями, таким же образом, как обращались с американскими конгрессменами во время их недавнего визита в Россию».

Еще в Лос-Анжелосе один шустрый и словоохотливый фотокорреспондент из Аризоны говорил нам:

— В Аризоне вы получите огромное удовольствие. Там сейчас открывается годовая сельскохозяйственная выставка. Там коечто будет. Ковбойские игры. Балет на льду. Маскарады в костюмах старины... Воскрешение старого Запада. А что такое Эльдорадо, вы знаете? Могу только сказать, что по-испански это означает «Адская рыба». Остальное увидите сами. Вы любите бейзбол? Не знакомы с ним?! Провал в вашем образовании. В Фениксе вы можете восполнить этот пробел. Туда собираются на тренировочные игры «Нью-Йоркские гиганты», «Чикагские юнцы», «Кливлендские индейцы». А главное — маскарады, маскарады, маскарады!

Разговор происходил в лос-анжелосском пресс-клубе. Мы спросили нашего бойкого собеседника:

— А аризонских индейцев мы сумеем увидеть?

— О, конечно! Вы попросите, чтобы вам показали резервации. Вы там увидите кое-что интересное.

— А что именно?

— Зачем я буду лишать вас удовольствия? Вы же журналисты, вам интересно увидеть все самим.

Железная логика фоторепортера нас убедила. Мы перестали его расспрашивать. Из его темпераментной тирады запомнилось, что в Аризоне любят маскарады

Одна из улиц Феникса.

и что нам надо посетить индейские поселения, называемые в Соединенных Штатах резервациями. Уже позже, познакомившись с приведенной выше статьей, мы поняли, как действительно горяча приверженность некоторых аризонцев к маскарадам. Мы даже пожалели этого нескладного Эль Потэ, адвоката из Феникса, отрастившего себе для гастролей усы. Из нас никто усов не носил...

Смертельно уставшие, с глазами, слипающимися от недосыпания и яркого аризонского солнца, стояли мы возле чистенького здания аэропорта Феникса и слушали приветственные слова мэра города, приехавшего нас встретить.

Только через два часа, после каких-то сложных переговоров с администрацией гостиницы, мы попали в прохладные камеры и завалились спать.

Уж не во сне, а наяву мы попали в дом страхового агента одной из аризонских компаний, Ван-Дайка. Хозяин дома, бывший военный летчик, мужчина огромного роста и весом в 250 фунтов, был, видимо, добрым человеком. Жена его, молчаливая, симпатичная женщина, под стать мужу — высокая и полная. По дому, с интересом разглядывая нас, бегали три плотных мальчика. В их комнате все было на стальных пружинах — стулья, кресла и даже игрушечная лошадь. Кроме трех сыновей, у Ван-Дайка была еще дочь лет двенадцати, тоже крупная и упитанная. В углу детской стоял большой американский флаг. Дети почти с младенческого возраста приучаются в Америке к уважению и верности национальному флагу. Небольшой домик казался тесным для этой семьи.

На маленьком дворике на желтой, потертой траве стояли старые параллельные брусья. Висели на перекладине гимнастические кольца. Была протянута порванная в двух местах волейбольная сетка.

С улицы в окна дома заглядывали ветки апельсинных деревьев. На телеграфных проводах сидели маленькие серые голуби, называемые здесь утренними голубями. Приходя постепенно в себя от дневного короткого сна, мы рассматривали и семейство Ван-Дайка и тех людей, что нас окружали. И вдруг выяснилось, что все люди, за исключением хозяев дома, говорят по-русски. Это была новость! В Аризоне знают русский язык? Здесь можно обойтись без переводчика?

Пожилая женщина в голубом платье спросила:

— Знаете ли вы песню «Вечерний звон»?

— Конечно, знаем.

— Ах, спойте... Я так ее любила... Я когда-то жила в Риге...

Краснолицый седой человек сказал нам:

— Я точно не помню, где я родился — в Гомеле или в Витебске... А может быть, где-то посредине.

Он подал нам свою визитную карточку — Александр Степанович Райзин.

— Я сейчас на пенсии. Раньше служил в одной телефонной компании. За выслугу лет пользуюсь правом бесплатных переговоров по телефону. Имею акции компании. У вас нет масонских лож? Очень жаль. Я принадлежу к масонской ложе номер 32.— Райзин достал бумажник и вертел перед нашими глазами кипой каких-то удостоверений.— У меня много работы. Вы знаете, я принимал участие в борьбе с наводнением. Меня наградили медной дощечкой.— Райзин продемонстрировал медную дощечку.— А еще скажу вам — я почетный индеец. Я являюсь опекуном одного племени. Мне даже индейцы присвоили имя Копченая Туча.

Жена Ван-Дайка с брезгливостью смотрела на старого болтуна. Но он не унимался. Ощупывая пальцами материю наших костюмов, он спрашивал:

— Это ваше?

Ловко переворачивая чей-нибудь галстук в поисках фабричной марки, он говорил:

— Это ваш? Ботинки ваши? Часы ваши? А скажите, в Москве иностранцы ходят в сопровождении агентов ГПУ?

Я пожалел, что рано проснулся. Вот уж действительно дурной сон!

К счастью, скоро мы отправились пешком на сельскохозяйственную выставку. К входу стекались жители Феникса. Все они были одеты чрезвычайно пестро, в одежды из дешевых одноцветных тканей.

От большого ледяного прямоугольника веяло холодом. Вокруг льда поднимались трибуны. Более четырех тысяч человек заполнили их.

Было шумно. Кричали продавцы мороженого, кричало радио. Поеживаясь от холода, в первых рядах трибун сидело несколько женщин в горжетках из рыжих лисиц. Шло представление передвижной американской труппы — балет на льду. Чуть в стороне от ледяного поля, выхваченные в черном небе лучами прожекторов, на высоких мачтах без оградительных сеток работали акробаты.

Утром на выставке были автомобильные гонки, во время которых погиб один из лучших гонщиков Калифорнии, Джон Макграт. На 97-м кругу, за 10 минут до окончания гонки по грунтовой дороге, 35-летний Макграт, мчавшийся на машине канареечного цвета, трижды перевернулся со своей машиной и остался лежать бездыханным возле дороги. В стороне валялся шлем гонщика, слетевший после первого переворота. Удар пришелся в голову... Перед началом состязаний Макграт сообщил своему тренеру, что это будет его последняя гонка, после чего он бросает головоломный спорт и начинает заниматься бизнесом в Лос-Анжелосе. У него были основания опасаться за свою жизнь: в 1955 году погибли во время состязаний пять известных гонщиков Американской автомобильной ассоциации. «Смерть Макграта — очередной вклад в черный год истории автомобильных гонок»,— так квалифицировали фениксие газеты это происшествие.

Не досидев до конца представления, мы направились к машинам. Фрэнк Клукхон осторожно сказал:

— Господа, я должен буду вас предупредить. Около гостиницы возможны пикеты. Мы приняли меры. Два человека арестованы полицией.

Мы горько улыбнулись. Все это происходило в канун 38-й годовщины Великого Октября! В Москве люди уже выходили из домов, торопясь на демонстрацию.

— Давить этих подлецов надо!— вдруг с неожиданной злостью проговорил Клукхон, садясь рядом с шофером.

— Кого?— удивились мы такой резкой реплике.

— Пикетчиков,— уже тихо сказал Клукхон и замолчал.

У гостиницы стояло несколько человек в полосатых ковбойках. Они неохотно посторонились, когда мы проходили к подъезду. Ни у кого из нас никогда в жизни еще не было такой встречи Октябрьского праздника. Мы достали из чемоданов бережно хранимые две бутылки «столичной» и баночку с черной икрой, заказали в ресторане сэндвичи и фрукты. Алексей Аджубей на большом листе бумаги красным карандашом написал:

«Да здравствует 38-я годовщина Великой Октябрьской революции!»

«Да здравствует наша любимая Родина!»

И небольшими буквами приписал: «Сбор на демонстрацию в связи с тем, что мы находимся за рубежом, отменяется».

В гости к нам мы пригласили Фрэнка Клукхона и переводчика Чихачева. Они пришли необычно торжественные, подтянутые, видимо, поняв по нашему настроению, как дорог для нас этот праздник.

В открытые двери тянуло вечерней острой прохладой. Ярко сверкали на черном небе густые аризонские звезды. За спиной у нас уже лежала большая часть пути: Сакраменто, Сан-Франциско, Лос-Анжелос, другие американские города. Вспомнились встречи с многими американцами... Мы пели сочиненную нами в пути песню:

Здесь плещет Тихий океан,
Бегут дороги горные...
Проехали мы много стран
До штата Калифорния.

Сейчас в Москве горят огни,
Дождями небо хмурится,
А мы встречаем день одни
На иностранных улицах.

Да, город Фриско [1] знаменит,
Висят мосты гигантские,
И берег солнечный омыт
Волною океанскою.

Шикарно в городе живут,
Машины на обочинах;
Хоть золота немало тут,
Но больше позолочено.

Шумит веселый Голливуд,
Горят огни несметные...
А над Москвой уже встают,
Горят лучи рассветные...

На другой день в фениксих газетах некий Уолт Ковал, возглавлявший пикетчиков, сообщил о том, «что инструкции для пикетирования были получены из Нью-Йорка и из штаб-квартиры в Вашингтоне».

Ларчик в конце концов открылся. До этого нас все время пытались убедить, что пикеты — это частная инициатива, их никто не организует, никто не дает ника-

[1] Сан-Франциско.

ких указаний, а пикетчики сами по себе собираются, сами пишут плакаты, сами кричат, сами размахивают кулаками. Оказывается, в Нью-Йорке и в Вашингтоне дергали за ниточки, а во всех городах продажные марионетки в пестрых рубашках открывали рты и делали всякие телодвижения.

Мы показали Клукхону газету: что это такое? Он пожал плечами: откуда я знаю, мое дело — вас сопровождать и добавил:

— А сегодня, господа, вы приглашены в коммерческий клуб на обед.

— Сумеем ли мы посмотреть индейские резервации, повидаться с индейцами?

— Индейцев вы сегодня увидите на выставке.

— Они там будут?

— Обязательно будут.

Мы поехали на завтрак в коммерческий клуб. Нам опять не понадобились переводчики. Снова здесь оказался Райзин. Еще какой-то тип с красным носом по имени Стив... Еще какой-то человек с тяжелой палкой и мутными глазами.

Стив без остановки тараторил:

— У меня ничего нет, но я богатый человек. Я посредник между покупателем и продавцом. В Аризону, к ее климату сейчас многие стремятся. Я посредник по продаже земель. Деньги здесь лежат под ногами, надо только вовремя нагнуться, чтобы поднять их. Выпьемте, господа!

Райзин с трудом переносил соперничество, он перебил Стива:

— Выпьем за веру, царя и отечество! Ха-ха-ха!

— А разве у тебя есть что-либо из этих трех предметов?— хмелея, спросил Стив Райзина.

— У меня есть деньги, и этого достаточно, чтобы иметь все, что я хочу, в избытке.

— Врешь, старая собака!.. Ничего у тебя нет!

Негр-официант подал карточку. Стив заказал мясное блюдо. Через две минуты официант вернулся и сказал, что такого мяса нет.

— Эти черные скоты всегда что-нибудь напутают!— закричал Стив.

Мы поднялись.

— Мы являемся вашими гостями, но не можем допустить при нас таких разговоров.

За столом стало тихо.

— У нас за такие слова бьют по физиономии,— прибавил Аджубей.

К нам кинулся переводчик:

— Господа, господа!

Но мы уже шли к лифту. Кто-то нас теребил: обождите. Мы отмахнулись, вышли на улицу и зашагали к гостинице, оторвавшись от наших провожатых.

В гостинице мы подошли к Клукхону. Рядом с ним стоял Чихачев.

— Мы требуем избавить нас от этих господ. Мы приехали сюда не для того, чтобы встречаться с этим отребьем. Нас интересуют американцы. А вы кем нас окружили? Это же позор, когда рядом произносят такую гадость. Вы согласны с нами?— обратились мы к Чихачеву.

— О, да! О, да! — торопливо закивал головой Чихачев.

Вскоре мы отправились на сельскохозяйственную выставку штата. Днем, при ярком солнечном свете, она выглядела довольно пестро. Много разноцветных бумажных флажков. Фанерные павильончики, окрашенные в яркие краски. У ворот выставки с револьверами в кобуре стояли полицейские. Толстая американка покупала разноцветные шары сыну. На одной из лужаек демонстрировали гусей и индюков. Они клювами дергали веревки — из кормушек выскакивала еда. В загонах стояли коровы и быки, упитанные породистые свиньи. По всей выставке висели плакаты со свинячьей мордой и с одной подписью: «Это — счастье!».

В одном из небольших помещений музейный работник демонстрировал светящегося в темноте скорпиона.

— Раньше таких скорпионов было пять, но они каннибалы, пожирают друг друга. У них действует закон — сильнейший уничтожает других,— говорил служитель.

На витринах лежали ископаемые: уголь и медь, золото и серебро. Горнорудная промышленность, особенно добыча меди, занимала до последнего времени большое место в хозяйстве штата. Один из управляющих рудниками в Неваде, Уиллингтон, выступая недавно в Сакраменто на конференции губернатора запада США, сослался на Аризону как на пример критического положения в промышленности. «В Аризоне,— сказал он,— 75 процентов шахт, добывающих медь, закрылись. В Аризоне имелось около 14 компаний по добыче свинца и цинка, действовавших два года назад. Теперь осталась только одна компания».

Оказывается, скорпионы живут не только в музеях...

Мы вошли в полутемный пустой зал. Около стены сидела индианка. Из разноцветных ниток она ткала маленький коврик. Мы попробовали с ней заговорить. Индианка испуганно посмотрела на нас и отвернулась. Рядом с залом, на улице, возле вигвама, сделанного из пышной аризонской сосны, спиной к публике сидела другая индианка и тоже ткала ковер. Не думая ее обидеть, мы направили на нее фотоаппараты. И вдруг женщина заплакала.

— Они не любят фотографироваться,— сказал служащий. Смущенные, мы спрятали фотоаппараты. Вот оно что! Надо же было превратить людей в экспонаты сельскохозяйственной выставки, довести их до такого состояния, чтобы от блеска фотообъектива они заливались слезами?!

Мы оглянулись. Сидя на земле, индеец рисовал на песке какие-то фигуры.

— Для чего он это делает?

— Чтобы как-то занять время... К вечеру, перед заходом солнца, он все это стирает... Они пьяницы, эти индейцы. Не хотят работать... Подавай им только виски,— бормотал сопровождающий нас служащий выставки.

— Запьешь тут!

Вдруг к нам подошел Чихачев.

— Господа, договорились... Можете фотографировать. Пожалуйста...

— Нет, нет... Мы не будем.

— Почему? Поплакала, и все. Фотографируйте, господа. Это же экзотика.

С тяжелым чувством мы ушли от этой экзотики.

Где же все-таки тот скорпион, поедающий все, что может быть святого в отношении человека к человеку?

Мы обратились к Клукхону:

— Неужели на этом наше знакомство с индейцами и закончится?

— Что вы! Завтра посмотрите школу для индейцев.

— А разве они учатся не в общих школах?

— Нет.

— Почему?

— Приедете в школу, все узнаете.

Трудно было все-таки Фрэнку Клукхону с нами!

Двухэтажное здание на окраине Феникса, окруженное пальмами,— это и была индейская школа. Рядом со школой расположено общежитие. Мы разделились на три группы. Вместе с Виктором Полторацким мы вошли в седьмой класс. Десятка три мальчиков и девочек сидело за партами. Учительница вела урок. На первой парте сидела девочка 13 лет Корнелия Вапта. У нее были накрашены губы. Мы спросили преподавательницу, что они сейчас делают.

— Готовимся к ярмарке!

— К какой ярмарке?

— Ну, к выставке сельскохозяйственной.

— А что именно готовите?

— Представление.

— Какое?

— Национальное, индейское...

Нам стало ясно — опять экзотика. Мы спросили Корнелию Вапту из племени Пима, что она больше всего любит. Девочка, густо покраснев, молчала.

На одной из парт сидел шустрый черноглазый мальчик. Мы спросили его:

— Слышал ли что-либо о Советском Союзе?

— Слышал.

— А что именно?

Мальчик сразу стал серьезным, и глаза у него погасли. Он молчал. Мы обратились к учительнице:

— Изучают ли дети историю?

— Сейчас изучаем Южную Америку, потом Аляску, потом СССР.

За нами наблюдало несколько десятков глаз. Мы пожелали индейским школьникам успехов в учебе и отправились в другой класс.

В 9-м классе шел урок английского языка. Преподавательница Мей Фланиган держала в руках журнал, изданный на плохой желтой бумаге. На открытой странице мы увидели фотографию Красной площади. Несколько женщин с метлами в руках убирали снег.

— Что это за журнал?

— «Младший школьник»,— ответила преподавательница.

— Вы по этому журналу изучаете с детьми английский язык?

— Да.

— А почему английский язык изучаете по статье о Советском Союзе?

Мей Фланиган покраснела:

— Так пришлось...

— Но ведь сейчас Красная площадь совсем не такая, какой она изображена на снимке.

— Я этого не знаю...

— Можно у вас попросить журнал? У вас, вероятно, еще есть?

— Да, конечно... Пожалуйста.— Мей Фланиган протянула журнал.— Может быть, у вас есть вопросы?— спросила она, стараясь перевести неприятный для нее разговор на другую тему.

— Есть,— сказал Виктор Полторацкий.— Знают ли школьники «Песнь о Гайавате»?

Мей Фланиган покраснела снова:

— Нет... Еще не знают... Это еще у них впереди.

— Но ведь это же девятый класс! Они скоро оканчивают школу!

— Это зависит от программы... Они, конечно, будут знать... Может быть, вы хотите услышать слова на языках их племен? — И, не дожидаясь нашего ответа, она обратилась к девочке:— Скажи на своем языке слово «здравствуйте».

Девочка неохотно поднялась и произнесла это слово на языке своего племени. Мей Фланиган обратилась к другой... Та отказалась.

— Не надо,— сказал Полторацкий,— это же все-таки урок английского языка.

Мы направились в общежитие. В большой комнате возле белого холодильника сидели несколько индианок и пожилая женщина.

— Что они делают?— спросили мы Глена Лундина, заместителя директора школы, встретившего нас в общежитии.

— Урок домоводства.

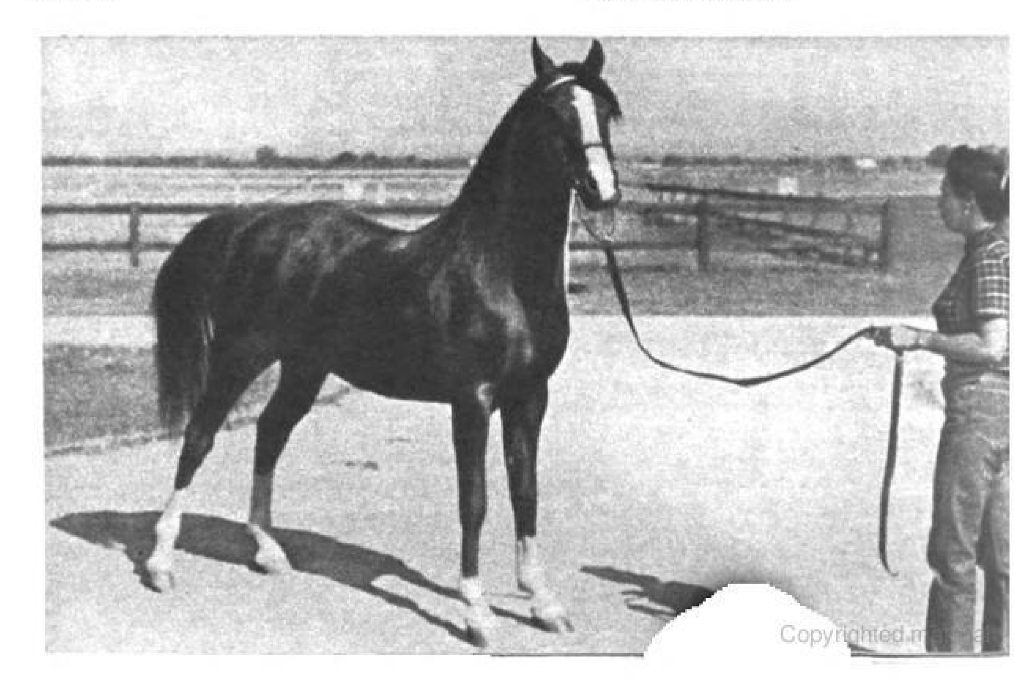
Мы заглянули в комнату для девочек. Кровати стояли в два этажа.

Глен Лундин рассказал о том, как живут ученики. Обучающиеся делятся на две группы. Часть из них — меньшая — учится 12 лет, остальные — 5. Пятилетнее обучение, как сказал он, «для элементарных профессий». Из пятигодичников готовят пекарей, плотников, каменщиков и т. д. На содержание каждого ученика отпускается 800 долларов в год. Этой суммы не хватает. Школьники прирабатывают еще по субботам и воскресным дням в частных домах. Девочки выполняют работу служанок, мальчики — всякую черную работу по двору...

— Обучение осложняется тем,— говорил Глен Лундин,— что тысячи детей индейцев никогда не обучались в школе...

— Отличается ли эта школа от обычной американской школы?

Флоренс Дехарти.



— О, конечно! — сказал Лундин.— Но это объясняется только разной степенью культуры.

Мы не углублялись в эти сложные вопросы. На очереди еще было посещение Бюро по индейским делам. Учреждение это помещалось в небольшом одноэтажном здании. В одной из комнат сидело около десятка людей в потрепанных, старых костюмах. Среди них выделялся человек в модном сером пиджаке с галстуком цвета бычьей крови.

Сидевший за столом американец спросил:

— Господа советские журналисты имеют желание задать вопросы собравшимся здесь индейцам?

— Пусть кто-нибудь расскажет о своей жизни.

— Кого бы вы хотели спросить об этом?

— Кто пожелает ответить.

Работник бюро обратился к индейцу, одетому в модный серый пиджак:

— Расскажите, Холмер...

Индеец поднялся:

— Неделю назад я избран председателем совета моего племени Махове. Живем мы в резервации возле реки Колорадо. Племя насчитывает 1 460 человек. Родился я в 1909 году в Калифорнии. Я был диким... Волосы росли у меня до пояса. Охотился на зверей, ловил рыбу. Мой отец решил, что я должен получить образование... Но я скрылся в лесу. Меня ловила полиция. Я бежал от них, переплыл реку Колорадо. Но они меня заарканили в лассо. Связали и повезли в город. Отрезали мне волосы. Поместили в маленькую школу... Я стал привыкать. Начал хорошо играть в бейсбол... Один год я был журналистом. Но наступила депрессия... У меня не оказалось денег. Пришлось менять профессию. Двадцать лет я работал в разных организациях. А сейчас вернулся к своему племени...

— Скажите, а как живут индейцы в резервациях?

Холмер оглядел сидящих рядом с ним индейцев. Все молчали.

— Хорошо, — сказал Холмер.

— Правда ли, что три тысячи семейств из резерваций переселили в пригороды аризонских городов?

— Правда.

— А почему?

— Из-за плохого материального положения... Но перевозят всех только по доброй воле...

— А как же это согласуется с тем, что, как вы говорите, в резервациях хорошо живут?

— Есть индейцы, которые не хотят работать.

— А почему не хотят работать?

Холмер пожал плечами:

— Не хотят — и все...

Неожиданно поднялся человек в голубой широкой блузе. Это был индеец Жузе. Он сказал:

— Мы знаем, что Советский Союз — великая страна. Знаем, что там живет трудовой народ. Я сам много читал о России. Ваша страна пошла далеко. Соединенные Штаты тоже пошли вперед. Желание индейцев сводится к тому, чтобы эти две великие страны были друзьями.

Когда, попрощавшись с индейцами, мы вышли на улицу, Клукхон спросил нас:

— Довольны беседой?

— Довольны. Теперь для полноты впечатлений вы, вероятно, покажете нам хотя бы одну из резерваций, где живут индейцы?

Клукхон покачал головой:

— У вас нет времени, господа.

— Почему? Как раз здесь, в Аризоне, у нас очень спокойная программа... В крайнем случае мы готовы от чего-либо отказаться.

— Далеко ехать...

— У вас такие быстроходные машины.

— Вам надо отдыхать, вы устали.

— Отдыхать мы будем в Москве.

— Вы увидите резервации с воздуха.

— Как с воздуха?

— Когда полетите осматривать Грандканьон...

Мы махнули рукой. Можно было подумать, что каждая индейская резервация — это, по меньшей мере, крупный военный объект.

Так мы и не повидали, несмотря на нашу просьбу, мест, где живут индейцы.

Когда мы летели к Грандканьону, на красновато-коричневом плато увидели контуры далеких жилищ.

— Вот там индейские резервации, — сказал летчик Дейл Велинг, указывая вниз.

Для того, чтобы сфотографировать, как говорят в Аризоне, «седьмое чудо мира» — Грандканьон, я пробрался в кабину летчика, добродушного высокого парня, небрежно державшего рули управления самолета.

Самолет летел строго на север. Сначала внизу зажелтела пустыня. Потом желтые невысокие гребни сменились коричневыми складками плоскогорий и небольших холмов. Озаренные солнцем, показались красные скалы, похожие на башни старых крепостей.

— Это место — собственность Голливуда, — сказал летчик. — Здесь Голливуд снимает индейские фильмы.

Вот уж, действительно, злая ирония судьбы! В крае, в котором десятки тысяч индейцев были истреблены жестокими завоевателями, а остатки индейских племен сселены насильно в резервации, есть специальные голливудские места, где снимаются фильмы об индейцах?.. Немало я видал таких фильмов. Как правило, индейцы в этих фильмах изображаются коварными и жестокими, а их притеснители — благородными и великодушными. Повидали мы и современных «опекунов», вроде господина Райзина — Копченой Тучи, чье благородство равно нулю, а жадность, стяжательство и отвратительный цинизм можно спокойно отнести в разряд современного каннибализма.

Самолет пошел над густыми лесными массивами, над стальной ниточкой реки, с двух сторон которой, маленькие, как спичечные коробки, лепились разноцветные дома.

— Здесь места отдыха тех, у кого кошелек побольше, — сказал Дейл Велинг. — Они прилетают сюда на своих самолетах на субботу и воскресенье, берут на прокат автомашины и отправляются к горным речкам и озерам ловить форель.

Мы подлетели к Грандканьону. Седьмое или какое другое по счету, но это все же было чудо. Где-то внизу, мутножелтая, текла речка Колорадо. А над ней, в самых причудливых очертаниях, меняя каждую минуту краски, вздымались террасы, обрывы, обнажая складки пород. Мы летели меж двух изломанных граней каньона, прильнув лбами к окошкам. От токов воздуха, идущих снизу, самолет встряхивало. Я смотрел на Велинга. Он спокойно держал руки на рулях управления, только, пожалуй, глаза у него чуть сузились.

Так же незаметно, как мы влетели в Грандканьон, так и вылетели из него. Солнце шло на закат, и его красные отблески ложились на острые грани каньона.

Выходя из самолета, мы крепко пожали руку симпатичному аризонскому парню, летчику Дейлу Велингу. На аэродроме каждому из нас вручили по хрустящей бумажке, на которой был изображен ковбой с перекошенным лицом. Текст бумажки гласил:

«Удостоверение западного преступника. Настоящий документ удостоверяет, что (такой-то) путешествовал по стране беззакония и вступил в связь с отъявленными головорезами, разбойниками, угонщиками скота, грабителями банков, карточными шулерами, бандитами, уголовниками, конокрадами и наемными убийцами, чем и заслужил звание бывалого западного преступника».

Такие шутливые «удостоверения» выдавались каждому, кто прилетал к Грандканьону.

На другой день мы поехали на ферму некоего Эдвина Туита посмотреть его лошадей. Вел машину житель Феникса Митчел. Было яркое, солнечное утро. Пожалуй, мы впервые увидели город более полно, не только его центральные улицы. На окраинах стоят бедные дома. Возле домов много мусора. Люди одеты плоховато...

На одной из улиц рабочие, стоя на высокой пожарной лестнице, стригли пальмы. По странному анахронизму пальмы эти носят название царских. Если пальмы не стричь, они погибают.

Мы миновали город и поехали Райской долиной. Была пора созревания апельсинов, с двух сторон дороги виднелись наливающиеся желтым цветом плоды на круглых, аккуратно подстриженных деревьях. Митчел вел машину и говорил:

— Эту долину не случайно называют Райской. Ежегодно сюда осенью и зимой приезжают отдыхать десятки тысяч людей. Здесь много гостиниц и ранчо, в которых останавливаются туристы. Ежегодно штат зарабатывает на туристах в среднем 150 миллионов долларов. Туризм — одна из основных статей дохода.

Впереди виднелась двугорбая гора. Возле горы среди огромных кактусов расположилась гостиница. И гора и гостиница назывались одинаково: «Кемелбек» — спина верблюда.

С двух сторон дороги поднимались величественные кактусы. Цветком штата Аризона, неким его символом, является цветок кактуса сагуаро, самого крупного кактуса в Соединенных Штатах. Эти гигантские кактусы распространены в Аризоне. Живут они 150—200 лет, достигая 40—50 футов высоты. Цветы сагуаро, восково-белого цвета, распускаются гирляндами в мае и июне на верхушках длинных ветвей. Обычно в них гнездятся птицы — кактусовые крапивники, коричневые птички с пестрой грудью. Они вьют себе гнезда на кактусах, используя колючки дерева как защиту от своих врагов.

— Вы знаете, — говорил Митчел, — это еще не самые красивые кактусы. На границе с Мексикой растет кактус под названием Орган Пайп. Называется он так потому, что ветви его напоминают трубы органа.

Мы отправились дальше. Скоро асфальт кончился, и машина пошла по жесткой, каменистой дороге. Вдали стояло облако пыли ядовито-желтого цвета.

— Это ведут дорогу от Аляски в Южную Америку, — пояснил Митчел.

Долина лежала ровная, окаймленная цепью невысоких гор.

— Здесь плохо с водой. Вода очень глубоко. Освоение этого района идет с трудом, но все же идет. Несколько лет назад здесь этих ферм не было, — Митчел указывал на небольшие дома, деревянные строения и широкие загоны для скота.

Строительство дома в Фениксе.

Автомобиль подъехал к одному из зданий в тот момент, когда к дому подскакал на рыжей лошадке ковбой в шляпе с загнутыми полями. Он сидел на лошади, упираясь в стремена, широко расставив ноги.

— Познакомьтесь, Гарольд Дехарти, — сказал Митчел. Дехарти приподнял шляпу.

— Извините меня, — сказал он, — я должен отправиться в степь. Моя жена покажет вам лошадей.

Из конюшни вышла тоненькая женщина в синих брюках. В черных ее волосах блестела седина. Дехарти еще раз приподнял шляпу, легко тронул коня и поехал в степь.

— Флоренс, — представилась женщина и пригласила нас в комнату, находящуюся под одной крышей с конюшней.

В комнате было много серебряных и позолоченных кубков. На стене висела голова большого оленя. На полках лежали нарядные, из желтой и белой кожи, седла. На столах стояли лампы, сделанные из пистолетов и стволов винтовок.

Сам Эдвин Тунт здесь не живет. Усадьба его находится в пяти километрах. Здесь он бывает не очень часто. За лошадьми кровных пород смотрят Гарольд и Флоренс Дехарти. У Тунта 27 породистых лошадей, собирающих ему ежегодно обильную жатву призов на выставках и состязаниях.

— Это мы с мужем, — Флоренс показала фотографию, на которой в индейской одежде они были сняты верхом на белых лошадях.

Мы зашли в конюшню. За деревянной перегородкой, дико кося синими глазами, стоял красивый жеребчик.

— Скорадж, гордость конюшни нашего хозяина, — сказала Флоренс. — Стоит 25 тысяч долларов. Застрахован в 10 тысяч.

Флоренс вывела коня на лужайку возле конюшни. Жеребец танцевал на месте... Здесь же в загонах паслись матки с жеребятами, доверчиво протягивая короткие морды к Флоренс...

Клукхону обязательно хотелось, чтобы мы посмотрели коров Тунта.

— Заедем на одну минутку, — сказал он.

Нас встретил Кенис Бредфор, работающий вместе с женой в коровнике. У мистера Тунта 246 коров.

Бредфор показывал нам приспособления для электродойки. Мы разговорились.

— Давно служите у мистера Тунта?

— Недавно. Я сам из Мичигана... Но пришлось продать ферму и переехать в Аризону.

— Почему продали ферму?

Бредфор посмотрел на Клукхона.

— Заболел лихорадкой.

— Климат плохой в Мичигане?

— Не то чтобы плохой, но я болел.

— А здесь хороший климат?

— Хороший.

— Значит, можно здесь купить ферму?

— Можно, но...— Бредфор снова испытующе посмотрел на Клукхона,— но... Я себя плохо чувствую.

— Сколько вы зарабатываете?

— Вместе с женой около 300 долларов в месяц... Это немного, но все-таки жить можно. У меня еще сын здесь же на ферме работает.

Прощаясь, мы спросили:

— Как вы оцениваете тот факт, что мы, советские журналисты, приехали сюда?

— Мы так считаем, что нашим странам надо жить по-соседски. Если так будем жить, все будет хорошо.

Возвращаясь в Феникс, я думал о бывшем фермере, на судьбу которого повлиял климат Мичигана. Человек этот был серьезным и честным на вид. Но нам он, конечно, говорил неправду. Какой это фермер так легко, без нужды к этому продаст свою ферму и пойдет служить к более богатому человеку, где самый объем работы значительно больше, чем на его собственной ферме! У Бредфора никогда в жизни не было 246 коров и 27 кровных, дорогостоящих лошадей. Не климат тут причина, а все тот же вездесущий скорпион конкуренции. Что это так и что не просто найти работу простому человеку, говорит даже журнал «Аризона», рекламирующий красоты штата.

Журнал этот с дарственной надписью подарил нам губернатор Аризоны Макферланд.

В февральском номере за 1955 год, в статье Джозефа Стокера «Руководство к лучшей жизни», говорится: «Давайте представим себе на минутку, что вы не принадлежите к числу тех счастливых людей, которые могут жить, не работая. Затем вообразите, что вы решили приехать в Аризону и встретились там со следующими проблемами: 1. Как и где найти работу. 2. Предположив, что у вас есть капитал для вложения, как и где найти ему хорошее применение».

У бывшего мичиганского фермера «капитала для вложения» не оказалось, но ему все же повезло: он нашел себе и всем членам своей семьи работу у мистера Тунта. Такая «семейная работа» также выгодна для работодателя: можно платить меньше. Другим приходится посложней. Видимо, в качестве профилактики, не желая увеличивать число безработных в штате, журнал «Аризона» пишет: «Как уже было сказано в предыдущих главах, Аризона не является экономическим раем. Возможности здесь не так разнообразны, как в индустриально развитых штатах... Другой экономической особенностью этих районов является то, что зарплата по некоторым видам работы несколько ниже, чем в других местах. Это старая история спроса и предложения... Когда имеется рабочих, ищущих работу, более чем достаточно и предприниматели не набавляют друг перед другом цену, чтобы заполнить свободные места, зарплата снижается».

Вот, оказывается, какой климат в Аризоне...

Перед самым отъездом из Феникса Виктор Полторацкий спросил меня:

— Слушай, а что же все-таки напечатано в этом журнальчике, который нам так мило ссудила учительница в индейской школе? Давай-ка посмотрим, что они читают на уроках английского языка.

— Давай посмотрим. — И мы начали читать статью.

Вот что мы узнали из этой статьи. В США из Москвы вместе с отцом, корреспондентом, вернулась 18-летняя американка Кэтлин Касички. Она и сообщила «свои впечатления» о пребывании в России в течение двух лет. Что же это за впечатления?

Оказывается: «В Москве нет магазинов, в которых вы могли бы выбрать платье, купить его и унести домой». Кэтлин ходила по Москве, заглядывая в окна домов, а потом изумила мир открытием, что в квартирах «обычно свет дает одна, свешивающаяся с потолка, голая лампа». Оказывается, «в домах грубые деревянные полы, самодельные кровати, столы и стулья. Дома отапливаются единственной печью, сложенной из кирпича».

И хотя в начале статьи для видимости соблюдена некоторая объективность в описании московского метро и русской природы, в конце статьи старые грязные инсинуации в адрес советского народа и государства.

Вот, оказывается, какие статьи читаются на уроках английского языка в индейской школе в Аризоне!

— Все-таки я думаю, что не Кэтлин сочинила этот гнусный трактат, — сказал Полторацкий, закрывая журнал.

— А кто же?

— Может быть, папа, а может быть, и какой-нибудь дядя...

— Это тоже из области маскарадов?

— Вот именно. У этих девочек есть достойные учителя.

— Кто же?

...И вот тут хочется несколько переместиться во времени из города Феникса в Москву, где догнал нас журнал «Лук», напечатавший статью члена верховного суда Соединенных Штатов мистера Дугласа, который посетил в Советском Союзе Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Туркменистан. В Вашингтоне мы побывали у судьи Дугласа и имели с ним продолжительную беседу. Судья был любезен, много шутил, высказал много похвал в адрес советской юриспруденции. Поделился с нами своими познаниями в области цветоводства. Выразил свое удовлетворение, что во время путешествия по Советскому Союзу и в Москве и в среднеазиатских советских республиках он не имел никаких ограничений, ездил и передвигался любым видом транспорта и бывал там, где ему хотелось.

Видимо, не очень доверяя самому себе, мистер Дуглас вел с нами беседу при закрытых дверях, не разрешив присутствовать американским журналистам... Он вел с нами беседу, а в это время уже печаталась его статья в журнале «Лук» со смехотворными обвинениями нашего государства в «советском колониализме». В советской печати уже дана была оценка литературным упражнениям судьи Дугласа. Мы можем только присоединиться к этим оценкам. Со своей стороны, мы бы порекомендовали судье Дугласу съездить в индейские резервации, куда не пустили нас в Соединенных Штатах. Пусть мистер Дуглас съездит на сельскохозяйственную выставку в Фениксе и посмотрит на слезы индианки, являющейся экспонатом выставки. А если судью Дугласа из-за его страсти к разоблачениям не пустят в индейские резервации — представим на мгновение себе это! — пусть он отрастит себе усы, а для пущей убедительности и бороду и под этой маскарадной внешностью пробьется все же туда.

Ведь в Аризоне любят маскарады!

Еще в Соединенных Штатах ко мне в руки попало одно письмо.

Город Феникс. У входа на сельскохозяйственную выставку штата Аризона.

Ричард Фрей, ассистент профессора по изучению Ирана в Гарвардском университете, выразил желание через журнал «Огонек» довести содержание своего письма до сведения читателей. Выполняем его просьбу. Письмо написано 14 сентября в Бухаре. Вот некоторые выдержки из него: «Далеко от широких улиц и проспектов Москвы, здесь, в провинциальном городе, где живут русские, узбеки, таджики и другие народы, я нашел откровенный и теплый дух дружеского сотрудничества между многими и такими разными людьми.

Здесь нет отделения «Интуриста». Я был полностью предоставлен самому себе, мне не делалось никаких привилегий как иностранному делегату и специальному визитеру... Я мог совершенно свободно ходить туда, куда я хотел, и видеть то, что мне нравилось. Если бы я имел время, я бы посетил места археологических раскопок в Центральной Азии, куда меня приглашал один из ваших выдающихся археологов.

Я надеюсь, что смогу посетить Вашу дружескую, чрезвычайно интересную страну еще раз».

Ричард Фрей писал, что к нему, иностранцу, в Узбекистане относились так же, как и ко всем остальным. Иначе и быть не могло. Мы убеждены, что и к мистеру Дугласу во время его пребывания в Узбекистане относились так же, как и к остальным. Сейчас к нему мы относимся иначе.

Удар судьбы

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки В. Высоцкого.

— Жизнь, наука, искусство — все в полном смысле движется вперед. И только в одной области ученые не делают изысканий, пренебрегают, считая, видимо, ее второстепенной. Эта область — предсказание будущего! Посудите сами, если бы я, например, знал... разве меня постиг бы удар судьбы?

— А разве вы не знали, гражданин Многоватов?

Впрочем, этот разговор следует перенести в конец нашего повествования. Им удобнее всего завершить рассказ, а также и один из этапов жизни и деятельности главного персонажа (некоторых действующих лиц не хочется называть героями) — Геннадия Романовича Многоватова.

...Когда Многоватов овдовел, он на другой же день после похорон остро ощутил утрату: домработница Тамара сломала пылесос, засушила котлеты и никак не могла найти запонки с аквамаринами. При покойнице пылесос не ломался, котлеты были сочными и не напоминали кожимитовую подошву, а запонки...

— Это уже полное безобразие! Чтоб немедленно были найдены, я этих фокусов с пропажами не потерплю! Хочешь у меня работать, работай честно.

О том, что у него возникла неотложная потребность жениться, Многоватов вскоре вскользь сообщил пожилой и неинтересной кассирше своего магазина Ираиде Львовне.

Кассирша мысленно перебрала всех знакомых женщин и остановилась на соседке по квартире, молодом враче Лидии Журавлевой.

— Ах, есть одна девушка! — воскликнула Ираида Львовна, закрывая глаза и тряся головой.

— Точно девушка? — переспросил Геннадий Романович.

— Вся ее жизнь у меня как на ладони, тихая, скромная, ни знакомых, ни родственников.

— Это хорошо, что родственников нет. А родители есть?

— Отец-пенсионер живет при сыне в Иркутске.

Ираида Львовна ничуть не удивилась, что Многоватов интересуется точными анкетными данными. Осторожный человек не впустит к себе в дом жену с ветра. Особенно в такой дом — полная чаша,— как у Геннадия Романовича!

— А на лицо как? — под конец спросил Многоватов и объяснил:— Потому что я слышал, даже Чехов выставлял определенные условия, чтоб у человека все было красивое: и лицо и одежда.

— Насчет одежды прямо скажу: одевается неважненько...

Многоватов отмахнулся.

— Это же, я говорю, Чехов одеждой интересовался, а я в основном про лицо спрашиваю. Одеть я сам троих могу.

— Правильно, Геннадий Романыч! Если бы вы себе какую-нибудь продавщицу взяли или заведующую пивным киоском, совсем марка не та. А жена-врач, она как бы накладывает благородный отпечаток.

Геннадий Романович сказал гордо:

— Я не нуждаюсь в отпечатках.

Ираида Львовна заторопилась:

— Это, безусловно, верно! Ну, а насчет благородства... Вы только, Геннадий Романыч, меня, ради бога, извините, но даже в прежние времена любой аферист благороднее всякого графа выглядел, потому что понимал: благородством брезговать нельзя.

— Пошлый пример приводите, Ираида Львовна,— скучным голосом сказал Многоватов.

...Знакомство произошло очень просто и естественно. Многоватов позвонил в поликлинику и вызвал на дом врача: желательно товарища Журавлеву.

Врачу Лидии Михайловне Журавлевой нравилось ходить по больным. Иногда встречалась девушка, похожая на ландыш. И Лидия Михайловна всеми силами старалась вылечить этот ландыш от гриппа или ангины. В другом месте оказывался симпатичный старичок, доживавший на пенсии свои золотые годы, и такому хотелось сделать что-нибудь особенно приятное. В третьем...

Вообще жить и работать было интересно.

К Многоватову она пришла, как всегда, быстро и деловито. И немного сконфузилась. На ней были расшлепанные боты, которые снимались вместе с туфлями, а на полу в прихожей лежала голубая бархатная дорожка. И в большом зеркале отразилась ее фигура в черном пальто с кроличьим воротником. Зеркало холодно поблескивало, наверно, оно привыкло отражать соболя, норку или еще что-нибудь такое, чего никогда не было у врача Журавлевой.

Впрочем, она не сконфузилась бы ни перед зеркалом, ни перед ковром, если бы в дверях, придерживая шелковую портьеру, не стоял мужчина средних лет с очень приятным лицом, одетый в плюшевый серебристый халат.

Лидия Михайловна была врачом, но она же была и девушкой двадцати четырех лет, и, когда на нее пристально, с ласковой улыбкой смотрел незнакомый мужчина, она чувствовала себя неловко.

Больным оказался именно он, этот мужчина с мягкой улыбкой, Геннадий Романович Многоватов. Температура у него была нормальная, пульс тоже, но он жаловался на общую усталость. Он все рассказал: недавно схоронил жену (Лидия Михайловна опустила глаза и понимающе кивнула головой), у него очень ответственная, утомительная работа. Нет, нет, бюллетеня ему не требуется, он, так сказать, сам себе хозяин. Единственное, что ему нужно,— это бережное отношение к его психике, которая расстроена... Ну, может быть, какие-нибудь капли...

Выслушивание показало, что сердце у больного Многоватова отличное и легкие тоже в порядке.

— И все же состояние у меня скверное,— с тихой грустью сказал Геннадий Романович.— Милый доктор, уж вы не откажитесь придти еще раз.

Лидия Михайловна была впечатлительна, как многие девушки. Ей вспомнился кинофильм «Неоконченная повесть». Правда, артистка Быстрицкая в десять раз красивее ее, Лиды Журавлевой, но в общем есть что-то похожее. Или хочется, чтобы было похожее... Значит, у него умерла жена? А какое это имеет значение? Очень большое. Врач должен все учитывать.

На следующий вызов Многоватова она пришла в новых коричневых полуботинках и в голубом пуховом берете. И зеркало поблескивало уже не так холодно.

Лидия Михайловна волновалась. Что будет дальше, она не знала. А Многоватов знал: два раза — в кино, один раз — в цирк, один раз — в ресторан. После этого конкретно — да или нет. Он человек занятой, ему время дорого.

После шестой встречи Лидия Михайловна не спала всю ночь до утра и мучилась мыслью, зачем она позволила целовать себя...

Она говорила сама себе: «Конечно, он недостаточно культурен; он сказал, что на стене брарелефы вместо барельефы и что Чехов — в основном комик...» Ну что ж, она только рада будет поделиться с ним своими знаниями.

Но ведь он совсем не чужд культуры, у него одних книг три полных шкафа, и все такие прекрасные издания! Только Лиде не понравилось, как он сказал:

— Те же денежки в случае чего.

Но она тут же мысленно оправдала его: он не сумел сказать иначе о своем пристрастии к книгам. Хотя у него такая же страсть и к мебели, и к картинам, и к одежде. Он сказал ей:

— Между прочим, Чехов сформулировал таким образом: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда!»

— И душа,— подсказала Лидия Михайловна.

Он вздохнул.

— Душу, Лидочка, не видать. И вы, как врач, должны знать, что души как таковой нет. И, откровенно говоря, к лучшему.

...Однако она напрасно не спала ночь после того памятного свидания. Он позвонил ей и настойчиво предложил зарегистрироваться. Когда она при встрече дала согласие, он вынул из кармана кольцо с бриллиантом и надел ей на палец.

— Вы с ума сошли! Как можно тратить такие деньги! — воскликнула Лидия Михайловна.

— Деньги для того и деньги, чтобы их тратить,—ответил Геннадий Романович.

Она не спрашивала про то, откуда у Многоватова столько денег. Она только ужасалась, что он напрасно тратит их, вместо того чтобы поберечь на будущее. Покупает билеты в театр непременно в первом ряду. Обедает с ней в ресторане... Теперь это кольцо...

Лидии Михайловне было двадцать четыре года, и она отлично знала, что на свете есть жулики и воры. Они ездили в автобусах и снимали в тесноте с пассажиров часы. Они даже по ночам напада-

ли иногда на прохожих или проникали в квартиры, и бывали случаи — убивали. Некоторые служили в учреждениях и делали какие-то приписки или подлоги — она точно не знала. Но все они рано или поздно, жалкие, приниженные или противно-наглые, представали перед судом на глазах у всех. И вызывали у людей презрение, ненависть или просто гадливое чувство.

Все эти преступники, пойманные или непойманные, могли, конечно, существовать на этом свете, но знакомыми Лиды Журавлевой они быть не могли. А представить себе, что ее вдруг целует вор,— это было вообще невероятно. Поэтому ей ни на одну минуту не приходило в голову, что книги, и ковры, и костюмы Геннадия Романовича приобретены каким-то нечестным путем.

Разумеется, заведующий магазином не может получать слишком большого оклада. Но... мало ли как бывает: сбережения, наследство, выигрыш. Вот, например, у них в квартире живет кассирша Ираида Львовна (по странному совпадению она работает как раз в том магазине, которым заведует Геннадий Романович). Так вот она постоянно выигрывает! Лида помнит, как она недавно вбежала в кухню и закричала сумасшедшим голосом: «Пять тысяч! Пять тысяч!» — и махала облигацией. А когда соседи стали просить ее дать им поглядеть на счастливую облигацию, она смешно испугалась: «Что вы, еще сглазите!» — и убежала к себе. А ведь возможно, что Геннадию Романовичу посчастливилось и он выиграл не пять тысяч, а пятьдесят?..

Пришло письмо из Иркутска. Писали вместе отец и брат:

«...Лидушка, нам издали что-то не очень нравится твой выбор... Ты, Лидушка, пишешь, что у твоего Многоватова дом — полная чаша и такая внешность, что можно подумать, будто он народный артист... Но хорошо ли ты его узнала?..»

В конце письма была приписка, сделанная рукой брата:

«...Проверь, сестренка! Любовь любовью, а спешить с таким делом не нужно. Любовь никуда не денется, только крепче станет...»

— Милые вы мои, вы не знаете, какой он хороший! — сказала вслух Лида, дочитав письмо.

Не успела она сложить письмо, как в дверь постучали, и вошла Ираида Львовна. У кассирши был выходной день, и она была слегка навеселе. За ней водился этот грешок...

Она без приглашения села за стол, лукаво поглядела на Лиду и погрозила пальцем:

— Выходишь замуж, а сама ни звука, молчишь, как маринованная селедка.

Лида хотела сказать, что живая селедка не разговорчивее маринованной, но подвыпившая Ираида была не только глупой соседкой, но и кассиршей в его магазине. Она каждый день видела Геннадия Романовича, знала его характер, привычки, его покойную жену. И уж, конечно, Ираида могла подтвердить, что Многоватов — хороший человек.

Ираида Львовна подсела к Лиде и заглянула ей в глаза.

— Не гордись, Лидуша, не заносись! Не было бы счастья, да Ираида помогла.

— Вы?

— Я! Сосватала. В бриллиантах, в выдре, в нейлоне будешь ходить, дурочка. Только уж тогда и меня не забудь.

Лида — как будто паутина опутала ей лицо, как бывает осенью в лесу — провела рукой по глазам.

— Я вас не понимаю, Ираида Львовна.

— А чего тут не понимать? Наш Многоватов — мужик лихой, это все знают. Но только он с соображением. И в этом деле тоже: жена-врач — культурный отпечаток накладывает, а жена — заведующая пивной — совсем другая марка. Нет, Лидуша, ты живи, ни об чем не думай. Покойница думала, боялась, оттого преждевременно и померла. А ты живи. Многоватов не влипнет. Уж до чего с телевизорами откровенно маклевал, сказать тебе не могу,— и то не влип!

— Как? — чуть слышно переспросила Лида, испугавшись непонятного слова «маклевал».

— А вот так! — не без гордости сказала Ираида Львовна.— Сейчас телевизоры подкузьмили, начался массовый выпуск. Покупатель приходит в магазин и, ничуть не помаявшись, не пострадавши, выбирает любой и платит деньги в кассу, копеечка в копеечку. А бывало...

Кассирша облизнула губы, дохнула на Лиду перегаром и продолжала с чувством, со страстью, с умилением:

— Бывало, люди ночами в очереди стоят. Тысяча который-то номер! И он, дурачок, надеется, мерзнет в очереди под воротами. Вот к такому-то тысячному дурачку наш Генночка и подошлет... ну, есть у него такие человечки: «Хотите заплатить лишнюю тысячу — и «Север» ваш...» «Хочу!» «В чем дело, даешь деньги на бочку!»

Ираида Львовна тихонько смеется.

— И сколько на эту самую бочку выложено было, сказать тебе не смогу! Большие тысячи. И ведь ты рассуди, Лидочка, не у государства брали. Государству — копеечка в копеечку. Никакого вреда. А покупатель, он шальной. Ему чего захотелось, то и подай немедленно! Такого и нажечь не жалко. И нажигали!

Она вздыхает с надрывом.

— Кончилась телевизорная лафа... Однако,— она грозит кому-то толстым пальцем, похожим на сосиску,— если с умом взяться, то и на спортивных шерстяных костюмах и на коньках можно детишкам на молочишко, а молодой жене на модельные платьишки заработать... Коньков ни одной пары на прилавок не поступило! Все налево. Генночка даже сам шутил: «Чем,— говорит,— я не чемпион-фигурист по конькам?..»

Лидия Михайловна опять не спала до утра. Но теперь она не вспоминала поцелуи и не мечтала о новых. И не думала, как она будет делиться культурным богатством с Геннадием Романовичем. Ей представлялось: на улице к ней подходит сотрудник уголовного розыска: «Это вы целовались со спекулянтом Многоватовым?..» «Это вам подарил кольцо вор Многоватов?» Или: она уже хозяйка в квартире Геннадия Романовича. Входят люди: «Ничего себе награблено! Вот так фокусник: получает в месяц тысячу триста, а покупает на тридцать тысяч! Ловкость рук и полное отсутствие совести»... А другие говорят: «Он не фокусник, а фигурист, и жена его притворяется честной гражданкой, а тоже фигуристка!» А сам Многоватов стоит посреди комнаты, стукает себя в грудь и заявляет: «Жизнь бывает один раз, я люблю красивую жизнь!»

Утром Лидия Михайловна остановила кассиршу в коридоре:

— Ираида Львовна, прошу вас, отдайте Геннадию Романычу вот эту коробочку. В ней кольцо. Он поймет.

Кассирша всполошилась, выкатила испуганные выцветшие глаза:

— Лидочка, может быть, вам что-нибудь люди наврали? Так вы людям не верьте!

Лидия Михайловна написала своим в Иркутск:

«...Спасибо вам за совет, мои хорошие! Я все проверила, обдумала, многое поняла. Мне очень обидно и горько...»

Ей горько, что в ее жизни еще не было настоящей большой любви. То, что встретилось, оказалось лишь пируэтом фигуриста Многоватова, который пожелал, чтоб жена-врач наложила «благородный отпечаток» на его грязную фигуру.

Этого она не пишет родным, но дословно пересказывает разговор с кассиршей.

...Не зная точно, трудно сказать, как было дело: работники милиции и уголовного розыска сами раскопали вора и спекулянта Многоватова или их натолкнуло письмо брата Лидии Михайловны Журавлевой? Известно только, что брат снял с письма две копии, приложил к ним соответствующее объяснение и одну копию отправил в следственные органы, а другую в редакцию.

И вот теперь можно вернуться к началу нашего рассказа, к столу, с одной стороны которого сидит молодой следователь, с другой — Многоватов Геннадий Романович.

Многоватов на вид совсем спокоен, но в голове у него чехарда, мысли так и скачут друг через дружку... «Про что известно? Про телевизоры? Дело прошлое, улик нет. Про костюмы... или про то, что посерьезнее? А следователь-то молодой, жизнь бывает один раз... Рискнуть? Эх, будь он, Многоватов, на месте следователя...»

А следователь говорит:

— Ни в какую судьбу вы не верите и отлично знаете, что это не удар судьбы, а всего лишь законное действие, вызванное беззаконием. И вы не будьте наивным, Многоватов, утверждая, что государству не наносили ущерба, расплачиваясь с казной копейка в копейку. Вы, спекулянт и вор, портили людям жизнь, портили самих людей...

Многоватов глубоко вздыхает и опускает глаза. С опущенными глазами легче сосредоточиться... «А может быть, все-таки рискнуть? Намекнуть, что могу отблагодарить? А ну как за дверью скрытый свидетель или звукозаписывающий аппарат? Жизнь бывает один раз, так как же быть?»

О красоте жизни он уже не помышляет. Не до красоты, лишь бы выкарабкаться. Но чутьем опытного подлеца угадывает: на этот раз ему не уйти.

Зимой

А. КОВАЛЕНКОВ

Каждый раз, когда к тебе навстречу
Я иду тропинкою лесной,
Словно новость в памяти отмечу
То, что и не блещет новизной:

Черный уголь галок на березе,
Снегиря фонарик на сосне —
То, о чем зима в стихах и прозе
С детских лет рассказывала мне.

Самое обычное, простое
Просится в коллекцию чудес:
Сойки ожерелье голубое,
Лисий хвост, что в ельнике исчез.

И с привычкой споря, как находка,
Возникает в промельках лесных
Милая знакомая походка —
Скрип по снегу валенок твоих.

Удивит иных моя причуда,
К личной теме старый поворот,
Но она пришла ко мне оттуда,
Где в мороз черемуха цветет,
Осыпая свежим первоцветом
Перекрестки многих лет и зим...

И подумать только, что об этом
Мы с тобой так редко говорим...

Бракосочетание гостей

В загсе.
Фото В. Савостьянова (ТАСС).

В церкви.
Фото Е. Тиханова.

Во время одной из гастрольных поездок театра, не то в Венеции, не то в Гватемале, Элен Тигпен и Эрл Джексон, артисты американского театра «Эвримен-опера», решили отпраздновать свою свадьбу, когда они будут в Москве.

И вот наступил этот день. 16 января, в два часа дня, отдел записи актов гражданского состояния Дзержинского района Москвы был переполнен.

Заведующий загсом Дзержинского района Валентина Васильевна Цуркан, зарегистрировав брак, поздравила Тигпен и Джексона и пожелала им счастливой жизни.

На следующий день в церкви общины евангельских христиан-баптистов состоялась религиозная церемония бракосочетания. Члены общины, советские граждане, поздравили новобрачных, преподнесли им живую сирень и памятные подарки.

Т. ЕВГЕНЬЕВ

Сурок Мензбира

Мордочка этого зверька напоминает заячью, но короткие уши и совсем не такие, как у зайца, тело, лапы, длинный и густой мех говорят, что этот грызун принадлежит к другому виду.

Сравнительно крупный — когда зверек стоит на задних лапах, рост его достигает полуметра,— с густым, прочным и теплым мехом, высокогорный сурок — очень редкое и малоизученное животное. Место его обитания — небольшой участок юго-западных отрогов Тянь-Шаня на территории Казахской ССР по реке Угам, в ее верховьях, да еще крохотный «пятачок» горной части Паркентского района, близ Ташкента.

Зоологи, относя сурка Мензбира к реликтовым формам (остаточным), не могут с уверенностью сказать, старый ли это, вымирающий вид или же недавно появившийся и не успевший распространиться широко в силу каких-то причин.

Отличная шубка зверька давно привлекала внимание казахских охотников, хотя до его излюбленных горных склонов на высоте от 2 200 до 4 500 метров добраться не очень легко. В Паркенте сурки Мензбира объявлены заповедными.

Акклиматизация сурков Мензбира на новых местах имеет большое значение для Средней Азии, небогатой пушным зверем. Их решили переселить на склоны урочища Гуралаш, в отрогах Туркестанского хребта, невдалеке от Джизака.

Первые семьдесят четвероногих переселенцев уже гуляют на новых местах и чувствуют себя прекрасно.

Н. СОЛОВЬЕВА

Крепко вцепившись задними лапками в крутой склон горы, серый пушистый зверек, ничуть не боясь людей, держится за ремень охотничьей винтовки.

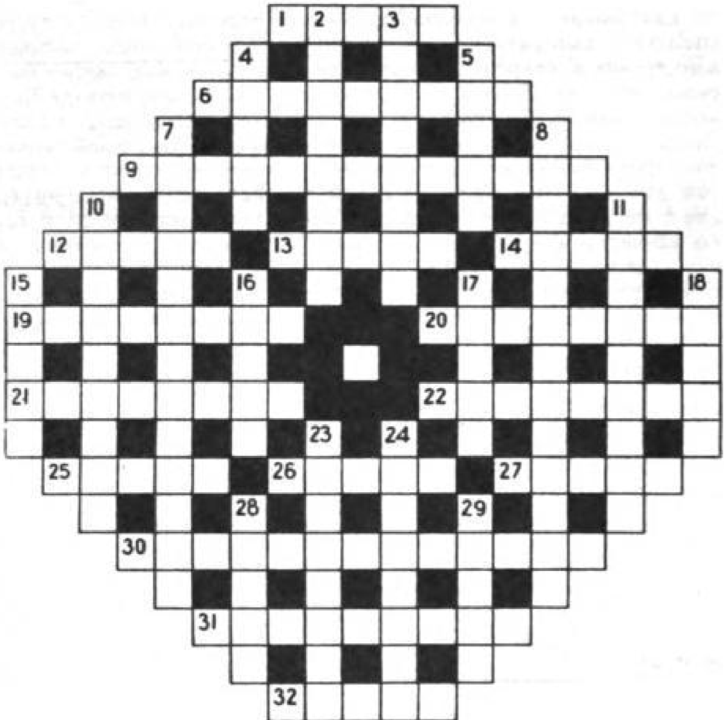
Понятый намек

Мкртич КОРЮН

Приехал Ашот на три дня погостить.
Живет уж четыре недели...
Хозяин в тревоге: как тут не грустить!
Когда же отъезд в самом деле!
Решает он другу слегка намекнуть,
Чтоб к дому родному направил свой путь:
— А ты не скучаешь о дочке, жене!
Разлука приносит печали...
— Ты прав! Напишу, чтобы обе ко мне
Скорее сюда приезжали...

Перевел с армянского
Борис ТИМОФЕЕВ.

КРОССВОРД



По горизонтали:

1. Один из Ионических островов. 6. Город на Украине. 9. Уполномоченный. 12. Многолетнее растение. 13. Часть машины постоянного тока. 14. Часть баланса. 19. Тяжелый металл. 20. Коренной житель. 21. Кровельный материал. 22. Договор, соглашение. 25. Провинция в Китае. 26. Единица измерения количества электричества. 27. Предварительный набросок. 30. Воинская единица. 31. Отражатель лучей. 32. Один из Больших Антильских островов.

По вертикали:

2. Совокупность тем. 3. Краска. 4. Цепь холмов. 5. Принадлежность женского туалета. 7. Преобразователь электрического тока. 8. Специалист в энергетике. 10. Комедия И. С. Тургенева. 11. Чертеж. 15. Минерал. 16. Европейское государство. 17. Сжатое сообщение. 18. Итальянская газета. 23. Детский журнал. 24. Шерстяная ткань. 28. Письменное предписание. 29. Певчая птичка.

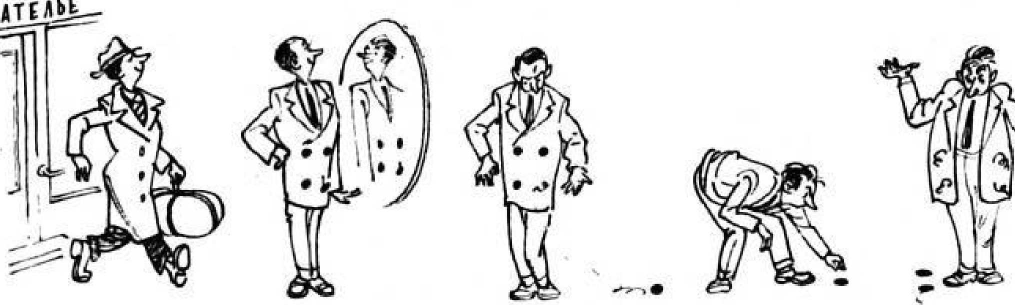
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

2. Кобальт. 6. Береза. 7. «Правда». 9. Инспектор. 11. Шалаш. 12. Устав. 13. Поток. 15. Влияние. 16. Армавир. 18. Шахматы. 20. Ракита. 23. Забота. 25. Фабрика. 28. Дефиле. 29. Глазок. 30. Машиноведение. 31. Лидер.

По вертикали:

1. Масспектрометр. 2. Казань. 3. Термос. 4. Дерзание. 5. Единство. 8. Фарватер. 10. Вагранка. 13. Погас. 14. Каюта. 17. Оригинал. 19. Собрание. 21. Алой. 22. Афелий. 23. Загреб. 24. Трос. 26. Батолит. 27. Инженер.



ПОВЕСТЬ О ЧЕТЫРЕХ ПУГОВИЦАХ.

Ю. Черепанов.

В этом номере на вкладках: четыре страницы рисунков О. Верейского и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

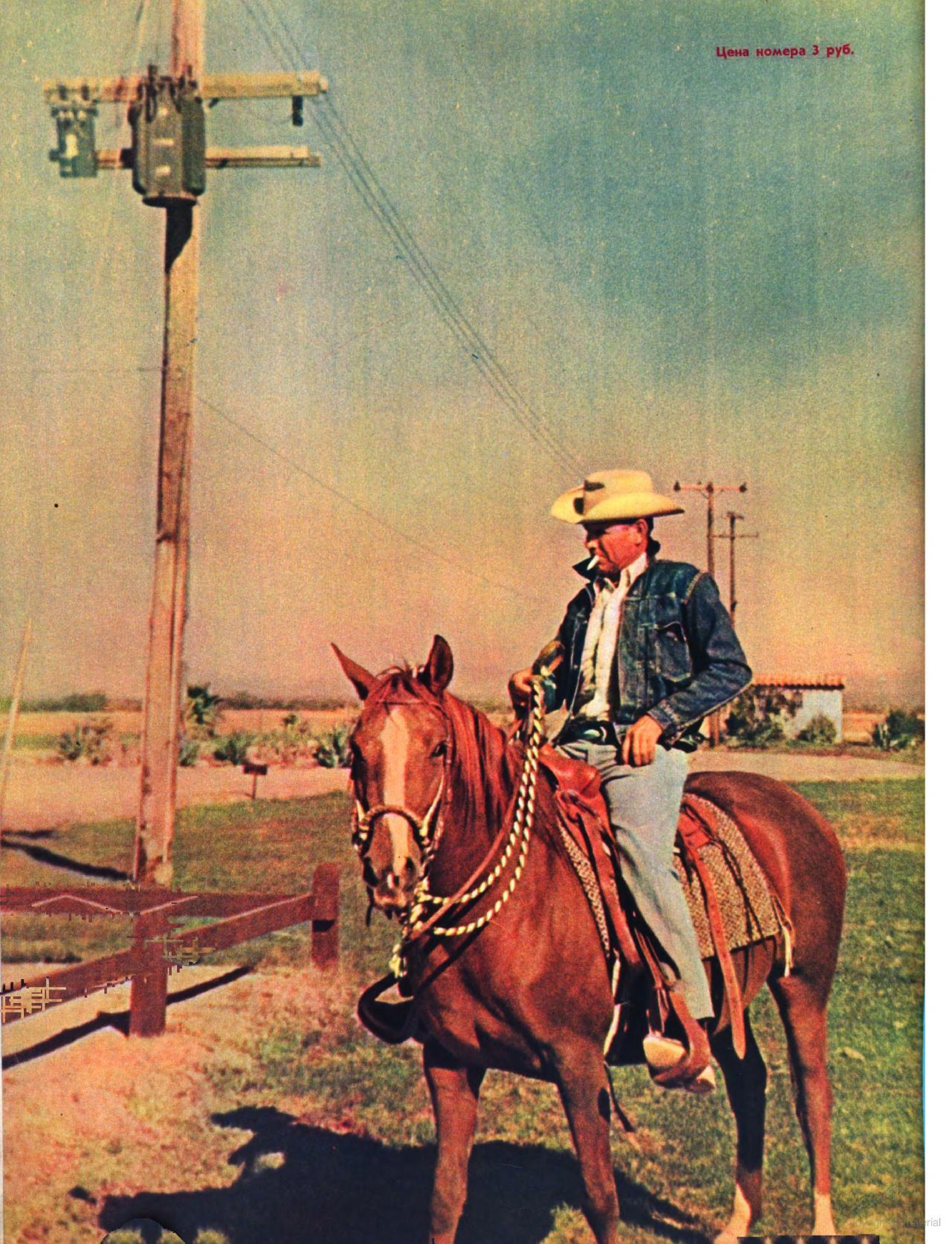
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 00322. Подп. к печ. 25/I 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 89. Заказ 29. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Петрозаводск.
Новая
средняя школа.

Фото П. Беззубенко.



Цена номера 3 руб.